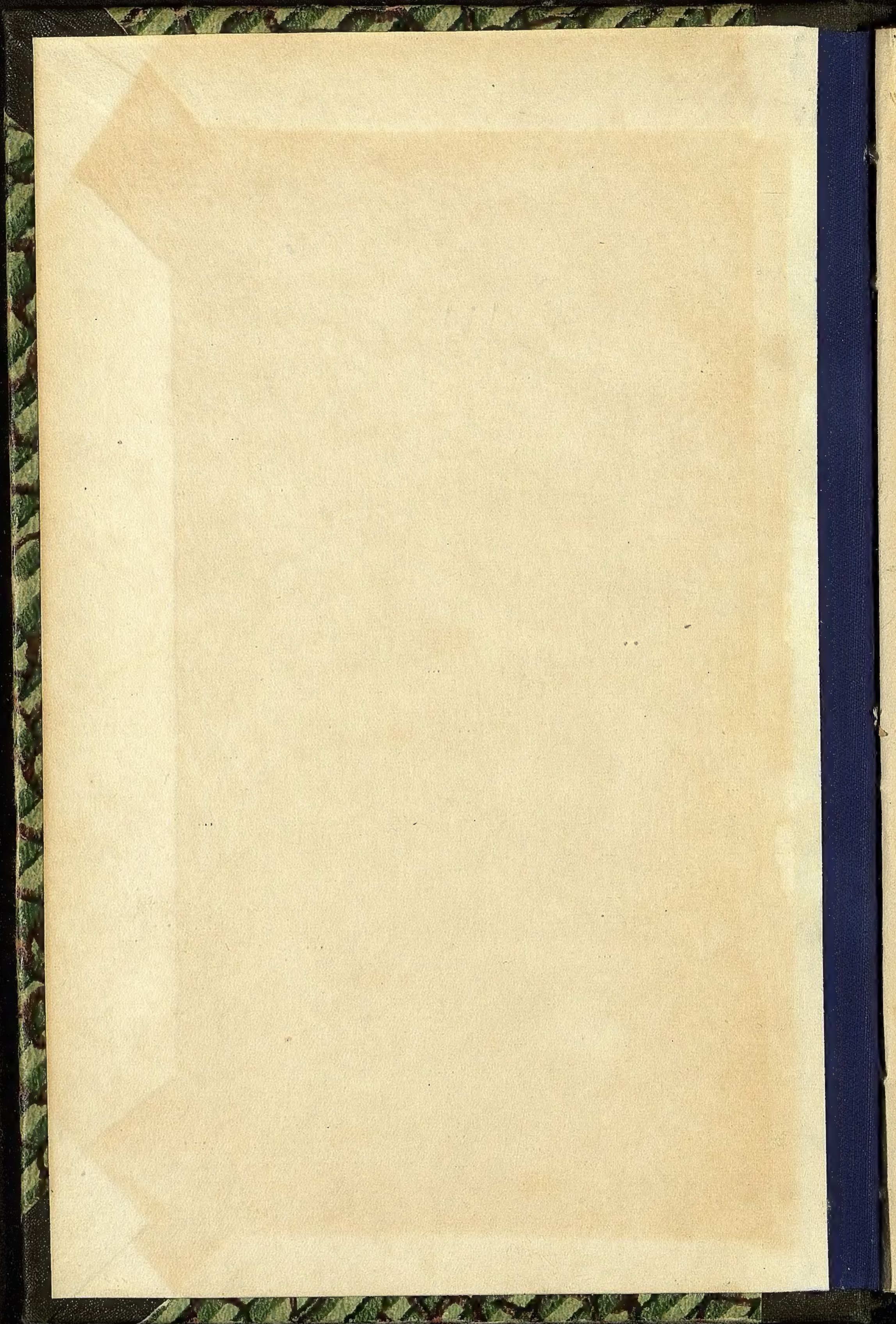
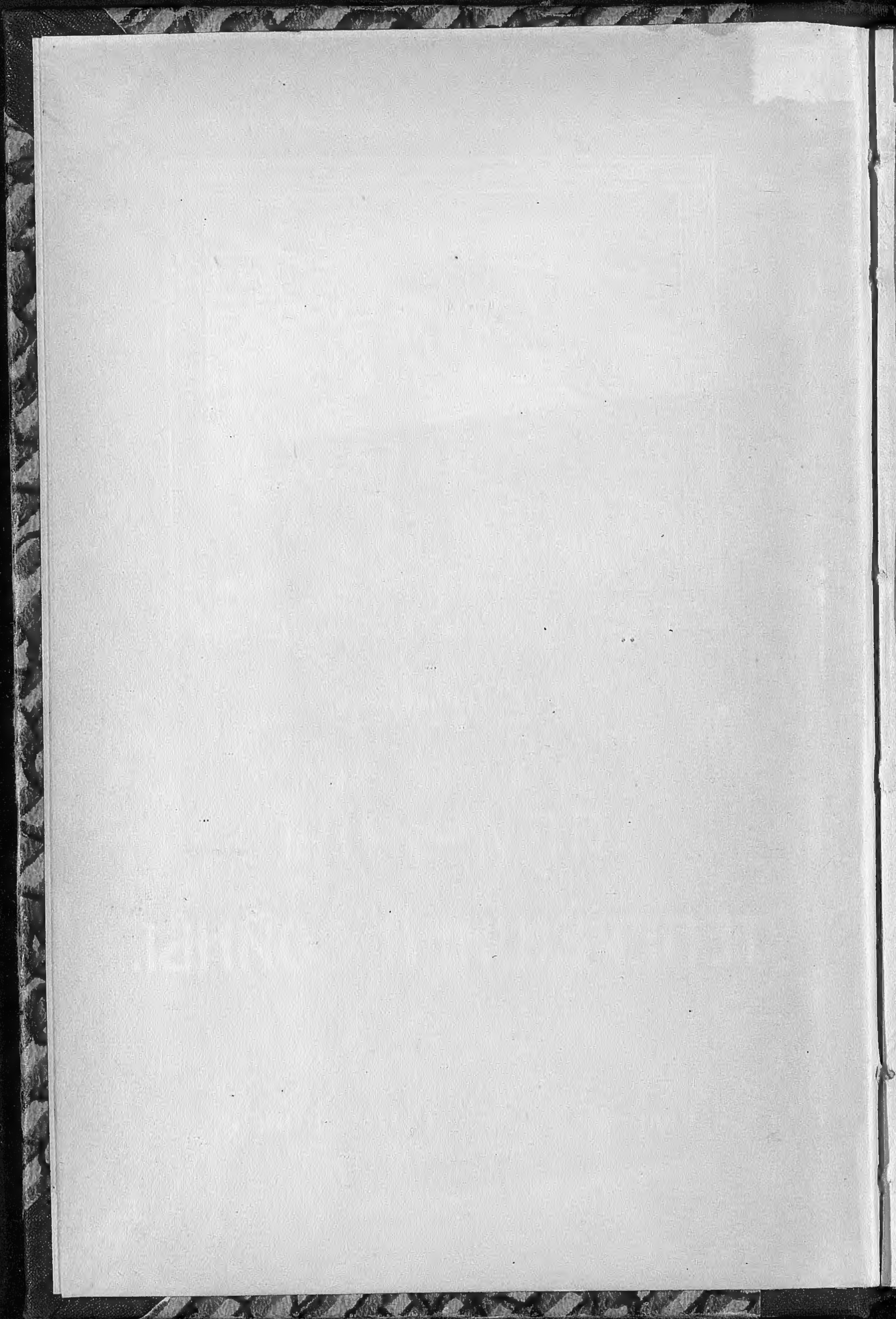
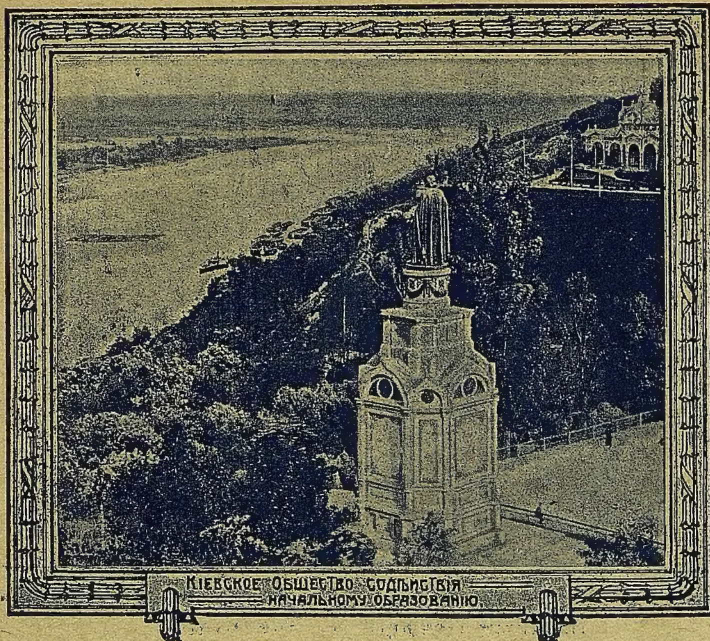

K89 613

Г. Е. Аѳанасьевъ.

ПРИЧИНЫ
ТЕПЕРЕШНЕЙ ВОЙНЫ.

Книгоиздательство „СОТРУДНИКЪ“.
ПЕТРОГРАДЪ—КІЕВЪ.
1916.

Дозволено Военной Цензурой. Кіевъ, 15-го Декабря 1915 года.
Военный Цензоръ *А. Никольскій.*

Уважаемому Александру Дмитріевичу Билимовичу на добрую память. Г. Афанасьевъ

Г. Е. Аѳанасьевъ.

Причины теперешней войны

Книгоиздательство „СОТРУДНИКЪ"
ПЕТРОГРАДЪ—КІЕВЪ.
1916.

Тип. Акц. О-ва „Петръ Барскій въ Кіевѣ“, Крещатикъ № 40.

Предисловіе.

Предлагаемое вниманію читателя изложеніе событій, подготовившихъ нынѣшнюю европейскую войну, было предметомъ двухъ публичныхъ лекцій, прочтенныхъ осенью 1914 года, а потомъ повторенныхъ еще три раза зимою 1915 года. Интересъ кіевскаго общества къ этимъ лекціямъ вполнѣ понятенъ. Съ одной стороны настоящая война слишкомъ близко задѣваетъ непосредственные интересы нашего города, съ другой она такъ чревата большими послѣдствіями для нашего отечества и всего міра, что каждый мыслящій и чувствующій человѣкъ не можетъ оторвать своего вниманія отъ совершающихся событій и не можетъ не искать въ прошедшемъ ихъ объясненія. Мнѣ пришлось также прочитать лекцію о томъ же предметѣ въ Винницѣ и видѣть опять тотъ же напряженный интересъ въ тамошней публикѣ, переполнившей большой залъ городской думы. Этотъ интересъ къ предмету моихъ лекцій, очевидно, не ограничивающійся предѣлами Кіева, побудилъ меня написать ихъ и издать, такъ какъ, по всей вѣроятности, это изданіе можетъ отвѣтить интересу тѣхъ лицъ, которыя не были на лекціяхъ и желали бы подумать надъ причинами теперешней огромной войны, не спѣша, какъ это бываетъ по необходимости при устномъ изложеніи предмета на лекціи. Кромѣ того, я имѣю въ виду, что печатное изложеніе причинъ теперешней войны можетъ вызвать поправки къ моему взгляду на дѣло, а эти поправки очень интересны не только для меня лично, въ виду важности предмета настоящей книжки.

20 Іюня 1915 г.
Кіевъ.

Оглавленіе.

I.

Причины теперешней войны.

I.

Самый фактъ войны, въ которой приняли участіе пять державъ, свидѣтельствуетъ о сложности тѣхъ интересовъ, которые въ ней замѣшаны. Тутъ стоятъ другъ противъ друга интересы Австріи и Россіи на Балканахъ. Не ища господства на этомъ полуостровѣ, Россія ищетъ выхода изъ Чернаго моря, она стремится избавиться отъ того невыносимаго положенія, при которомъ предоставляется каждому, по произволу Турціи, входить въ Черное море и нарушать неприкосновенность русскихъ береговъ, а съ другой стороны та же Турція въ силу своихъ интересовъ, или интересовъ другой державы, можетъ запирать проливы и тѣмъ самымъ парализовать всю хозяйственную жизнь юга Россіи, т. е. той ея части, стародавнее экономическое значеніе которой во второй половинѣ XIX вѣка поднялось на значительную высоту. Кромѣ того, въ силу историческихъ отношеній и племенного родства, соединеннаго съ родствомъ религіознымъ, у Россіи создалась связь съ христіанскимъ и въ частности славянскимъ населеніемъ Балканскаго полуострова, сдѣлавшая то, что то или иное положеніе этого населенія и образовавшихся славянскихъ государствъ задѣваетъ интересы Россіи. Положеніе Австріи на Балканахъ иное. Этотъ полуостровъ интересуетъ ее, какъ матеріалъ для территоріальнаго расширенія и какъ поприще расширенія ея экономической дѣятельности. Съ другой стороны она не можетъ относиться равнодушно къ развитію самостоятельности славянскихъ государствъ на Балканахъ, ибо они могутъ стать притягательнымъ центромъ для славянъ (сербовъ), входящихъ въ составъ габсбургской монархіи. Въ послѣднія десятилѣтія прошлаго столѣтія интересы Австріи на Балканахъ еще болѣе, чѣмъ прежде, осложнились нѣмецкими интересами, заклю-

чающимися въ томъ, чтобы подчинить не только Балканскій полуостровъ, но и Турцію вообще сферѣ вліянія германской міровой политики. На этой почвѣ Германія стала противъ Россіи. Она стояла противъ послѣдней уже давно и только прикидывалась ея другомъ, пользуясь для этого родственными отношеніями и личной дружбой представителей династій. На самомъ дѣлѣ, пріобрѣтя гегемонію въ Европѣ, Германія могла мириться съ высокимъ положеніемъ Россіи лишь постольку, поскольку послѣдняя отрекалась отъ своихъ собственныхъ интересовъ. Разъ оказалось, что она не можетъ и не хочетъ отказаться отъ преслѣдованія ихъ, интересъ Германіи сталъ въ томъ, чтобы ослабить Россію, какъ славянскую державу, и устранить ея вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ, вліяніе, несовмѣстимое съ стремленіемъ Германіи къ господству на Ближнемъ Востокѣ.

Стремленіе Германіи къ господству въ міровой политикѣ, такому же самому, какое она пріобрѣла въ европейскомъ концертѣ, неизбѣжно вело ее къ столкновенію съ Англіею, которая стояла ей на дорогѣ со своимъ морскимъ могуществомъ и со своими интересами, разбросанными по всему земному шару. Огражденіе пути въ Индію, ставшее на очередь съ того момента, какъ Германія проявила свое стремленіе укрѣпиться на Ближнемъ Востокѣ и Персидскомъ заливѣ, еще въ болѣе острой формѣ обозначило противоположность интересовъ Англіи и Германіи. Къ этому нужно прибавить, что Англія, защищая свои экономическіе и политическіе интересы сумѣла сочетать ихъ съ защитой права и справедливости, тогда какъ Германія слишкомъ оголила свой эгоизмъ, лишивъ его даже фиговаго листа.

Интересы Франціи и Германіи не только сталкиваются на поприщѣ міровой политики, но они стали непримиримыми съ тѣхъ поръ, какъ Германія признала, что войной 1870 года она только ослабила Францію, но не сокрушила ее и что она не можетъ заставить Францію забыть о нанесенной ей ранѣ, произведенной ей ампутаціи. Сокрушить Францію, довести ее до бѣлокровія,—такова ничѣмъ не прикрытая цѣль германской политики по отношенію къ Франціи. На своемъ пути къ этой цѣли она постоянно видитъ Англію и Россію.

Такова сложность интересовъ, играющихъ роль въ настоящей войнѣ и создавшихъ то сочетаніе политическихъ силъ, которое мы видимъ передъ собою.

Наблюдая недавнее прошлое, нельзя не замѣтить, что исходной точкой той эволюціи, которая привела къ теперешнему сочетанію интересовъ и политическихъ силъ, была война 1870 года. Непримиримыя отношенія Германіи и Франціи, вѣдь, идутъ оттуда. Германія нанесла тогда Франціи тяжелую рану, которая не легко забывается. Высоко развитые государственные организмы гораздо труднѣе переносятъ отсѣченіе частей ихъ, чѣмъ организмы примитивные. То же самое наблюдается и въ животномъ мірѣ: низшіе организмы легко переносятъ отдѣленіе членовъ, тогда какъ высшіе не могутъ переносить его такъ же легко. Къ тому же Германія усвоила взглядъ на Францію, какъ на непримиримаго врага нѣмецкаго объединенія и не могла примириться съ мыслью о возможности ея возрожденія послѣ нанесенныхъ ей ударовъ. Отсюда произошли трудно примиримыя отношенія этихъ двухъ странъ.

Россія держалась во время Франко-Германской войны дружественнаго для Пруссіи нейтралитета; она не допустила присоединенія Австріи къ Франціи въ этой борьбѣ и допустила полный разгромъ Франціи и спокойно смотрѣла на образованіе въ центрѣ Европы могущественной Германской имперіи въ ущербъ политическому равновѣсію Европы. Но, увидѣвъ результатъ своей политики, Россія какъ бы почувствовала вредную его сторону и не могла допустить дальнѣйшаго обезсиленія Франціи. Отсюда начинается измѣненіе отношеній къ ней Германіи, и происходитъ образованіе сначала Австро-Германскаго союза, а потомъ и пріобщеніе къ нему Италіи. Такимъ образомъ тройственный союзъ вытекъ изъ послѣдствій войны 1870 года.

Война 1870 года была войною за объединеніе Германіи, съ которымъ не хотѣла примириться безусловно Франція, правительство которой однако не сумѣло къ тому же дать вѣсъ своему голосу въ переговорахъ между Австріею и Пруссіею послѣ Садовой. Результатомъ пораженій Франціи было провозглашеніе въ залѣ дворца Людовика XIV Германской импе-

ріи. Подъ грохотъ пушекъ, обстрѣливавшихъ осажденный Парижъ, раздалось въ Версали ура новому германскому императору. Но, будучи непосредственнымъ результатомъ Франко-Германской войны, объединеніе Германіи было подготовлено развитіемъ съ одной стороны нѣмецкаго національнаго сознанія, которое объединило германскія племена духовно общей наукой, литературой, искусствомъ, политическими идеалами, словомъ, всѣмъ тѣмъ, что составляетъ цементъ, связывающій индивидуумовъ въ націю. Первая половина XIX столѣтія пошла на этотъ духовный процессъ нѣмецкаго объединенія, и 1848 годъ былъ свидѣтелемъ его, когда лучшіе представители нѣмецкой націи собрались во Франкфуртѣ на засѣданія нѣмецкаго парламента. Въ сущности говоря, тогда взяла верхъ идея такъ называемой „малой Германіи" съ устраненіемъ изъ нея Австріи и съ главенствомъ Пруссіи, идея, осуществленная въ 1870 году. Рядомъ съ духовнымъ объединеніемъ Германіи шло ея экономическое объединеніе. Хозяйственное развитіе страны, какъ оно ни было слабо, не могло удовлетвориться тѣми узкими рамками, которыя отдѣляли нѣмецкія мелкія государства таможенными заставами. Отсюда созданіе путемъ договоровъ ряда таможенныхъ союзовъ, послѣднимъ изъ которыхъ былъ сѣверогерманскій таможенный союзъ, расширенный послѣ Австро-Прусской войны присоединеніемъ къ нему южногерманскихъ государствъ.

Въ это національное движеніе, которое захватывало лучшія силы нѣмцевъ, дѣятельностью Пруссіи была введена новая струя, видоизмѣнившая его первоначальный обликъ. На картинѣ, которая изображаетъ провозглашеніе имперіи въ Версали, характерно выступаетъ одна фигура, которая какъ бы олицетворяетъ собою новую Германію. На переднемъ планѣ, на главномъ мѣстѣ, оставляя за собою другихъ сановниковъ и генераловъ, стоитъ Бисмаркъ. Его огромная фигура господствуетъ въ картинѣ, оставляя въ тѣни даже самого императора. Онъ стоитъ въ бѣломъ кирасирскомъ мундирѣ, въ кирасѣ, опираясь на палашъ и держа въ рукахъ каску. Вся фигура этого творца имперіи какъ бы повторяетъ фразу, сказанную имъ при одномъ случаѣ въ прусскомъ парламентѣ, что единство Германіи можетъ быть создано не рѣчами, а

кровью и желѣзомъ. Потоки крови и градъ желѣза сопутствовали учрежденію Германской имперіи. Но это была не та единая Германія, о которой мечтали многіе нѣмецкіе патріоты. Вмѣсто того, чтобы быть во главѣ Германіи, Пруссія стала ея господиномъ въ политическомъ и главнымъ образомъ въ военномъ отношеніи, и, чѣмъ дальше, тѣмъ эта гегемонія Пруссіи становится явственнѣе. Увлеченное успѣхомъ борьбы, въ восторгѣ отъ осуществленія давней мечты о національномъ объединеніи, нѣмецкое общество пошло за своимъ властнымъ вождемъ и увѣровало въ кровь и желѣзо. Но незамѣтно, шагъ за шагомъ оно само стало подвергаться измѣненію въ своихъ воззрѣніяхъ и чувствахъ и все больше и больше отдавалось вѣрѣ въ милитаризмъ, какъ во всеобщее лѣкарство, интересамъ котораго должно быть подчинено все остальное. Вслѣдствіе этого изъ орудія необходимой обороны военная сила становится самодовлѣющей силой, которая мечтаетъ о подчиненіи Германіи сосѣдей. Вооруженія становятся, подъ предлогомъ охраненія мира, гнетомъ для всего міра. Такъ какъ вооруженія Германіи не могли не вызывать отвѣта въ томъ же духѣ со стороны ея сосѣдей, то начинается конкуренція вооруженій, въ которой Германія старается сохранить за собою первое мѣсто. Въ послѣднія двадцать лѣтъ, послѣ того, какъ Германія вышла на поприще міровой политики, ея вооруженія явно носятъ утрированный характеръ, никоимъ образомъ не оправдываемый интересами самозащиты. Въ послѣдніе въ особенности годы, начиная съ 1910, ежегодно контингентъ нѣмецкой арміи увеличивается, и въ 1913 году онъ доведенъ до 865 т. чел. въ мирномъ составѣ. Параллельно съ усиленіемъ сухопутныхъ силъ шло созданіе военнаго флота. Начавшись съ ничего, онъ въ настоящее время представляетъ внушительную силу. Онъ заключаетъ въ себѣ 36 линейныхъ кораблей (въ томъ числѣ 16 дредноутовъ), 8 кораблей береговой обороны, 14 броненосныхъ крейсеровъ, 34 бронепалубныхъ крейсера, 13 легкихъ крейсеровъ и канонерокъ, 140 миноносцевъ и 27 подводныхъ лодокъ. Для выясненія значенія этихъ цифръ ихъ надо сравнить съ данными объ англійскомъ флотѣ, наиболѣе могущественномъ. Въ англійскомъ флотѣ находятся 58 линейныхъ кораблей, 43 броненосныхъ крейсера, 83 бронепалубныхъ, 31 легкихъ крей-

серовъ и канонерокъ, 204 миноносца и 65 подводныхъ лодокъ. Сравненіе съ этимъ, старѣйшимъ флотомъ даетъ представленіе о тѣхъ усиліяхъ, которыя сдѣлала Германія для созданія своей морской силы. И эта сила, какъ и сухопутная армія, далеко переходитъ тотъ предѣлъ, который нуженъ для защиты Германіи, какъ европейской державы; но онъ нуженъ ей и кажется еще недостаточнымъ для обезпеченія ея мiровой политики, для стремленія сбить Англію съ ея позиціи первенствующей морской державы. Какъ развился до уродства нѣмецкій милитаризмъ, такъ же точно и нѣмецкое національное чувство, которымъ питалось объединеніе Германіи, переродилось въ націонализмъ. Успѣхъ, къ которому пришли нѣмцы въ силу своего національнаго объединенія, побудилъ ихъ притти къ мысли, что племенное единство есть необходимое условіе единства политическаго, и что во имя силы государства и обезпеченности его существованія надо добиваться племенного единства. Отсюда выводъ къ тому, что если въ государствѣ есть народности, принадлежащія къ другому этнографическому типу, то онѣ должны быть денаціонализованы и претворены въ господствующую народность, поглощены ею. Эта идея, въ сущности своей, совершенно та же, которая руководила государственными людьми въ XVI и XVII вѣкахъ и которая заключалась въ томъ, что безъ религіознаго единства не можетъ быть и единства политическаго. Это послѣднее убѣжденіе побуждало къ тому, чтобы представителей инославныхъ исповѣданій такъ или иначе заставить присоединиться къ господствующей церкви, и приводило къ религіознымъ преслѣдованіямъ и къ религіознымъ войнамъ. Горькій опытъ Варѳоломеевской ночи, Тридцатилѣтней войны и драгонадъ привелъ къ сознанію ошибочности упомянутаго убѣжденія и открылъ дорогу торжеству религіозной терпимости. По всей вѣроятности и съ убѣжденіемъ, что будто бы національное единство есть необходимое условіе единства политическаго, произойдетъ тоже самое; но, пока что, мы видимъ, что въ Германіи національное чувство переродилось въ націонализмъ, т. е. въ фанатическое стремленіе насильно претворить малыя народности въ нѣмецкую къ вящшей славѣ и могуществу Германіи. Мы были свидѣтелями того, какъ нѣмцы старались

вытравить французское національное сознаніе въ Эльзасѣ и Лотарингіи въ населеніи по своему этнографическому характеру несомнѣнно германскомъ. Это, какъ увидимъ ниже, ни къ чему не привело или почти къ ничему. Всѣ непріятности притѣсненій, которымъ нѣмцы подвергали это населеніе, имѣли только отрицательный результатъ. На противоположной сторонѣ Германской имперіи, въ Познани нѣмцы старались и стараются сдѣлать тоже самое съ поляками. Поляки, оставаясь поляками, кажутся имъ опасными для единства Германіи и для ея могущества и потому подлежатъ претворенію въ нѣмцевъ. Встрѣтивъ сопротивленіе со стороны этого народа, нѣмецкіе націоналисты пустили въ дѣло такія мѣры, какъ насильственное отнятіе земель и запрещеніе преподаванія въ школѣ Закона Божія на родномъ языкѣ дѣтей поляковъ. До сихъ поръ эти мѣры не привели ни къ чему и, по всей вѣроятности, не приведутъ; но онѣ характеризуютъ то перерожденіе, которое призошло въ нѣмецкомъ національномъ чувствѣ. Какъ религіозное чувство стало когда-то религіознымъ фанатизмомъ, такъ и высокое національное чувство, объединившее нѣмцевъ, преобразилось въ національный фанатизмъ и стало относиться враждебно къ тому, что не отмѣчено нѣмецкимъ штемпелемъ. Въ силу этого настроенія національнаго чувства происходитъ то, что нѣмцы, приходя въ восторгъ отъ своего собственнаго объединенія, съ ужасомъ и злостью кричатъ объ опасности панславизма при малѣйшемъ проявленіи солидарности славянской.

Подъ вліяніемъ крайняго милитаризма и развитія національизма извратились всѣ чувства и идеи. Съ одной стороны все на свѣтѣ должно подчиняться военнымъ соображеніямъ, какъ бы ни святы были тѣ права и интересы, которые имъ противорѣчатъ. Наука, искусство, лучшія человѣческія чувства должны быть принесены въ жертву этому Молоху войны. Съ другой стороны все, что только кажется вреднымъ нѣмецкому единству и могуществу, должно быть уничтожено. Deutschland, Deutschland über alles, что когда-то распѣвали нѣмцы, переродилось въ стремленіе уничтожить все, что не пахнетъ нѣмцемъ. Теперешнія дѣйствія нѣмцевъ въ Бельгіи, во Франціи и въ Польшѣ иллюстрируютъ свойство ихъ милитаризма и національизма. Можно было бы ду-

мать, что это эксцессы военныхъ, которыхъ не оправдываетъ нѣмецкое общество. Но къ сожалѣнію это общество въ лицѣ своихъ представителей науки и литературы выступило съ теоретическимъ оправданіемъ всѣхъ ужасовъ, совершенныхъ яко-бы въ стратегическихъ интересахъ, и тѣмъ самымъ засвидѣтельствовало о томъ нравственномъ перерожденіи, которое совершилось въ немъ за истекшія сорокъ лѣтъ подъ вліяніемъ милитаризма и націонализма.

Возвращаясь назадъ къ изложенію событій, мало-помалу приведшихъ къ теперешней политической комбинаціи, вспомнимъ то положеніе, въ которомъ очутилась Европа по окончаніи войны 1870 года. Франція потеряла двѣ своихъ провинціи, которыя уже давно срослись съ нею. Эта операція оказалась очень болѣзненною и не легко забываемою. Она несомнѣнно стала источникомъ сильной вражды французовъ къ новоявленной нѣмецкой имперіи и постоянно мѣшала сближенію этихъ двухъ государствъ, когда таковое намѣчалось. Нельзя не признать, что отторженіе Эльзаса и части Лотарингіи отъ Франціи не оправдало тѣхъ надеждъ, которыя питались на счетъ этого пріобрѣтенія военными и націоналистическими кругами Германіи. Если стратегическія соображенія требовали присоединенія Страсбурга и Меца, то эти же стратегическіе интересы были бы въ большей степени удовлетворены, если-бы Франція не была поставлена отдѣленіемъ этихъ областей въ число необходимыхъ противниковъ Германіи. Нѣмецкіе политики разсчитывали на то, что Эльзасъ и Лотарингія скоро станутъ преданными имперіи провинціями, и главнымъ основаніемъ этого расчета было то, что населеніе этихъ областей нѣмецкаго происхожденія. Въ самомъ дѣлѣ, населеніе Эльзаса алеманскаго корня, населеніе Лотарингіи франкскаго происхожденія. Мало того, изъ 1700 общинъ Эльзасъ-Лотарингіи въ 1277 преобладаетъ нѣмецкій языкъ. И однако расчетъ на сліяніе эльзасъ-лотарингцевъ съ ихъ первороднымъ отечествомъ въ теченіе 40 лѣтъ, истекшихъ со времени завоеванія, или, какъ думали нѣмцы, возсоединенія, не оправдался. Если-бы только языкомъ и этнографическимъ происхожденіемъ опредѣлялись національныя симпатіи и политическая солидарность насе-

ленія, то вопросъ рѣшался бы очень просто. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Эти симпатіи опредѣляются еще въ большей степени историческими судьбами и культурными условіями. Эльзасцы и еще въ большей степени лотарингцы чувствовали себя французами, не взирая на свое германское происхожденіе и несмотря на свой нѣмецкій языкъ, благодаря тому, что они сроднились съ Франціей, что они вмѣстѣ съ нею пережили тѣ большіе шаги въ государственной и соціальной эволюціи, которые сдѣланы были во время французской революціи и въ XIX вѣкѣ. Поэтому они не примирялись съ присоединеніемъ къ Германіи. Нужно къ этому замѣтить, что нѣмцы, преслѣдуя въ теченіе цѣлыхъ 25 лѣтъ все французское и заставляя въ земскихъ и городскихъ выборныхъ учрежденіяхъ говорить только по-нѣмецки, не только не усиливали въ краѣ нѣмецкихъ симпатій, но, напротивъ, препятствовали вліянію въ краѣ нѣмецкой культуры, все же довольно высокой, чтобы успѣшно конкурировать съ французскою. Вслѣдствіе всего этого только въ послѣднія 15 лѣтъ, когда со стороны Германіи стала практиковаться въ Эльзасъ-Лотарингіи примирительная политика, замѣчается ослабленіе партіи протеста на выборахъ въ этихъ областяхъ; но она еще далеко не исчезла, и вліяніе ея замѣтно. И французскій языкъ не исчезъ изъ обихода, и симпатіи къ Франціи остались. Когда мнѣ приходилось въ 1874 году проѣзжать по Эльзасу въ вагонѣ третьяго класса, мѣстные крестьяне хотѣли говорить со мною только по-французски, а не по-нѣмецки, хотя по-французски они говорили едва понятно. На мой вопросъ, на какомъ языкѣ они говорятъ между собою, они отвѣчали: на аламанскомъ. Я понималъ его лучше, чѣмъ ихъ французскій языкъ. Прошло послѣ того 26 лѣтъ. Судьба снова забросила меня въ тотъ край. Я былъ въ Мецѣ, и всюду со мной говорили только по-французски, а на мой вопросъ, обращаемый ко многимъ лицамъ, съ которыми приходилось входить въ обычныя для путешественника дѣловыя сношенія, объ отношеніяхъ къ Франціи я получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: мало что измѣнилось, наша любовь къ ней осталась попрежнему. Такимъ образомъ, если и нельзя сказать, что господство нѣмцевъ въ Эльзасъ-Лотарингіи въ отношеніи

упроченія тамъ ихъ вліянія осталось совсѣмъ безъ результата, то слѣдуетъ признать, что результатъ этотъ оказывается очень слабымъ. Надежды германскихъ націоналистовъ на онѣмеченіе этихъ областей потерпѣли фіаско, и расчетъ на то, что могущество Германіи получитъ большое приращеніе отъ присоединенія ихъ, оказался весьма сомнительнымъ. Встрѣча, которая была оказана французскимъ войскамъ въ Эльзасѣ въ нынѣшнюю войну, служитъ тому подтвержденіемъ.

Завязывая этотъ узелъ будущихъ отношеній къ Франціи, Германія, помимо территоріальнаго ослабленія, постаралась ослабить ее и въ финансовомъ отношеніи. Она назначила контрибуцію въ пять милліардовъ франковъ, такую сумму, передъ колоссальностью которой ахнули современники, и ужаснулись представители Франціи Тьеръ и Фавръ, ведшіе переговоры о мирѣ. Но самымъ тяжелымъ въ положеніи Франціи была та изолированность, въ которой она очутилась послѣ войны. Ни одного союзника, и только робкое участіе нѣкоторыхъ державъ къ разгрому ея Германіею. Разбитая, униженная, разоренная она лежала у ногъ противника, который только и думалъ объ ея окончательномъ ослабленіи.

Послѣ такого успѣха Германіи европейское равновѣсіе было нарушено въ сильнѣйшей степени, и единственная сила, которая стояла на сценѣ Европы и царила безраздѣльно, была представлена союзомъ трехъ императоровъ: Русскаго, Австрійскаго и Германскаго. Въ сущности говоря, это не былъ союзъ въ принятомъ смыслѣ слова; это было только соглашеніе по общимъ европейскимъ вопросамъ. Три государя согласились между собою поддерживать территоріальное положеніе, созданное послѣднею войною, рѣшать дѣла, касающіяся Восточнаго вопроса по общему соглашенію и бороться всѣми силами противъ соціализма. Не трудно видѣть, что гегемонія среди трехъ императоровъ принадлежала Германіи. Въ самомъ дѣлѣ: кому особенно интересно было поддерживать территоріальное положеніе, созданное послѣднею войною? Очевидно, Германіи. Предположеніе рѣшать дѣла Балканскаго полуострова съ общаго согласія не имѣло значенія для Германіи, у которой не было

тогда никакихъ интересовъ въ Турціи. Развѣ только она надѣялась играть роль посредника между двумя другими императорами, имѣющими интересы на Балканахъ. Но для самихъ-то этихъ державъ, т. е. Россіи и Австріи, это предположеніе не имѣло практическаго значенія, ибо ихъ интересы въ Восточномъ вопросѣ были настолько противорѣчивы, что намѣреніе рѣшать дѣла по взаимному соглашенію было трудно осуществимо, что и показала судьба тѣхъ соглашеній, которыя пытались заключать между собою Австрія и Россія, и изъ которыхъ послѣднее Мюрцштегское разсѣялось, какъ дымъ, раньше своего осуществленія. Такимъ образомъ, соглашеніе трехъ императоровъ не было выгодно для Австріи и еще менѣе для Россіи. Обѣ эти державы согласились гарантировать Германію въ сохраненіи сдѣланнаго ею завоеванія, что для послѣдней было очень важно, но взамѣнъ получали выгоду далеко несоотвѣтственной цѣнности. Тоже самое можно сказать и относительно рѣшимости бороться съ соціализмомъ. Въ Германіи онъ получилъ замѣтное развитіе, тогда какъ въ Австріи онъ не занималъ такого же положенія, а въ Россіи составлялъ совсѣмъ незамѣтную величину. Такимъ образомъ, и въ этомъ пунктѣ главный выигрышъ былъ на сторонѣ Германіи. Если все это такъ, то очевидно, что преобладающею стороною въ соглашеніи трехъ императоровъ была Германія, а другія двѣ державы играли второстепенную роль, скорѣе служебную.

Подвергая Францію ампутаціи, облагая ее громадной контрибуціей, Германія не разсчитывала, что она можетъ скоро оправиться отъ нанесеннаго ей удара. Оказалось, однако, совсѣмъ иначе. Едва прошло два года послѣ заключенія мира, Франція сумѣла уплатить ужаснувшую всѣхъ контрибуцію, на уплату которой ей предоставлено было пять лѣтъ. Заемъ, который былъ ею сдѣланъ для покрытія контрибуціи, былъ покрытъ во много разъ противъ того, что было нужно. Ясно было, что въ экономическую мощь Франціи Европа вѣрила, и что ресурсы самого французскаго народа очень велики. Въ послѣдующіе годы Франція такъ быстро оправлялась отъ удара, что это вызвало удивленіе

однихъ и опасеніе другихъ. Германскіе политики съ Бисмаркомъ во главѣ съ безпокойствомъ смотрѣли на это возрожденіе. Когда же Франція принялась за реорганизацію своей арміи, пользуясь уроками понесенныхъ пораженій, Бисмаркъ счелъ возможнымъ вмѣшаться въ это ея внутреннее дѣло и сдѣлать изъ этого вопроса поводъ для столкновенія, а подвѣдомственныя ему газеты затрубили, что этому исконному врагу Германіи слѣдуетъ произвести такое кровопусканіе, которое его довело бы до бѣлокровія и навсегда обезсилило бы. Какъ только въ засѣданіе французской палаты былъ внесенъ законопроектъ о реорганизаціи арміи, германскій посолъ Гогенлоэ явился къ министру иностранныхъ дѣлъ Деказу и заявилъ, что его правительство видитъ угрозу въ вооруженіяхъ Франціи, и просилъ принять къ свѣдѣнію это заявленіе. Деказъ отказалъ ему въ этомъ и тотчасъ же обратился къ помощи русскаго посла, а генералъ Лефло, посланникъ Франціи въ Петербургѣ, сталъ хлопотать о томъ же у императора Александра. Лондонскому кабинету тоже было сообщено о выступленіи Германіи. Это было въ мартѣ 1875 года. Русское и англійское правительства не могли допустить дальнѣйшаго ослабленія Франціи и дальнѣйшаго нарушенія европейскаго равновѣсія. Они совмѣстно сдѣлали представленія въ Берлинѣ. 18 мая Александръ II посѣтилъ Вильгельма, и вслѣдъ затѣмъ всѣ толки о войнѣ затихли. Вильгельмъ сказалъ по этому поводу французскому послу Гонто-Бирону: насъ хотѣли поссорить; но теперь все прекратилось. Канцлеръ Горчаковъ не удовольствовался достигнутымъ результатомъ. Онъ не любилъ нѣмцевъ и Бисмарка и потому не отказалъ себѣ въ удовольствіи разгласить въ дипломатическомъ мірѣ о миротворческомъ вмѣшательствѣ русскаго императора. Этого Бисмаркъ ему никогда не простилъ. Но не слѣдуетъ смотрѣть на этотъ послѣдній инцидентъ, какъ на причину того, что впослѣдствіи Германія отказала въ своей поддержкѣ Россіи, когда ея поддержка ожидалась русскимъ царемъ, и когда она была очень нужна. Нѣтъ, не эта маленькая ссора Горчакова и Бисмарка была причиной охлажденія Россіи и Германіи, а самая суть отношеній. Бисмаркъ не могъ помириться съ мыслью объ усиленіи Франціи, а Россія, хотя и допустила политическую

ошибку своимъ содѣйствіемъ непомѣрному усиленію Германіи, не могла остаться равнодушною къ возможности дальнѣйшаго ослабленія Франціи и увеличенія германской гегемоніи. Отсюда получился двойной результатъ: въ германской и русской политикѣ начинается съ этого времени расхожденіе, хотя еще и не сознаваемое съ русской стороны, но уже предвидимое Бисмаркомъ. Съ другой стороны въ русско-французскихъ отношеніяхъ зарождается созвучіе, которое потомъ повело къ сближенію этихъ странъ.

Вторымъ этапомъ въ расхожденіи линій германской и русской политики была турецкая война 1877/8 года. Не прошло и года послѣ того, какъ вмѣшательство Россіи и Англіи устранило конфликтъ между Франціею и Германіею, какъ въ концѣ 1875 года вспыхнуло возстаніе въ Герцоговинѣ. Тотчасъ же оно вызвало національное движеніе въ Россіи, выразившееся въ дѣятельности Московскаго и Одесскаго славянскихъ обществъ. По инціативѣ сербовъ, жившихъ въ Одессѣ, Славянское Общество имени св. св. Кирилла и Меѳодія стало собирать средства для помощи возставшимъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ это сочувственное движеніе къ возставшимъ становилось все шире и шире. Оно особенно усилилось, когда къ лѣту 1876 г. Сербія начала войну съ Турціей. Московскій Славянскій Комитетъ, во главѣ котораго стоялъ И. С. Аксаковъ, посылалъ въ Сербію не только деньги, но и оружіе. Изъ Одессы еженедѣльно отправлялись отряды добровольцевъ въ Сербію, и огромныя толпы народа провожали отъѣзжавшихъ. Болгары тоже начинали волноваться, что дало поводъ мысли образовать экспедицію въ Добруджу въ видѣ диверсіи въ пользу сербовъ. Московскій Славянскій Комитетъ подготовлялъ средства для этого дѣла, а въ Одессѣ извѣстный впослѣдствіи Стамбуловъ, тогда еще безвѣстный воспитанникъ Одесской духовной семинаріи. вступилъ въ переговоры съ нѣкоторыми членами правленія Одесскаго Славянскаго Общества, предполагая организовать возстаніе въ Болгаріи. Пораженіе сербовъ при Дюнишѣ положило конецъ этимъ приготовленіямъ и вывело борьбу на болѣе широкую арену.

Императоръ Александръ сначала относился отрицатель-

но къ вмѣшательству Россіи въ балканскія дѣла. Въ началѣ 1876 года было строго запрещено собирать средства на помощь возставшимъ, и только разрѣшено было помогать раненымъ и семьямъ сражающихся. Вскорѣ, однако, подъ вліяніемъ напора общественнаго мнѣнія, эти запрещенія были отмѣнены; но все же Государь и его канцлеръ не желали самостоятельнаго вмѣшательства России и надѣялись на совмѣстное воздѣйствіе державъ на Турцію съ цѣлью улучшенія положенія ея христіанскихъ подданныхъ. Надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться. Англія рѣшительно выступила въ лицѣ Дизраэли противъ давленія на Турцію. Тогда выяснилась необходимость самостоятельнаго дѣйствія Россіи, если она желала добиться улучшенія положенія славянъ Балканскаго полуострова. Но на пути такого самостоятельнаго дѣйствія стояла Австрія. Оправдывался афоризмъ, приписываемый Паскевичу, что дорога въ Константинополь идетъ черезъ Вѣну. Воевать съ Австріею можно было только при томъ условіи, если Германія обѣщаетъ свой нейтралитетъ. Запросъ объ этомъ, адресованный въ Берлинъ, долго оставался безъ отвѣта, а когда послѣдній получился, онъ оказался неутѣшительнымъ. Оставалось одно: обезвредить Австрію путемъ подачки. Въ концѣ 1876 года состоялось въ Рейхштадтѣ свиданіе Александра II съ Францемъ-Іосифомъ, на которомъ было условлено вознагражденіе Австріи за ея нейтралитетъ. Это соглашеніе было потомъ, въ январѣ 1877 года, оформлено секретнымъ договоромъ между Россіею и Австріею, которымъ, въ случаѣ успѣшнаго окончанія войны, Австріи предоставлялась оккупація Босніи и Герцоговины.

Изложеніе хода войны съ Турціею не входитъ въ рамку настоящаго чтенія. Скажемъ только, что, когда русская армія стала подъ стѣнами Константинополя, Турція согласилась на миръ, который и былъ заключенъ въ Санъ-Стефано 19 февраля 1878 года. По этому договору Россія получала Карсъ съ его областью и Батумъ, а въ Европѣ Добруджу. Послѣднюю область она по особому договору съ Румыніею уступила послѣдней въ обмѣнъ за ту часть Бессарабіи, которая была отдѣлена отъ Россіи послѣ Крымской войны. Но не въ этихъ, сравнительно незначительныхъ тер-

риторіальныхъ пріобрѣтеніяхъ и уступкахъ заключалась сущность Санъ-Стефанскаго договора. Центръ тяжести его заключался въ созданіи Болгарскаго княжества, которое образовалось изъ земель къ сѣверу и къ югу отъ Балканскаго хребта съ южною границею, доходившею почти до Адріанополя, и съ включеніемъ на западѣ Македоніи, поскольку послѣдняя была населена болгарскимъ племенемъ. Старая Сербія была уступлена Сербскому княжеству, которое при этомъ объявлено было независимымъ отъ Турціи. Такое значительное измѣненіе политическаго положенія Турціи и вообще Балканскаго полуострова вызвало сильное возбужденіе въ Англіи, да и Австрія оказалась противъ образованія единой Болгаріи. Подъ угрозой коалиціи изъ Англіи, Турціи, Австріи и Персіи, Россія должна была согласиться на пересмотръ Санъ-Стефанскаго договора на конгрессѣ державъ, при чемъ Англія согласилась принять участіе въ конгрессѣ только тогда, когда Россія особою съ нею конвенціею въ маѣ 1878 г. согласилась на то, чтобы Болгарія была раздѣлена, и чтобы южная часть ея и Македонія остались бы подъ владычествомъ Турціи. На Берлинскомъ конгрессѣ подъ предсѣдательствомъ Бисмарка Санъ-Стефанскій договоръ былъ уничтоженъ. Болгарія была раздѣлена на три части. Сѣверная Болгарія была признана самостоятельнымъ княжествомъ, находящимся, однако, подъ суверенной властью султана, которому она обязана была опредѣленной ежегодною данью. Южная часть Болгаріи образовала особую область Восточную Румелію подъ управленіемъ генералъ-губернатора, назначаемаго султаномъ съ согласія великихъ державъ. Македонія осталась турецкою провинціею, при чемъ Турція обязалась ввести въ ней реформы, точно такъ же, какъ и въ той части Арменіи, которая осталась за нею по отдѣленіи отъ нея округовъ Ардагана и Карса, отошедшихъ къ Россіи. Сербія, Черногорія и Румынія были признаны независимыми отъ Турціи, при чемъ первыя двѣ получили нѣкоторыя территоріальныя приращенія.

Вся эта ломка Санъ-Стефанскаго договора, сопряженная съ крушеніемъ предположеній Россіи, была дѣломъ Англіи и Австріи, при чемъ Россія не только не встрѣтила поддержки со стороны Германіи, на каковую имѣла основаніе

разсчитывать, но должна была видѣть, что усилія ея противниковъ находятъ постоянно поддержку со стороны Бисмарка. И послѣ, когда работали разграничительныя комиссіи, настоянія представителей противниковъ Россіи всегда встрѣчали поддержку со стороны германскихъ представителей. Нечего и говорить о томъ тяжеломъ впечатлѣніи, которое произвелъ результатъ Берлинскаго конгресса въ Россіи. Разочарованіе, имъ вызванное, отразилось и въ сообщеніи, съ которымъ правительство обратилось къ обществу по поводу Берлинскаго трактата. Огромныя усилія и жертвы, сдѣланныя и принесенныя Россіей, были сведены на нѣтъ ея противниками, встрѣтившими поддержку со стороны Берлина. Императоръ Александръ сказалъ по поводу этой поддержки: господинъ Бисмаркъ забылъ свои обязательства, данныя въ 1870 году. Бисмаркъ не забылъ этихъ обязательствъ; но онъ видѣлъ, что Россія не можетъ согласиться на дальнѣйшее ослабленіе Франціи, а это заставило его искать новаго пути для германской политики и, предвидя необходимость отдалиться отъ Россіи, онъ не только не находилъ нужнымъ поддерживать ее въ Восточномъ вопросѣ, но, напротивъ, сталъ поддерживать Австрію, имѣя въ виду сблизиться съ послѣднею и въ ней найти замѣстительницу Россіи, какъ союзницы. Такимъ образомъ, та трещинка, которая обнаружилась въ отношеніяхъ Германіи и Россіи въ 1875 году, во время Берлинскаго конгресса превратилась въ разсѣлину. Безошибочно можно сказать, что здѣсь лежитъ начало двухъ международныхъ комбинацій: тройственнаго союза съ одной стороны и сближенія Франціи и Россіи съ другой.

Неудовольствіе, вызванное въ Россіи результатами Берлинскаго конгресса, не могло не произвести впечатлѣнія на Бисмарка. Его въ особенности задѣвало то, что въ русской прессѣ нападали на „честное маклерство". Онъ понималъ тѣ послѣдствія, которыя должны были создаться изъ такихъ отношеній; но онъ надѣялся на возстановленіе близости русско-нѣмецкихъ отношеній при помощи того вліянія, которое имѣлъ на Александра II старикъ Вильгельмъ. Когда же попытка въ этомъ направленіи не удалась, онъ быстро и рѣ-

шительно повернулъ въ сторону Австріи и началъ переговоры съ Андраши. Въ то же время офиціозная печать начала яростныя нападки на Россію. Эти нападки вызвали со стороны императора Александра II письмо, адресованное императору Вильгельму, въ которомъ онъ жаловался на выходки нѣмецкой прессы и отчасти намекалъ на Бисмарка, какъ на виновника такого недружелюбнаго отношенія къ Россіи. „Развѣ достойно, писалъ онъ, истинно великаго государственнаго дѣятеля бросать на чашку вѣсовъ свою личную ссору, когда дѣло идетъ объ интересѣ двухъ великихъ государствъ". Хотя Бисмарка лично не назвалъ авторъ письма, но онъ былъ сильно задѣтъ этимъ намекомъ и старался представить Вильгельму, а потомъ графу Андраши это письмо, какъ заключающее въ себѣ угрозу Германіи, чего на самомъ дѣлѣ не было и быть не могло, въ силу особенной привязанности Александра II къ своему дядѣ. Поэтому весной 1879 года Бисмаркъ сталъ склонять Вильгельма къ союзу съ Австріей, доказывая, что иначе Россія сойдется съ нею и съ Франціей. Старый императоръ относился недовѣрчиво къ этимъ опасеніямъ, и, когда въ маѣ этого года Александръ II съ маневровъ въ Польшѣ обратился къ нему съ просьбою свидѣться въ Александровѣ, онъ съ радостью ухватился за это приглашеніе и, несмотря на протесты Бисмарка, поѣхалъ туда. Свиданіе оказалось самымъ дружественнымъ, и настроеніе Александра II совершенно успокоило Вильгельма и разсѣяло всякія опасенія. Вернувшись домой, онъ сообщилъ Бисмарку о своихъ впечатлѣніяхъ и указалъ ему, что онъ напрасно безпокоился относительно русскаго императора. Но Бисмаркъ не успокоился и продолжалъ свои переговоры съ Андраши, съ которымъ онъ встрѣтился въ Гаштейнѣ. Онъ предложилъ ему заключить такой союзъ съ Германіей, который бы прошелъ черезъ парламенты обоихъ государствъ и, такимъ образомъ сталъ бы внѣ власти подлежащихъ государей. Само собою разумѣется, что такой союзъ не могъ не быть явнымъ, и что, кромѣ того, Австрія становилась бы тогда какъ бы составною частью Германской имперіи, какъ Баварія и другія государства. На это Андраши не согласился, и дѣло кончилось заключеніемъ тайнаго союза, направленнаго противъ Россіи. Когда Бисмаркъ сообщилъ

Вильгельму о подготовленномъ соглашеніи, тотъ возмутился и сначала ни за что не хотѣлъ утверждать его, а потомъ согласился, но съ условіемъ, чтобы въ договорѣ приняла участіе и Россія. Это было, конечно, невозможно, и Бисмаркъ пошелъ на крайнюю мѣру: онъ согласился со всѣми сановниками, и они вкупѣ обратились къ старому императору съ альтернативой, или согласиться на союзъ съ Австріей, который по ихъ мнѣнію является необходимымъ для безопасности Германіи, или принять ихъ общую отставку. Императоръ согласился на союзъ, но съ тѣмъ, чтобы въ текстъ соглашенія введены были нѣкоторыя оговорки и примѣчанія, которыя лишали договоръ его антирусскаго характера. Онъ называлъ предательствомъ подписать договоръ безъ этихъ оговорокъ. Велико было его огорченіе, когда въ окончательномъ видѣ договоръ былъ изготовленъ безъ единой изъ этихъ оговорокъ. Ни слезы, ни протесты императора ни къ чему не повели, и онъ вынужденъ былъ подписать договоръ союза съ Австріей, явно направленный противъ Россіи. (Октябрь 1879 г.). Для успокоенія Александра II на тотъ случай, если-бы до него дошло свѣдѣніе о какомъ-то договорѣ между Австріей и Берлиномъ, Бисмаркъ изготовилъ письмо, которое Вильгельмъ долженъ былъ собственноручно переписать и отправить по адресу. Къ нему былъ приложенъ мемуаръ, составленный Андраши, въ которомъ излагалась необходимость договора съ Австріей. Въ этихъ документахъ дѣло излагалось такъ, что, хотя Австрія въ свое время и была устранена изъ имперіи, но въ сознаніи нѣмецкаго народа она оставалась неотъемлемою частью нѣмецкаго государства, а потому, чтобы заполнить образовавшійся пробѣлъ, созданъ былъ договоръ, который ставилъ Германію и Австрію въ болѣе тѣсныя отношенія. Словомъ, все изображено было въ такомъ невинномъ видѣ, что никакъ не могло задѣть Россію. Императоръ Александръ принялъ за чистую монету письмо и мемуаръ и въ отвѣтѣ своемъ сказалъ, что онъ отъ души присоединяется къ этому сближенію Австріи и Германіи. Такъ все и оставалось въ тайнѣ, и отношенія Россіи къ двумъ императорамъ, соединившимся противъ нея, оставались повидимому (и съ ея стороны искренно) прежними. Александръ унесъ съ собою

въ могилу увѣренность въ дружбѣ двухъ императоровъ. При его преемникѣ даже какъ будто произошло возстановленіе союза трехъ императоровъ на свиданіи въ Скерневицахъ (1884 г.), хотя Александръ III далекъ былъ отъ тѣхъ симпатій къ нѣмцамъ, которыя питалъ его отецъ. Это, какъ и прежде, не былъ союзъ, а только соглашеніе по текущимъ вопросамъ. Но Александру III вскорѣ пришлось убѣдиться въ трудности соглашенія съ Берлиномъ и съ Вѣной и узнать о лицемѣріи своихъ друзей.

Обезпечивая себя союзомъ съ Австріею относительно Россіи и предупреждая сближеніе Австріи съ Франціей, поскольку таковое было возможно, Бисмаркъ придавалъ этому союзу еще и то значеніе, что Австрія должна была быть форпостомъ Германіи въ ея стремленіи на Востокъ, черезъ Балканскій полуостровъ. (Drang nach Osten). Но обезпеченіе Германіи съ запада тоже было задачею его политики, и онъ воспользовался размолвкой Италіи съ Франціей, чтобы привлечь первую въ сферу нѣмецкихъ политическихъ интересовъ.

У Франціи были давнія отношенія къ Тунису, которыя нерѣдко портились, благодаря тому, что нѣкоторыя кочевыя племена дѣлали нападенія на предѣлы Алжира. Эти шероховатости давали Франціи поводъ втянуть Тунисъ въ сферу своего обладанія. Еще на Берлинскомъ конгрессѣ французскіе уполномоченные въ разговорѣ съ лордомъ Солсбери, англійскимъ уполномоченнымъ, зондировали вопросъ о томъ, какъ отнесется Англія къ тому, если-бы Франція подчинила себѣ Тунисъ. Отвѣтъ получился благопріятный и даже сочувственный. Когда Франція по тому же вопросу запрашивала Бисмарка, послѣдній отвѣтилъ, что у Германіи въ Тунисѣ нѣтъ никакихъ интересовъ, и она препятствовать Франціи въ этомъ дѣлѣ не будетъ. Можно думать, что въ глубинѣ души онъ даже доволенъ былъ этимъ предпріятіемъ Франціи, такъ какъ оно способно было поссорить ее съ Италіей и тѣмъ облегчить сближеніе съ послѣднею Германіи. Слухъ о намѣреніяхъ Франціи относительно Туниса достигъ до Италіи и вызвалъ тамъ сильное безпокойство и даже желаніе предупредить Францію. Съ своей стороны Франція, узнавъ о приготовленіяхъ Италіи, поспѣшила съ осуществленіемъ своего намѣренія. Воспользовавшись на-

паденіемъ племени Крумировъ на алжирскія владѣнія, она двинула экспедиціонный корпусъ въ Тунисъ и покончила дѣло заключеніемъ въ Бардо договора съ Тунисскимъ беемъ о протекторатѣ, равнозначительномъ подчиненію съ внутреннею автономіею, да и то ограниченною. (Май 1881 г.)

Случилось то, что и слѣдовало ожидать. Италія почувствовала себя въ небезопасности и начала сближаться съ Германіею и съ Австріею. Послѣ путешествій Гумберта въ Вѣну и въ Берлинъ заключенъ былъ союзъ, въ силу котораго Италія обязалась, въ случаѣ нападенія на Германію, защищать ее, и наоборотъ (1883 г.). Но по этому договору Германія не гарантировала средиземноморскіе интересы Италіи, и въ этомъ была слабая сторона союза, которая дала возможность впослѣдствіи Франціи стать между Италіею и Германіею. Этотъ союзъ былъ также сохраненъ въ тайнѣ и опубликованъ былъ только впослѣдствіи. Онъ сталъ дополненіемъ двойственнаго союза, превративъ его въ тройственный.

Передъ Берлинскимъ конгрессомъ Бисмаркъ не разъ заявлялъ, что Германія на столько мало заинтересована въ Восточномъ вопросѣ, что не пожертвовала бы ради него костями одного померанскаго гренадера. Степень искренности этихъ заявленій можно подвергнуть сомнѣнію; можно допустить, что еще въ это время Германія въ лицѣ Бисмарка предвидѣла надобность сближенія съ Австріею, а такъ какъ послѣдняя несомнѣнно была всегда на-сторожѣ въ балканскихъ дѣлахъ, то Бисмаркъ не могъ не оказывать вниманія этимъ дѣламъ и побуждалъ Австрію къ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ на Балканахъ. Мы говорили выше, что во время конгресса Бисмаркъ не былъ тѣмъ безкорыстнымъ маклеромъ, за котораго онъ самъ себя выдавалъ, и что во время разграничительныхъ работъ нѣмецкіе представители всегда дѣйствовали противъ русскихъ, и, хотя на заявленія русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ и на запросы самого Государя Берлинъ отвѣчалъ, что это недоразумѣніе, все же политика нѣмцевъ оставалась тою же самою. Но если допустить, что до Берлинскаго конгресса и во время его Германія не была сильно заинтересована въ балкан-

скихъ дѣлахъ, то слѣдуетъ признать, что отношеніе ея къ нимъ послѣ заключенія союза съ Австріею совершенно измѣнилось. Интересы Австріи тамъ становятся ей близкими, и, напротивъ, интересы Россіи стали ей не только чужды, но и противоположны, какъ державы, противъ которой и заключенъ былъ союзъ съ Австріею. Поэтому во всѣхъ дѣлахъ въ Болгаріи, когда происходили недоразумѣнія между представителями Россіи и болгарскимъ княземъ, германскіе повѣренные солидарно съ австрійскими были всегда противъ Россіи и даже побуждали князя къ выступленіямъ, враждебнымъ Россіи. Наконецъ наступилъ моментъ, когда противоположность положенія Германіи и Россіи на Балканахъ предстала съ полной ясностью. Въ сентябрѣ 1885 г. въ Румеліи произошелъ переворотъ. Возставшими румеліотами генералъ-губернаторъ Румеліи Крестовичъ былъ арестованъ и вывезенъ изъ Румеліи, и эта область присоединилась къ Болгаріи. Судя по многимъ даннымъ этотъ переворотъ былъ чисто болгарскимъ дѣломъ, хотя и былъ несомнѣнно нарушеніемъ Берлинскаго трактата. Дѣятели переворота были глубоко убѣждены въ томъ, что они, производя соединеніе двухъ частей Болгаріи, дѣйствуютъ въ согласіи съ желаніями Россіи и не противъ ея интересовъ. Многіе русскіе друзья славянства думали такъ же. Да трудно было и думать иначе: еще свѣжо было въ памяти, какъ Россія Санъ-Стефанскимъ договоромъ стремилась создать великую Болгарію, обнимавшую даже и Македонію, а не только Румелію, и если отступилась отъ своего созданья, то только подъ напоромъ европейскаго концерта, въ которомъ первую скрипку играла Англія, а вторила ей Австрія. Прошло семь лѣтъ только съ тѣхъ поръ, и роли совершенно измѣнились. Англія и Австрія, добивавшіяся раздѣленія Болгаріи на три части, теперь отнеслись благопріятно къ совершившемуся перевороту, а Россія, напротивъ, выступила противъ него во имя защиты неприкосновенности того трактата, который ей былъ навязанъ въ Берлинѣ цѣною ея униженія. Она не только отказалась отыскивать какой-нибудь выходъ изъ создавшагося положенія, который въ концѣ концовъ привелъ къ удовлетворенію болгарскихъ національныхъ вожделѣній, но потребовала возстановленія status quo ante даже силою

турецкаго оружія. По ея требованію въ Константинополѣ была созвана конференція пословъ, на которой Россія рѣшительно добивалась того, чтобы болгаръ заставили подчиниться постановленію Берлинскаго трактата и только послѣ того, какъ это подчиненіе состоится, обсудить вопросъ объ улучшеніи положенія Румеліи. Очевидно было, что безъ вооруженнаго вмѣшательства этого достигнуть нельзя, а вмѣшаться безъ согласія Австріи и Германіи нельзя было. Петербургскій кабинетъ запросилъ Берлинскій объ его отношеніи къ вопросу о поддержкѣ Россіи въ ея политикѣ въ болгарскомъ вопросѣ и встрѣтилъ съ его стороны рѣшительный отказъ. Это заявленіе Бисмарка объ отказѣ въ поддержкѣ совершенно ясно показало, что въ Германіи Россія не только не имѣетъ дружественную себѣ державу, но должна разсматривать ее, какъ политическую силу, идущую поперекъ ея интересамъ. Съ этого момента расхожденіе Германіи и Россіи становится совершенно яснымъ для всѣхъ. Вопросъ заключался только въ томъ, останется ли Россія изолированною, или же найдетъ возможнымъ направиться туда, гдѣ были общіе съ нею интересы. Эта общность интересовъ сказывалась во Франціи проявленіемъ симпатій къ Россіи при всякомъ удобномъ случаѣ и благожелательностью французской политики по отношенію къ ней. Но сближеніе съ Франціей заставило себя ждать еще нѣкоторое время.

Между тѣмъ недвусмысленность враждебности нѣмецкой политики въ болгарскомъ вопросѣ заставила русское правительство принять мѣры предосторожности на случай столкновенія, и потому была измѣнена дислокація русской арміи въ смыслѣ приближенія ея къ западной границѣ. Эта мѣра, не имѣвшая никакого угрожающаго значенія, вызвала въ германской прессѣ цѣлую бурю негодованія, при чемъ усердствовали въ нападкахъ на Россію такъ называемыя пресмыкающіяся газеты. Одновременно съ этимъ во Франціи во время такъ называемаго буланжистскаго движенія произошло возбужденіе дѣятельности Національной Лиги, направленной противъ Германіи. Хотя французское правительство и было совершенно чуждо этого антинѣмецкаго шума, но все же въ Германіи ему придали большое

значеніе, и Бисмаркъ призналъ своевременнымъ сдѣлать по адресу восточнаго и западнаго сосѣдей угрожающее предупрежденіе. Онъ опубликовалъ договоры тройственнаго союза и произнесъ въ рейхстагѣ одну изъ своихъ громоносныхъ рѣчей, въ которыхъ онъ былъ такой мастеръ, и заявилъ всѣмъ, желавшимъ слышать, что Германія готова къ борьбѣ, и что она никого не боится, кромѣ Бога.

Карты наконецъ были открыты. Расположеніе ихъ указывало съ повелительной ясностью на союзъ съ Франціей. Но Александръ III сомнѣвался сближаться съ нею. Его смущало то, что въ этой странѣ министерства смѣняются съ головокружительною быстротою. Прошло нѣкоторое время раньше, чѣмъ русское правительство замѣтило, что при смѣняемости министерствъ остается неизмѣннымъ одна, эта благожелательная политика по отношенію къ Россіи. Наконецъ успѣхи русскихъ займовъ въ Парижѣ въ 1889 и 1891 годахъ показали воочію, какъ склонна Франція поддерживать Россію. Въ этомъ послѣднемъ году начинается манифестація совершающагося сближенія правительствъ двухъ странъ. Въ Кронштадтъ прибыла французская эскадра, встрѣченная съ большимъ энтузіазмомъ военными и не военными. Въ слѣдующемъ затѣмъ году русская эскадра явилась съ отвѣтнымъ визитомъ и бросила якорь въ Тулонѣ. Оттуда русскіе моряки ѣздили въ Парижъ и могли констатировать безграничное увлеченіе, съ которымъ ихъ принимали всюду. Императоръ Александръ III скончался въ этотъ періодъ состоявшагося сближенія двухъ государствъ, имѣющихъ общаго противника. Превратить это сближеніе въ союзъ суждено было его преемнику, нынѣ царствующему Государю. Впервые слово союзъ упомянуто было французскимъ министромъ Ганото съ парламентской трибуны. Объ основаніяхъ этого союза мало что было извѣстно. О нихъ больше догадывались. Теперешнія событія показываютъ, что этотъ союзъ обезпечивалъ обѣ стороны отъ нападенія со стороны тройственнаго союза. Такъ закончилась знаменитая нѣмецкая дружба, которая еще въ 1879 году стала предательствомъ, и завершилось сближеніе съ Франціею, ставшею союзницею Россіи и соратникомъ ея на поляхъ сраженій.

Въ 1896 году нашъ Государь вмѣстѣ съ Государынею

посѣтили Парижъ. Встрѣча, устроенная французами Ихъ Величествамъ, превзошла по своей грандіозности все, что можетъ себѣ представить человѣческое воображеніе, а французская армія на поляхъ Шалона представилась на царскомъ смотру на высотѣ своей задачи. Въ слѣдующемъ, 1897 году президентъ республики Феликсъ Форъ прибылъ въ Петербургъ съ отвѣтнымъ визитомъ и встрѣтилъ такое же гостепріимство. Эти взаимныя посѣщенія свидѣтельствовали передъ всѣмъ свѣтомъ о связи, создавшейся между двумя великими націями.

Изъ изложеннаго можно было замѣтить, что ослабленіе и исчезновеніе русско-нѣмецкой дружбы было результатомъ съ одной стороны невозможности для Россіи допустить дальнѣйшее нарушеніе европейскаго равновѣсія путемъ еще большаго ослабленія Франціи, а съ другой тѣхъ препятствій, которыя стала оказывать Германія Россіи въ ея дѣлахъ на Балканскомъ полуостровѣ, иначе говоря, въ Восточномъ вопросѣ. Въ нашу задачу не входитъ въ настоящее время останавливаться на этомъ предметѣ подробно. Для насъ важно только выяснить, въ чемъ заключается для насъ Восточный вопросъ, и въ чемъ причина нашей особой чувствительности въ немъ. Сущность Восточнаго вопроса заключается въ безопасности нашего положенія на Черномъ морѣ и въ свободѣ, безусловной свободѣ выхода изъ него.

Интересы русскаго народа на Черномъ морѣ создались не со вчерашняго дня. Они относятся къ глубокой древности, къ тому времени, когда Кіевъ былъ значительнымъ торговымъ пунктомъ, и когда заключались князьями Олегомъ и Игоремъ торговые договоры съ Византіею. Къ тому же времени относятся и наши поселенія на низовьяхъ Днѣпра и въ другихъ мѣстахъ черноморскаго побережья. Борьба съ кочевниками, принявшая для насъ неблагопріятный оборотъ съ вторженіемъ татаръ, отодвинула насъ отъ Чернаго моря надолго. Но съ того момента, какъ въ этой борьбѣ происходитъ переломъ въ нашу пользу, какъ только Русь освобождается отъ татарскаго ига, начинается обратное движеніе къ Черному морю. Въ передовой линіи въ этой борьбѣ были малороссы. Они подвигаются къ Черному морю со сто-

роны Днѣпра, они ведутъ борьбу съ крымскими татарами и въ то же время начинаютъ торговыя сношенія, вывозя хлѣбъ изъ Приднѣпровья и изъ Хаджибея въ Константинополь. Съ конца XVII вѣка эти торговыя сношенія простираются дальше Константинополя и достигаютъ Франціи. Но такъ какъ вывозъ хлѣба изъ Турціи былъ запрещенъ, то французскіе послы въ Константинополѣ направляли всѣ усилія къ тому, чтобы обойти этотъ запретъ и облегчить вывозъ во Францію черноморскаго хлѣба. Для этого они обдаривали великаго визиря и капудана пашу. Въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ можно видѣть въ донесеніяхъ французскихъ пословъ списки предметовъ и счетъ денегъ, подносившихся этимъ турецкимъ сановникамъ. Тутъ были: бархатъ, другія шелковыя матеріи, а иногда и готовыя одѣянія, предметы меблировки и домашней обстановки и т. д. Эти часто очень щедрые подарки французскіе послы дѣлали не за то только, чтобы турецкое правительство смотрѣло сквозь пальцы на вывозъ хлѣба изъ предѣловъ Турціи, но и за то, чтобы позволялось перегружать его непосредственно съ борта на бортъ съ судовъ, приходящихъ въ Босфоръ изъ Чернаго моря, на марсельскія суда. Эта операція удешевляла хлѣбъ на нѣсколько ливровъ на шаржѣ *). Этими торговыми сношеніями объясняется тотъ фактъ, что еще гораздо раньше, чѣмъ завоеванъ былъ Россіею Днѣпровскій лиманъ и окрестности теперешней Одессы, тамъ уже были русскія, именно малорусскія поселенія. На французскихъ картахъ 1772 года,—изданіе морского министерства,—и 1785 года, въ коммерческомъ атласѣ Леклерка мы видимъ подробное изображеніе устій Днѣпра, даже съ показаніемъ глубины его гирлъ. На этихъ картахъ мы видимъ отмѣченными поселенія, изъ которыхъ нѣкоторыя и сейчасъ тамъ существуютъ: Бѣлозерка, Голая Пристань, Глубоковъ. (Belosera, Goloyport, Gloubakof). Послѣдній находился на мѣстѣ теперешняго Станислава. Когда русскія войска завладѣли Хаджибеемъ, они нашли во-

---

*) Шаржа—хлѣбная мѣра, употреблявшаяся преимущественно въ Провансѣ и равнявшаяся 250 парижскимъ фунтамъ. См. Afanassiev „Tableau des Mesures pour le Grains“.

кругъ него малорусскія поселенія, и русскій генералъ спрашивалъ императрицу Екатерину, какъ разсматривать жителей этихъ поселеній, на что императрица отвѣчала, что ихъ и слѣдуетъ разсматривать, какъ русскихъ.

Когда при Екатеринѣ II Россія утверждается снова на берегахъ Чернаго моря, торговля на немъ, какъ мы видѣли, стѣснена была тѣмъ, что проливы были заперты властью турокъ. Поэтому первымъ дѣломъ Императрицы было открытіе послѣднихъ для свободнаго плаванія. Это было достигнуто при заключеніи Кучукъ-Кайнарджійскаго договора и постоянно подтверждалось послѣдующими договорами нашими съ турками. Съ подчиненіемъ Крыма Россіи и съ открытіемъ проливовъ начинается быстрое развитіе юга Россіи, неимовѣрно быстро развиваются торговыя сношенія по Черному морю, и тѣмъ большее значеніе получаетъ свобода плаванія по проливамъ. Но эта послѣдняя находилась и находится въ полной зависимости отъ Турціи и отъ тѣхъ вліяній, которыя господствовали въ Константинополѣ. Тутъ обнаруживается связь экономическихъ интересовъ съ политическими. Ради первыхъ важно было усилить свое вліяніе въ Турціи и ослабить ее на столько, чтобы она перестала быть опасною для Россіи. Разъ нельзя было имѣть, какъ выразился Наполеонъ въ разговорѣ съ Александромъ I, своего дворника у воротъ своего двора, надо было дѣлать такъ, чтобы чужой дворникъ былъ-бы не въ силахъ по своему капризу запирать эти ворота.

Въ этой политической задачѣ по отношенію къ Турціи Россія встрѣчается съ интересами славянъ и другихъ христіанскихъ подданныхъ султана; интересы эти оказались солидарными съ интересами Россіи. Впервые своимъ орлинымъ взоромъ замѣтилъ эту солидарность Петръ Великій, и съ тѣхъ поръ объединеніе интересовъ христіанскихъ подданныхъ Турціи съ интересами Россіи продолжается въ теченіе всего XVIII и XIX вѣковъ. Чѣмъ больше развивалось славянское сознаніе, и чѣмъ яснѣе становилось для самихъ русскихъ ихъ славянское призваніе, тѣмъ прочнѣе становилось сочетаніе русской восточной политики съ политикой освободительною по отношенію христіанскихъ подданныхъ Турціи. Нельзя назвать этой политики иначе, какъ осво-

бодительною. Грецiя, Сербiя, Молдавiя и Валахiя и наконецъ Болгарiя освобождены и созданы усилiями русскихъ; но онѣ не были подчинены Россiи. Счастье послѣдней заключается въ томъ, что ея освободительная политика служила въ то же время и ея интересамъ на Черномъ морѣ, а достоинство ея роли заключается въ томъ, что она въ теченiе всего XIX вѣка не искала завоеванiй на счетъ освобождаемыхъ ею народностей. Изъ этихъ нѣсколькихъ словъ о русской политикѣ на Черномъ морѣ и на Балканахъ, вы видите, какое первостепенное значенiе имѣетъ для Россiи Восточный вопросъ, и какъ болѣзненны могутъ быть для нея посягательства на ея положенiе на Балканахъ и на Черномъ морѣ. Безъ борьбы и борьбы напряженной она поступиться ими не можетъ, не нанося самой себѣ смертельнаго удара.

Параллельно съ нею въ Восточномъ вопросѣ дѣйствовала Австрiя. Пока Россiя въ XVIII вѣкѣ питала завоевательные замыслы и мечтала объ осуществленiи Греческаго проекта, ея политика шла не только параллельно съ австрiйскою, но даже совмѣстно съ нею; но когда въ XIX вѣкѣ русская политика въ Восточномъ вопросѣ становится нацiональною и освободительною, эта совмѣстность исчезаетъ и замѣняется противорѣчiемъ, не постояннымъ, правда, но тѣмъ не менѣе несомнѣннымъ. И это понятно. Австрiя искала на Балканахъ матерiала для своего территорiальнаго расширенiя и только. Будучи государствомъ, въ которомъ славянскiй элементъ хотя и преобладаетъ численно, Австрiя ни разу не могла возвыситься до мысли объ уравненiи славянъ съ нѣмцами и всегда оставалась форпостомъ германизма на Востокѣ. Ея стремленiе расшириться на счетъ земель и народовъ Балканскаго полуострова всегда усиливалось по мѣрѣ того, какъ ее вытѣсняли съ Апеннинскаго полуострова. Первымъ изъ такихъ моментовъ было удаленiе ея оттуда и съ береговъ Адрiатики при Наполеонѣ I, вторымъ было освобожденiе Италiи при Наполеонѣ III и лишенiе Австрiи ея Ломбардо-Венецiанскаго королевства. Въ первомъ случаѣ мы отмѣтимъ переговоры Меттерниха съ Наполеономъ о томъ, чтобы онъ оказалъ содѣйствiе Австрiи прiобрѣсти хотя бы западную часть Валахiи, такъ какъ иначе, говорилъ австрiйскiй государственный человѣкъ, Австрiи некуда раз-

виваться. Во второмъ случаѣ Австрія устремляетъ свои усилія на пріобрѣтеніе Босніи и Герцоговины и достигаетъ этого по предварительному уговору съ Россіей въ Рейхштадтѣ. На Берлинскомъ конгрессѣ утверждена была за Австріею оккупація этихъ областей, которая потомъ замѣнилась присоединеніемъ ихъ. Занятіемъ Ново-Базарскаго санджака Австрія постаралась обезпечить себѣ дальнѣйшее расширеніе своихъ владѣній на Балканскомъ полуостровѣ и намѣтила его направленіе въ сторону Эгейскаго моря, къ Салоникамъ. Съ такимъ стремленіемъ сопряжено было подчиненіе Австріею Сербіи. Само собою разумѣется, что разъ Россія въ теченіе своей освободительной дѣятельности на Балканахъ сама не пріобрѣла ни одного куска земли, принадлежащей славянамъ, и разъ она шла къ ослабленію Турціи, она не могла смотрѣть равнодушно на готовящееся водвореніе Австріи на Балканскомъ полуостровѣ. Такое замѣщеніе турецкаго владычества австрійскимъ или нѣмецкимъ не мирилось съ интересами Россіи на Черномъ морѣ и на проливахъ. Въ этомъ противорѣчіи интересовъ Россіи и Австріи на Балканахъ кроется источникъ ихъ возможнаго столкновенія. Это столкновеніе стало неизбѣжностью съ того времени, какъ съ австрійскими ближневосточными интересами слились интересы Германіи.

II.

Въ предыдущемъ изложеніи я старался выяснить тотъ процессъ, въ силу котораго союзъ Россіи съ Германіею или, вѣрнѣе говоря, русско-германская дружба постепенно блѣднѣла и въ концѣ концовъ превратилась въ антагонизмъ, что повело къ образованію русско-французскаго союза съ одной стороны, какъ противовѣса тройственному союзу съ другой. Но наличность обѣихъ этихъ силъ еще не предуказывала столкновенія, тѣмъ болѣе, что Россія не вышла бы изъ своего строго оборонительнаго положенія до тѣхъ поръ, пока ея кровные интересы не были бы задѣты. А это могло произойти, главнымъ образомъ, тогда, когда Германія посягнула бы на положеніе Россіи на Балканскомъ полуостровѣ.

Равнымъ образомъ предыдущее изложеніе не поясняетъ и того, какимъ образомъ Англія должна была выйти изъ своего пассивнаго положенія и вынуждена была присоединиться къ Франціи и Россіи. Война Англіи противъ Германіи стала возможна и даже необходима лишь тогда, когда Германія вступила на путь міровой политики и въ особенности съ того момента, какъ она стала стремиться включить Ближній Востокъ въ сферу своей экономической и политической гегемоніи. Съ этого момента столкновеніе Германіи и ея союзницы Австріи съ Россіею стало весьма вѣроятнымъ и предвидимымъ настолько, что въ послѣдніе годы оно стало предметомъ практической политики. Этотъ поворотъ въ позиціи Германіи какъ въ сферѣ міровой политики, такъ и въ Восточномъ вопросѣ не можетъ быть ясенъ безъ знакомства съ тѣмъ измѣненіемъ въ ея хозяйственной жизни, которое произошло со времени образованія Германской имперіи. Намъ не разъ приходилось упоминать о томъ, что въ концѣ семидесятыхъ годовъ Бисмаркъ говорилъ, что нѣмецкіе интересы на Балканскомъ полуостровѣ такъ слабы, что онъ не пожертвовалъ бы ради нихъ костями даже одного померанскаго гренадера. Какъ же такъ сталось, что эти интересы выросли на столько, что въ началѣ XX столѣтія привели къ столкновенію съ Россіей именно изъ-за этого Балканскаго полуострова?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ станетъ ясенъ для насъ, если мы остановимъ наше вниманіе на томъ, какъ измѣнилась за это время сама Германія въ ея хозяйственной жизни. Крупнымъ фактомъ является значительный ростъ населенія ея. Въ 1870 году оно составляло 41.600 т. жит., къ 1910 году оно выросло до 64.925 т., такъ что за это время прибыль населенія составляетъ 23.865 т. чел. въ 40 лѣтъ. Съ ростомъ населенія во Франціи эти цифры не могутъ итти ни въ какое сравненіе: на столько онѣ велики. Правда, мы видимъ, что за этотъ періодъ прогрессія рождаемости въ Германіи нѣсколько понизилась. Въ началѣ этого періода она равна была 40,7 на тысячу въ годъ, а въ концѣ его 39,9 на тысячу. Но это пониженіе скорѣе имѣетъ только теоретическій интересъ, а не практическій. Оно слишкомъ невелико, чтобы вызвать этотъ послѣдній. Рождаемость еще

на столько велика, что не можетъ вызывать какого-либо опасенія за ослабленіе народа. Интереснѣе для нашего дѣла другіе факты, а именно, что за этотъ періодъ, несмотря на то, что населеніе такъ увеличилось, сократилась эмиграція. Въ 1893—97 годахъ она равна была 47 т. чел., въ 1908—12 только 22 т. чел. въ годъ. Выходитъ такъ, что прежде, при меньшемъ населеніи, было жить на столько тѣсно, что часть нѣмцевъ искала себѣ пріюта въ другихъ странахъ, а потомъ, при увеличившемся населеніи, стало жить, какъ будто, просторнѣе, или, если не просторнѣе, то легче. На то, что жить стало лучше, указываетъ и другой фактъ: пониженіе смертности. Въ 1870 году она давала 28,8 на тысячу жителей, а въ 1907 году было только 19,7 смертей на тысячу. Это пониженіе смертности въ населеніи указываетъ неопровержимо, что въ жизни населенія произошла такая перемѣна, которая создала гораздо лучшія гигіеническія условія. Жить стало лучше. Такимъ образомъ, въ увеличеніи населенія Германіи играла роль не только рождаемость, но еще и то, что ежегодная эмиграція сократилась на 25 тыс. человѣкъ, да ежегодная смертность сократилась на 500 т. чел. приблизительно, если считать населеніе Германіи въ 1907 году около 60 мил. чел. Какія же такія измѣненія произошли, которыя создали такія явленія? Прежде всего мы видимъ значительное измѣненіе въ составѣ населенія. За сорокъ лѣтъ, прошедшихъ со времени Франко-Германской войны, Германія превратилась изъ страны съ сильнымъ преобладаніемъ сельскаго населенія въ страну промышленную со значительнымъ городскимъ населеніемъ. Въ 1870 году сельское населеніе составляло 66%, а въ 1910 году оно составляло только 42%. Это сокращеніе было не только относительнымъ, но и абсолютнымъ. Не только потому процентъ сельскаго населенія въ отношеніи къ общей массѣ его сократился, что весь приростъ населенія пошелъ на увеличеніе промышленнаго класса, но и потому, что по своей численности сельское населеніе сократилось. Такъ, въ семидесятыхъ годахъ оно составляло 26 милліоновъ человѣкъ, а въ 1910 году только 25. Промышленный классъ, наоборотъ, съ 34% выросъ до 58% всего населенія. Въ соотвѣтствіи съ этимъ мы видимъ въ по-

слѣднія десятилѣтія сильное развитіе городовъ. Въ 1870 году большихъ городовъ въ Германіи насчитывали только восемь, а въ 1910 году ихъ было уже 48. Соотвѣтственнымъ образомъ увеличилось и населеніе менѣе крупныхъ городскихъ центровъ.

Изъ приведенныхъ данныхъ мы видимъ, что нѣмцы измѣнили характеръ своихъ занятій и сосредоточили свои усилія на промышленности обрабатывающей въ ущербъ занятію сельскимъ хозяйствомъ. Ростъ промышленности въ Германіи, особенно въ послѣдніе годы XIX вѣка и въ первомъ десятилѣтіи текущаго столѣтія, сдѣлалъ такіе шаги, которые вызываютъ удивленіе въ наблюдателѣ. Я не буду утомлять вашего вниманія подробностями этого прогресса тѣмъ болѣе, что для нашей задачи онѣ и не нужны, но приведу только нѣкоторыя, болѣе яркія цифры. Выдающееся мѣсто въ промышленности всякой страны занимаетъ производство стали и желѣза. Вотъ какъ росло это производство въ Германіи и въ другихъ странахъ за послѣднія тридцать лѣтъ.

	Величина производства въ 1880 г.	въ 1911 г.	% увеличенія
	тысячи тоннъ		
Германія	3804	14564	282%
Англія	5300	7880	48%
Америка (Соед. Шт.) .	4300	24060	482%

Отсюда видно, что производство стали и желѣза въ Германіи увеличилось почти въ три раза и значительно опередило ростъ этой промышленности въ Англіи, но значительно меньше увеличилось, чѣмъ въ Америкѣ. Если мы и примемъ во вниманіе то обстоятельство, что германская промышленность, какъ молодая, естественно растетъ быстрѣе, чѣмъ промышленность, считающая въ своемъ прошломъ многіе годы и уже установившаяся, все же мы не можемъ не признать, что ростъ германской промышленности очень значителенъ былъ въ указанные годы. Въ объясненіи этого роста мы не склонны приписывать его главнымъ образомъ объединенію страны. Скорѣе слѣдуетъ его приписать тѣмъ реформамъ, которыя сопутствовали этому объединенію и которыя преобразили гражданскую жизнь страны. Уничтоженіе разныхъ ограниченій въ правѣ жи-

тельства и въ правѣ передвиженія, освобожденіе жизни отъ остатковъ феодальныхъ путъ, преобразованіе гражданскаго кодекса и торговыхъ законовъ, монетная реформа и введеніе золотой валюты, расширеніе гласности и усиленіе значенія народнаго представительства въ политической жизни страны,—все это создало цѣлую комбинацію условій, благопріятныхъ для развитія промышленности и торговли. При этомъ, однако, не слѣдуетъ упускать изъ вниманія тотъ фактъ, что самая раздробленность Германіи въ прежнее время сыграла службу для ея развитія. Эта раздробленность предотвратила развитіе въ ней все нивелирующей и придавливающей централизаціи и тѣмъ сохранила благопріятныя условія для самодѣятельности областной, когда произошло объединеніе. Но не въ этомъ только оказалъ услугу прежній сепаратизмъ. Каждое изъ германскихъ государствъ стремилось развить свою систему образованія и имѣть свой университетъ. Благодаря этому едва-ли гдѣ въ другой странѣ образовалось столько научныхъ центровъ, какъ въ Германіи, и едва-ли гдѣ такъ развита была еще до объединенія школьная сѣть средняго и низшаго образованія. Недаромъ говорили, что на поляхъ сраженій во Франціи одержалъ побѣду нѣмецкій народный учитель. Но это же развитіе школьнаго образованія создавало большой контингентъ рабочихъ и торговцевъ, обладающихъ соотвѣтственнымъ образованіемъ. Еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ англійскій экономистъ-практикъ и агитаторъ за свободу торговли Ричардъ Кобденъ, познакомившись въ качествѣ разъѣздного приказчика съ торгово-промышленнымъ міромъ Германіи, обратилъ вниманіе на то, что въ немъ гораздо больше интеллигентныхъ силъ, чѣмъ въ Англіи, и предсказывалъ на этомъ основаніи успѣхи нѣмецкой промышленности и торговли.

При упомянутыхъ нами благопріятныхъ условіяхъ для развитія общественныхъ силъ, проявившихся вмѣстѣ съ объединеніемъ Германіи, развитіе образованія и областной самодѣятельности послужили фундаментомъ, на которомъ развилось то величіе германской техники, которое поражало наблюдателей въ послѣдней четверти XIX вѣка и поражаетъ ихъ и теперь. Мы видимъ, что благодаря развитію

техники сильно повысилась производительная сила рабочаго. Такъ, напримѣръ, въ области той же металлургической промышленности въ 1874 году приходилось на одного рабочаго 192 тонны продукта въ годъ, а въ 1907 году 554 тонны. На столько поднялась производительная сила рабочаго подъ вліяніемъ усовершенствованія техники! Въ химической промышленности особенно ярко сказывается обиліе интеллекта въ нѣмецкой промышленности. Въ этой отрасли на каждыхъ 40 рабочихъ приходится одинъ съ университетскимъ образованіемъ. Это было бы невозможно, если бы университетское образованіе не было такъ распространено.

Въ зависимости отъ развитія промышленности, поднялся оборотъ внѣшней торговли Германіи, въ особенности въ послѣднія два десятилѣтія прошлаго столѣтія и въ началѣ текущаго. Въ 1880 году оборотъ внѣшней торговли ея составлялъ 5.821 милл. мар., а въ 1910 году онъ равенъ былъ уже 16.954 милл., т. е. увеличился почти въ три раза. Но не только увеличился оборотъ внѣшней торговли, но и измѣнился составъ ввоза и вывоза. Въ прежнее время Германія вывозила сырье и главнымъ образомъ предметы питанія. Съ развитіемъ промышленности обрабатывающей картина совершенно измѣнилась: она стала ввозить предметы питанія и сырые или полуобработанные матеріалы, нужные для ея фабрикъ и заводовъ, а вывозить готовые продукты своей промышленности. Какъ мы сказали выше, значительно сократился и уходъ людей изъ страны. Намекая на это обстоятельство и характеризуя перемѣну, происшедшую въ составѣ вывоза изъ Германіи, Каприви въ одной изъ своихъ рѣчей въ рейхстагѣ сказалъ: „мы перестаемъ вывозить людей и предпочитаемъ вывозить товары“. Этой формулѣ нѣмецкій ученый Гессе далъ нѣсколько иной видъ, сказавъ: „мы должны ввозить для того, чтобы существовать и питаться; мы должны вывозить, чтобы имѣть возможность ввозить“ *). Такое значительное развитіе внѣшней торговли отразилось и на увеличеніи германскаго торговаго флота. Онъ

---

*) „Вѣстн. Европы“ 1914 г. Ноябрь, стр. 153, ст. Зачорскаго: „Экономическія основанія германскаго имперіализма“.

увеличился не столько по числу судовъ, сколько по росту ихъ вмѣстимости. Такъ, число ихъ въ 1871 году было 4519, а къ 1910 году оно возросло до 4658. Это увеличенiе очень невелико; но вмѣстимость судовъ въ первомъ случаѣ равнялась 982 т. тоннъ, а во второмъ она составляла уже 2859 тыс. тоннъ, что даетъ увеличенiе въ 191% съ лишкомъ. Еще замѣтнѣе увеличенiе торговаго флота въ области парового движенiя. Въ началѣ обозрѣваемаго нами перiода число пароходовъ равно было только 147, а въ 1910 году оно увеличилось до 1950, или увеличилось въ 11 разъ. Конечно, за это время парусный флотъ сократился, но это явленiе обще для всѣхъ странъ за этотъ перiодъ. Всѣ стали предпочитать для дальняго плаванiя дешевому флоту болѣе дорогой, но болѣе быстрый и вѣрный въ срокѣ движенiя. Но если въ этомъ отношенiи Германiя шла по тому же пути, какъ и другiя страны, то въ быстротѣ развитiя своего флота она опередила многiя изъ нихъ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ торговый флотъ ея занималъ четвертое мѣсто и стоялъ позади Англiи, Америки и Францiи, а въ 1910 году онъ занялъ второе мѣсто, обогнавъ и Францiю, и Америку. Надо, однако, признать, что въ этомъ развитiи торговаго флота есть значительная искусственность. Его доходность не покрываетъ тѣхъ расходовъ, которые требуются на его содержанiе. Доходъ, даваемый флотомъ, исчислялся въ 1907 году въ 350 милл. марокъ, но расходъ на его содержанiе былъ болѣе, чѣмъ вдвое больше. Очевидно, что государство брало на себя этотъ расходъ, лишь бы только былъ торговый флотъ и конкурировалъ бы съ другими флотами. Эта конкуренцiя не всегда успѣшна. Такъ, напримѣръ, въ самое послѣднее время только десятая часть привоза въ Турцiю сдѣлана была на нѣмецкихъ судахъ, а доминирующая роль въ морскомъ торговомъ движенiи въ Турцiю принадлежала англiйскимъ судамъ, хотя послѣднiя и не получаютъ казенныхъ субсидiй. Несмотря на это обстоятельство, все же нельзя не признать того факта, что создался германскiй торговый флотъ, и что его ростъ находился въ извѣстной степени въ связи съ ростомъ нѣмецкой торговли и промышленности.

Въ зависимости отъ развитiя благосостоянiя страны и

подъема ея промышленности и торговли возросъ и нѣмецкій капиталъ. Объ его увеличеніи можно судить по тѣмъ вкладамъ, которые находятся въ банкахъ и въ сберегательныхъ кассахъ.

Вклады въ банкахъ.	Вклады въ сберегательныхъ кассахъ.
Въ 1893 г. . . 498 милл. м.	Въ 1900 г. . . 8.800 милл. м.
Въ 1910 г. . . 3.200 милл. м.	Въ 1908 г. . . 14.500 милл. м.

Изъ этихъ данныхъ видно, что крупный капиталъ, который сосредоточивается въ банкахъ, росъ быстрѣе, чѣмъ мелкій. Хотя приведенныя цифры относятся къ періодамъ неодинаковой длины, но все же видно, что крупный капиталъ въ 17 лѣтъ возросъ въ шесть разъ, тогда какъ мелкій, помѣщающійся въ сберегательныхъ кассахъ, въ восемь лѣтъ увеличился въ полтора раза, что въ переводѣ на вдвое большій періодъ времени дало бы увеличеніе въ три раза. Это заключеніе не можетъ претендовать на правильность, но приблизительное представленіе о томъ и другомъ явленіи оно все же даетъ.

Развитіе и ростъ крупной промышленности естественно требовалъ болѣе широкаго рынка, чѣмъ тотъ, который представлялся германскимъ отечествомъ. Отсюда вытекло стремленіе найти рынки внѣ Германіи и внѣ Европы, такъ какъ европейскіе рынки были уже заняты и конкурировать на нихъ было не легко. Да къ тому же такія промышленныя страны, какъ Англія и Франція, сами работаютъ главнымъ образомъ на внѣшній рынокъ. Вслѣдствіе этого является стремленіе среди нѣмецкихъ промышленниковъ и предпринимателей, скажемъ даже авантюристовъ, искать новыхъ странъ для помѣщенія нѣмецкихъ товаровъ и капиталовъ. Тутъ лежитъ причина развитія нѣмецкой колоніальной системы. Возникновеніе германскихъ колоній было дѣломъ частной инициативы, поддержанной государствомъ. Въ 1882 г. явился къ Бисмарку бременскій купецъ Людерицъ съ вопросомъ, можетъ ли онъ разсчитывать на защиту министерства иностранныхъ дѣлъ, если онъ пріобрѣтетъ землю на юго-западномъ берегу Африки, къ сѣверу отъ устья Оранжевой рѣки? Ему отвѣтили утвердительно, если только при этомъ онъ пріобрѣтетъ гавань, на которую не можетъ пре-

тендовать какое-либо другое государство. Получивъ этотъ отвѣтъ, Людерицъ весною 1883 года пріобрѣлъ полосу земли въ 15 верстъ по берегу и 35 верстъ вглубь страны за двѣ тысячи марокъ и 200 ружей въ придачу. Такимъ образомъ, образовалась первая нѣмецкая колонія, и началось выступленіе Германіи на поприще міровой политики. Въ Капландѣ стали было протестовать противъ этого пріобрѣтенія Людерица, но Бисмаркъ послалъ своему консулу тамъ рѣшительную телеграмму, въ которой заявлялъ, что владѣніе Людерица находится подъ покровительствомъ Германской имперіи, и послалъ туда два военныхъ корвета, которые въ августѣ 1883 года высадили тамъ десантъ, водрузили германскій флагъ въ бухтѣ Ангра-Песквенѣ, при чемъ прочитана была прокламація, въ которой возвѣщалось всему міру объ образованіи первой нѣмецкой колоніи. Прибыли потомъ еще военныя суда, которыя проѣхали къ сѣверу вдоль берега Африки, и въ слѣдующемъ году (1884 г.) объявили германскими владѣніями земли Того и Камерунъ. Еще раньше гамбургскіе и бременскіе торговые дома основали свои предпріятія на земляхъ, не принадлежавшихъ англичанамъ, но по сосѣдству съ ними. Это не нравилось послѣднимъ. Вскорѣ на нѣмцевъ стали нападать туземные князьки, какъ жаловались нѣмцы, по науцѣнію англичанъ. Германское правительство прислало сюда военное судно и комиссара, который какъ на землѣ Того, такъ и въ Камерунѣ воздвигъ нѣмецкій флагъ и объявилъ эти страны принадлежащими Германской имперіи. Присоединеніе Того и Камеруна упало, какъ снѣгъ на голову, на дипломатовъ Европы. Начались непріятные переговоры, но въ концѣ концовъ эти пріобрѣтенія Германіи были признаны. Черезъ годъ послѣ того, какъ образована была первая колонія на западномъ берегу Африки, и въ томъ же году, какъ образованы были колоніи Того и Камерунъ, Германія образовала колонію на восточномъ берегу, между владѣніями Англіи и Португаліи. Далѣе въ томъ же году она пріобрѣтаетъ владѣнія въ Новой Гвинеѣ и на островахъ Новой Британіи. Здѣсь былъ прежде торговый домъ Годефруа изъ Гамбурга, который велъ тутъ торговыя дѣла. Когда онъ пошатнулся, правительство отказалось его поддержать, и его дѣло пе-

решло къ образовавшемуся во Франкфуртѣ „Колоніальному союзу", въ составъ котораго входили многіе политическіе дѣятели и ученые. Подъ вліяніемъ агитаціи этого союза въ пользу пріобрѣтенія Германіею земли на Новой Гвинеѣ и на островахъ, завладѣніе было произведено, несмотря на протесты австралійцевъ, полагавшихъ, что Новая Гвинея и острова Новой Британіи составляютъ естественную часть Австраліи. Въ 1885 году между Германіею и Англіею заключенъ былъ договоръ, проведшій черту между нѣмецкими владѣніями и англійскими. Земля на Новой Гвинеѣ получила названіе земли Императора Вильгельма, а острова—Архипелага Бисмарка. Такъ произошли германскія колоніальныя владѣнія, которыя представили собою территорію въ 2665 тыс. кв. килом. Эта территорія была въ пять разъ больше Германіи.

Для охраны этихъ германскихъ колоніальныхъ владѣній и для защиты германской міровой торговли необходимъ былъ военный флотъ. Созданіемъ его усиленно занялась молодая имперія. При основаніи ея флота у Германіи совсѣмъ не было. Въ концѣ періода онъ принялъ довольно внушительный видъ. Онъ состоитъ изъ 37 линейныхъ кораблей, 8 броненосцевъ береговой обороны, 47 броненосныхъ и бронепалубныхъ крейсеровъ, 13 малыхъ крейсеровъ и канонерокъ, 187 миноносцевъ и 27 подводныхъ лодокъ. Англійскій флотъ, съ которымъ Германія вступила въ конкуренцію, конечно, значительнѣе. Онъ заключаетъ въ себѣ: 58 линейныхъ кораблей, 121 броненосныхъ и бронепалубныхъ крейсеровъ, 31 малыхъ крейсеровъ и канонерокъ, 269 миноносцевъ и 75 подводныхъ лодокъ. Изъ сравненія этихъ цифръ видно не только то, на сколько англійскій флотъ превосходитъ по своей силѣ германскій, но также и то, какъ много сдѣлала Германія для созданія своей военной, морской силы.

Какъ мы сказали, эта сила нужна была для поддержки внѣевропейской нѣмецкой торговли и для защиты ея колоній. Послѣднія оказывались тѣмъ болѣе важными, что вывозъ Германіи въ европейскія страны сталъ сокращаться, а вывозъ въ колоніи, напротивъ, значительно расширился. Такъ, въ 1891 году 85% вывоза Германіи направлялось въ

Европейскія страны, а въ 1910 году только 74%. Усиливая свой вывозъ въ колоніи, нѣмцы старались съ этой цѣлью создать тамъ желѣзныя дороги, и повидимому ихъ дѣятельность въ этомъ направленіи имѣла успѣхъ. Это видно изъ слѣдующихъ данныхъ.

За пятилѣтія 1893—97 и 1908—12 въ колоніи было вывезено:

	Въ двойныхъ центнерахъ.		
	Разн. товары	Желѣзнодор. матеріалы	Построено дорогъ
Въ 1893—97 г. . . .	137.870	3.320	60 килом.
Въ 1908—12 г. . . .	1.326.128	709.229	3867 килом.

Торгово-промышленное развитіе Германіи характеризуется концентраціею предпріятій и поглощеніемъ мелкихъ предпріятій крупными. Такъ, въ періодъ времени съ 1882 г. по 1907 годъ число мелкихъ предпріятій уменьшилось на 14%, а число крупныхъ предпріятій, напротивъ, увеличилось на 209%. Въ зависимости отъ этой концентраціи промышленности находится развитіе коллективныхъ предпріятій на счетъ единоличныхъ. Но на увеличеніи числа акціонерныхъ обществъ концентрація промышленности и торговли не останавливается. Отдѣльныя коллективныя предпріятія въ свою очередь объединяются въ большія организаціи и соглашенія. Образованіе разнаго рода синдикатовъ, трестовъ и тому подобныхъ союзовъ составляетъ характерную черту развитія нѣмецкой промышленности. Едва-ли есть какая-нибудь крупная отрасль германской промышленности, которая бы не была объединена въ такія крупныя организаціи. Само собою разумѣется, что послѣднія пріобрѣтаютъ монопольный характеръ и пользуются этимъ положеніемъ для того, чтобы извлекать наивысшую прибыль на внутреннемъ рынкѣ. А такъ какъ ихъ крупное производство не можетъ быть поглощено дома, то промышленныя организаціи ставятъ себѣ задачею продажу дома товара по дорогой цѣнѣ съ тѣмъ, чтобы за счетъ этого излишка въ цѣнѣ продавать его по пониженной цѣнѣ за границею. Такая торговая политика осуществима, благодаря высокимъ покровительственнымъ пошлинамъ на ввозимые товары, ограждающимъ нѣмецкихъ монополистовъ отъ иностранной

конкуренціи. Нѣмецкія пошлины, которыя когда-то, по мысли экономиста Листа, должны были имѣть, такъ сказать, только педагогическій характеръ, т. е. должны были лишь настолько защищать національный трудъ, чтобы подъ ихъ защитою выучился и окрѣпъ въ своемъ дѣлѣ германскій рабочій, эти пошлины, по мѣрѣ развитія капитализма, все болѣе теряли свою первоначальную цѣль и стали защитой жадности монополистовъ. Но такъ какъ высокія цѣны не могли благопріятствовать расширенію внутренняго рынка, и вся промышленность должна сосредоточить свои мысли на вывозѣ, то для развитія послѣдняго направляются искусственныя мѣры, имѣющія цѣлью дать нѣмецкому промышленнику преимущества въ заграничной конкуренціи. При этомъ не исключается и политика насильственнаго водворенія германскаго экономическаго вліянія внѣ Европы. Подъ вліяніемъ этой политики Германія и старалась пріобрѣсти свои колоніи, въ которыхъ она могла устранить конкуренцію другихъ странъ. Въ то же время она стремится подчинить своему вліянію такія страны, которыя бѣдны капиталами, бѣдны техникой и развитіемъ торговли, какъ, напримѣръ, Турцію. Объ этомъ послѣднемъ усиліи мы скажемъ ниже, а теперь замѣтимъ, что стремленіе Германіи пріобрѣтать и расширять свои хозяйственныя территоріи не могло не приводить ее къ столкновенію съ Франціею и Англіею.

Эти двѣ страны одновременно съ Германіею тоже значительно расширили свои колоніальныя владѣнія въ Африкѣ и въ Азіи. Франція овладѣла Тунисомъ, Сахарой и Марокко и въ то же время пріобрѣла въ Азіи Тонкинъ. Параллельно съ этимъ идетъ расширеніе англійскихъ колоніальныхъ владѣній. Англія захватываетъ Египетъ и Южную Африку и соединяетъ эти владѣнія непрерывной полосой владѣній черезъ центральную Африку. Въ Азіи она подчиняетъ себѣ Бирманское королевство. При такомъ соревнованіи въ захватѣ африканскихъ владѣній не могло обойтись безъ столкновеній. Послѣднія происходили и между Франціею и Англіею; но обычно они кончались мировою и договорами относительно разграниченія сферъ ихъ

вліяній. У обѣихъ этихъ державъ происходили также недоразумѣнія съ Германіею. Въ отношеніи Англіи Германія держала себя обыкновенно осторожно, но при недоразумѣніяхъ съ Франціею сейчасъ же принимала вызывающій тонъ и старалась на почвѣ колоніальной политики сводить съ нею свои европейскіе счеты. Эта политика Германіи привела къ соглашеніямъ ея сосѣдей, направленнымъ на взаимное обезпеченіе своихъ интересовъ.

Въ 1902 году произошло соглашеніе между Франціею и Италіею. Какъ упомянуто было выше, условія вступленія Италіи въ тройственный союзъ не обезпечивали Италіи ея средиземноморскихъ интересовъ, а причиною ея вступленія въ союзъ было овладѣніе Франціею Тунисомъ. Теперь Франція воспользовалась пробѣломъ въ союзномъ договорѣ между Италіею и Германіею съ Австріею и вошла съ нею въ соглашеніе, которымъ предоставляла ей пріобрѣсти владѣнія въ Триполи. Это соглашеніе не уничтожало союзныхъ отношеній Италіи къ средне-европейскимъ державамъ, оно не предрѣшало и будущаго отношенія Италіи къ нимъ, но несомнѣнно это соглашеніе ослабляло ту связь, которая существовала между союзниками. Вслѣдъ затѣмъ переговоры между Франціею и Англіею привели къ соглашенію между этими государствами, которое состоялось въ 1904 г. Содержаніе этого акта не было извѣстно въ то время, но изъ послѣдующихъ заявленій англійскихъ государственныхъ людей и, наконецъ, изъ поведенія Англіи наканунѣ теперешней войны выяснилось, что соглашеніе это обезпечивало договорившіяся стороны противъ посягательства на ихъ интересы третьей державы, т. е. Германіи. Если первое соглашеніе не вызвало большой тревоги или досады въ Германіи, то второе повидимому подвинуло ее къ мысли о своевременности осложненія отношеній къ Франціи. На это раздраженіе ея указали рѣчи императора Вильгельма. Въ своей рѣчи въ Карлсруэ, сказанной весною 1904 года, онъ ни съ того, ни съ сего заговорилъ о сраженіи при Вертѣ и другихъ славныхъ битвахъ кампаніи 1870 года и сказалъ: „будемъ думать о великой эпохѣ, создавшей германское единство, о сраженіяхъ при Вертѣ, Вейсенбургѣ и Седанѣ. Теперешнія событія призываютъ насъ къ забвенію внутрен-

нихъ несогласій. Будемъ едины на тотъ случай, когда въ міровой политикѣ мы должны будемъ вмѣшаться". Черезъ нѣсколько дней послѣ того императоръ былъ на открытіи моста въ Майнцѣ и по этому случаю высказалъ опять сомнѣніе относительно будущаго. Онъ сказалъ: „это созданіе, предназначенное для развитія мирныхъ сношеній, можетъ послужить и для цѣлей болѣе важныхъ". Эти намеки императора подчеркивались заявленіями авторитетныхъ лицъ и общественныхъ организацій. Канцлеръ Бюловъ въ рейхстагѣ заявилъ, что съ одной стороны Германія должна защищать свои интересы въ Марокко, а, во-вторыхъ, она имѣетъ въ виду и интересы общаго характера. „На этой почвѣ общей политики, сказалъ Бюловъ, мы должны были дать отвѣтъ политикѣ (Франціи), которая стремилась насъ изолировать и которая приняла по отношенію къ намъ характеръ явно враждебный". Германское правительство было недовольно тѣмъ, что соглашеніе Англіи и Франціи не было сообщено оффиціально Германіи; но подъ этимъ недовольствомъ крылось другое, болѣе глубокое, а именно безпокойство по поводу самаго факта соглашенія Франціи съ Англіею. Стремясь къ развитію своей міровой политики, Германія во многихъ пунктахъ сталкивалась съ Англіею. Видѣть теперь эту державу на положеніи друга Франціи ей было вдвойнѣ непріятно, а къ этому еще присоединялось и заявленіе французскаго министра Делькассе о томъ, что Италія ни въ какомъ случаѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ не станетъ орудіемъ наступательной политики противъ Франціи.

„Колоніальное Нѣмецкое Общество" въ маѣ 1904 года въ своей резолюціи высказало мысль, что въ Марокко слѣдуетъ направить потокъ въ 32000 эмигрантовъ, которые ищутъ теперь счастья въ Америкѣ, что они найдутъ въ Марокко климатъ и условія, подходящіе для ихъ дѣятельности; что, наконецъ, съ точки зрѣнія политической въ настоящій моментъ Марокко является единственнымъ пунктомъ, гдѣ нѣмецкій флотъ могъ бы найти точку опоры для того, чтобы въ случаѣ международныхъ осложненій поддерживать свободу пути отъ Атлантическаго океана до Суэца. Резолюція повторяла фразу, часто тогда повторявшуюся въ

Германіи: Да, хотя бы цѣною войны, но намъ нуженъ Марокко. Нѣсколько дней позже „Всеобщій Германскій Союзъ" на собраніи въ Любекѣ принялъ резолюцію, требовавшую, во имя экономическихъ и политическихъ интересовъ Германіи, пріобрѣтенія западнаго берега Марокко, и объявлялъ, что онъ пораженъ униженіемъ Германіи, выразившемся въ томъ, что ея совѣта не спросили, когда велись англо-французскіе переговоры.

Для поясненія нѣмецкой тревоги по поводу Марокко, слѣдуетъ сказать, что между Франціею и Испаніею съ одной стороны и Марокскимъ султаномъ съ другой было заключено соглашеніе, по которому эти державы брали на себя водвореніе порядка въ государствѣ послѣдняго и выговаривали себѣ значительныя экономическія выгоды. Германское правительство начало кампанію противъ этого соглашенія осенью 1904 года и продолжало ее зимою 1905 года. Если принять при этомъ во вниманіе, что тогда уже прошли такіе моменты въ русско-японской войнѣ, какъ сраженіе при Ляоянѣ и при Мукденѣ, то нетрудно будетъ догадаться, на что разсчитывала Германія, открывая походъ противъ Франціи въ дѣлѣ Марокко: помощь Россіи становилась сомнительною. Тѣмъ не менѣе, однако, Англія и Россія оказали энергичную поддержку Франціи. На конференціи, собранной въ Алжезирасѣ, въ которой приняли участіе, кромѣ непосредственно заинтересованныхъ державъ: Англія, Россія, Италія, Сѣверо-Американскіе Штаты, Швеція, Бельгія и Голландія, дебатировался Марокскій вопросъ. Англія и Россія, а за ними и другія державы добились того, что за Франціею и Испаніею были признаны преимущественные интересы въ Марокко политическаго характера, а что касается экономическихъ интересовъ другихъ державъ, то уваженіе ихъ было признано обязательнымъ для Франціи и Испаніи (1906 г. 8 апрѣля).

Казалось, что алжезирасская конвенція уладила марокское дѣло; но черезъ три года послѣ того Германія снова заявила притязанія на полученіе особаго положенія въ Марокко, и начавшіеся по этому поводу переговоры ея съ Франціею закончились соглашеніемъ 8-го февраля 1909 года, которымъ Германія категорически признала, что Франція

имѣетъ въ Марокко „особые, исключительные интересы, тѣсно связанные съ упроченіемъ порядка и внутренняго мира, которымъ германское правительство не будетъ препятствовать". Съ другой стороны это соглашеніе отчетливо опредѣлило, что германскіе интересы въ Марокко исключительно экономическаго свойства, и Франція обязывалась не оказывать какой-нибудь націи особыхъ привиллегій, которыми бы не имѣли права пользоваться нѣмцы. Послѣ этого соглашенія марокскія дѣла не давали повода для новаго вмѣшательства въ нихъ со стороны Германіи. Между тѣмъ лѣтомъ 1911 года въ то время, какъ между Испаніею и Франціею шли споры о томъ, имѣла ли право Испанія занимать на западномъ берегу Марокко города Ларашъ и Эль-Ксаръ, совершенно неожиданно передъ маленькимъ городкомъ на марокскомъ берегу Атлантическаго океана бросаетъ якорь германская канонерка Пантера, объясняя свое появленіе необходимостью защиты представителей нѣмецкаго торговаго дома бр. Манесмановъ, которыхъ, однако, никто не тѣснилъ и не обижалъ. Какого-либо требованія передъ этимъ вооруженнымъ выступленіемъ германское правительство не заявляло. Нѣмецкая печать по поводу этого акта заговорила въ высоко патріотическомъ стилѣ, заявляя, что нація въ лицѣ своего правительства громко и твердо заявила свое право *руководящаго* участія во всѣхъ международныхъ дѣлахъ и вопросахъ, гдѣ бы они ни возникали, и этотъ фактъ наполняетъ гордостью сердца нѣмецкихъ патріотовъ.

Между Франціею и Германіею начались переговоры по поводу этого, ничѣмъ не оправдываемаго появленія Пантеры въ районѣ, въ которомъ по признанію самой Германіи, сдѣланномъ совершенно опредѣленно три года назадъ, Франція имѣла преимущественные политическіе интересы. Переговоры эти сразу приняли такой оборотъ, что угрожали вооруженнымъ столкновеніемъ на западѣ Европы. Въ дѣло вмѣшалась Англія. Она офиціально заявила Германіи, что Англія не считаетъ законнымъ и согласнымъ съ международными трактатами пребываніе германскаго военнаго судна въ водахъ Агадира. Германское правительство не обратило вниманія на это заявленіе и, какъ будто пренебрегая имъ,

послало въ Агадиръ крейсеръ взамѣнъ маленькой канонерки. Тогда Англія заговорила болѣе яснымъ и рѣшительнымъ языкомъ. 21 іюля былъ устроенъ банкетъ въ честь лондонскихъ банкировъ; на немъ министръ финансовъ Ллойдъ Джорджъ обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, въ которой, между прочимъ, сказалъ: „для высшихъ и важнѣйшихъ интересовъ не только этой страны, но и всего міра необходимо, чтобы Британія сохраняла свое мѣсто и свой престижъ между великими державами міра. Ея могущественное вліяніе долго было въ прошедшемъ и будетъ вѣроятно въ будущемъ незамѣнимымъ для дѣла свободы. Если бы намъ навязано было положеніе, при которомъ миръ могъ бы быть сохраненъ только отказомъ отъ великой и благодѣтельной роли, принадлежащей Британіи послѣ вѣковыхъ усилій и усовершенствованія, и если бы тамъ, гдѣ задѣты ея жизненные интересы, стали смотрѣть на Британію свысока, какъ будто въ совѣтѣ націй она не принимается уже въ расчетъ, то скажу рѣшительно, что миръ, достигнутый такою цѣною и на такихъ основаніяхъ, былъ бы невыносимымъ униженіемъ, котораго не стерпѣла бы такая великая страна, какъ наша“...

Эти слова были достаточно ясны; они говорили прямо, что англійскіе жизненные интересы затронуты, но они не опредѣляли ихъ съ достаточною конкретностью. Шесть дней спустя, 27 іюля, въ засѣданіи парламента Асквитъ пополнилъ этотъ пробѣлъ и указалъ ясно тѣ границы, въ предѣлахъ которыхъ Англія живо заинтересована. Говоря о переговорахъ, идущихъ между Франціею и Германіею, онъ сказалъ, что „они касаются предмета, который *можетъ* не затрагивать британскихъ интересовъ. Мы не можемъ высказывать о нихъ опредѣленнаго сужденія прежде, чѣмъ мы узнаемъ ихъ результатъ. Но мы желаемъ, чтобы эти переговоры привели къ рѣшенію, достойному и удовлетворительному для обѣихъ сторонъ, къ рѣшенію, которое ни въ чемъ не нарушило бы британскихъ интересовъ. Въ самомъ Марокко вопросъ представляетъ массу затрудненій, но внѣ Марокко, въ другихъ мѣстахъ африканскаго запада мы не думали бы вмѣшиваться въ территоріальныя соглашенія, признаваемыя разумными тѣми, которые ближе всего въ нихъ

заинтересованы... Мы полагали справедливымъ съ самаго начала установить для общаго свѣдѣнія, что, если не достигнуто будетъ рѣшеніе, соотвѣтствующее намѣченнымъ пожеланіямъ, мы сочтемъ себя обязанными принять активное участіе въ обсужденіи вопроса. Это будетъ нашъ долгъ, какъ подписавшихъ алжезирасскій актъ, и это можетъ быть нашимъ обязательствомъ въ виду соглашенія, подписаннаго въ 1904 году съ Франціею. Это можетъ оказаться нашимъ долгомъ также для защиты британскихъ интересовъ, которые могли бы быть задѣты дальнѣйшими событіями. Въ извѣстные моменты мы не были увѣрены, что это понято, какъ слѣдуетъ; но теперь мы знаемъ положительно, что недоразумѣнія нѣтъ"... Эти слова говорили ясно, что, если Германія будетъ пытаться получить что-нибудь въ Марокко, то Англія приметъ „активное участіе" въ переговорахъ. Что такое это активное участіе, ни для кого не могло составить недоразумѣнія. Германія поняла создавшееся положеніе, и съ этого момента она понизила тонъ, хотя и не отказалась отъ требованія компенсацій за то положеніе, которое заняла Франція въ Марокко и которое за нею было признано договорами. Этихъ компенсацій, въ виду заявленія Англіи, она уже не искала въ Агадирѣ или иномъ пунктѣ Марокко, а согласилась получить часть французскаго Конго.

Этими небольшими компенсаціями споръ былъ улаженъ, и столкновеніе между Франціею и Германіею было окончено. Но для всѣхъ современниковъ оно получило многозначительный смыслъ. Во-первыхъ, для всѣхъ стало ясно, что Германія не допускаетъ мысли, чтобы кто-либо могъ увеличить свою территорію или политическое вліяніе безъ того, чтобы она не получала право на вознагражденіе. Во-вторыхъ, нѣмецкое общественное мнѣніе, поскольку оно выражается въ повременной печати, усвоило убѣжденіе, что никакое международное соглашеніе въ мірѣ не можетъ совершаться безъ руководства Германіи. Въ-третьихъ, агадирскій случай показалъ, до какой степени политическая атмосфера насыщена грозовыми элементами. Можно сказать, что этотъ случай былъ первой молніей съ отдаленнымъ рокотаніемъ грома, которыя предшествуютъ надвигающейся грозѣ.

Какъ ни великъ былъ размахъ германскихъ колоніальныхъ пріобрѣтеній, они не могли вполнѣ удовлетворять потребностей германской промышленности въ вывозѣ ея продуктовъ. Между тѣмъ въ разныхъ частяхъ свѣта нѣмцы сталкивались съ конкуренціею другихъ странъ: въ Америкѣ они не могли выдерживать соперничество Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, на Дальнемъ Востокѣ они встрѣчали трудности въ конкуренціи съ Японіею и Англіею. Въ самой Европѣ нѣмецкій вывозъ сталъ сокращаться вслѣдствіе того, что сосѣди послѣдовали ея примѣру и введеніемъ высокихъ покровительственныхъ пошлинъ и развитіемъ собственной промышленности сокращали свой спросъ на нѣмецкіе товары. Въ 1891 году 85% германскаго вывоза поглощались Европою, а въ 1910 году только 74%. Исключеніе составили государства Балканскаго полуострова и Турція, включая въ особенности ея азіатскія владѣнія. Во ввозѣ товаровъ на Балканскій полуостровъ на долю Германіи приходилось въ 1891 году 2,9%, а къ 1910 году уже 4%. Спеціально въ Турцію ввозъ Германіи въ пятилѣтіе 1892 по 1897 годъ составлялъ ежегодно 43,8 милл. марокъ, а въ пятилѣтіе съ 1907 по 1911 годъ онъ возросъ до 88,5 милл. мар. Интересно отмѣтить, что участіе Германіи въ торговлѣ съ Болгаріею не только выросло абсолютно, но и опередило другихъ соперниковъ: Австрію и Англію. Такъ, мы видимъ, что процентное участіе во ввозѣ въ Болгарію за годы пятилѣтій

	1892-1896 и	1907-1911 составляло:
изъ Австріи	38%	22%
изъ Англіи	22%	15%
изъ Германіи	12%	18%

Такимъ образомъ, Германія не только увеличила свой ввозъ въ Болгарію въ полтора раза, но и обогнала за эти пятнадцать лѣтъ и Австрію, и Англію.

Изъ этихъ данныхъ оказывается, что Ближній Востокъ, который прежде, вскорѣ послѣ образованія Германской имперіи совсѣмъ не интересовалъ Германію и по словамъ Бисмарка не стоилъ костей одного померанскаго гренадера, теперь сталъ занимать видное мѣсто въ ея торговомъ оборотѣ. Нѣмцы обратили вниманіе на Турцію и главнымъ образомъ

на Малую Азію, какъ на такую страну, въ которой они могли бы устроить свою обширную нѣмецкую колонію, гораздо болѣе подходящую, чѣмъ ихъ африканскія колоніи. Страна, равняющаяся по величинѣ своей Англіи, Франціи, Германіи и Австріи, вмѣстѣ взятымъ, заключаетъ въ себѣ только 20 милл. населенія, тогда какъ она могла бы прокормить и 180 милліоновъ людей. Эта страна къ тому же по своему климату болѣе подходящая для нѣмцевъ, чѣмъ африканскія колоніи, могла бы принять къ себѣ большое число нѣмцевъ, если-бы только включить ее въ сферу вліянія Германіи. Она можетъ быть связана съ послѣднею непрерывною желѣзнодорожною линіею, по которой будутъ ходить поѣзда съ надписью „Берлинъ-Багдадъ". Уже съ конца восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія начинается распространеніе на Малую Азію энергичной дѣятельности нѣмцевъ. Подъ вліяніемъ и при участіи и содѣйствіи „Нѣмецкаго Банка" образовался „Восточный Банкъ" съ 17 отдѣленіями въ Турціи, Египтѣ и въ Алжирѣ. Въ 1889 году образуется желѣзнодорожная компанія съ капиталомъ въ 60 милл. марокъ для постройки въ Малой Азіи 623 километровъ желѣзной дороги. Это общество получило названіе „Анатолійскаго желѣзнодорожнаго общества". Вслѣдъ затѣмъ образовалось „Общество для эксплуатаціи восточныхъ желѣзныхъ дорогъ", получившее концессію на постройку и эксплуатацію 1503 километровъ. Въ 1891 году образовалось тоже нѣмецкое общество съ 20 милл. франковъ подъ названіемъ „Sociètè de chemin de fer Saloniki-Monastyr". Наконецъ въ 1903 году было утверждено „Императорское Оттоманское Общество Багдадской желѣзной дороги" на 1718 километровъ.

Всѣ эти концессіи успѣшно создавались, благодаря благосклонности турецкаго правительства, которое видѣло въ Германіи возможнаго защитника противъ Россіи. Прежде Турція смотрѣла на Англію, какъ на оплотъ противъ Россіи, но послѣ того, какъ за свою защиту турецкихъ интересовъ на Берлинскомъ конгрессѣ Англія присвоила Кипръ, а потомъ наложила руку на Египетъ, расчетъ на нее представлялся весьма сомнительнымъ, тогда какъ Германія казалась безкорыстною страною, которая, кромѣ экономическихъ цѣлей, никакихъ иныхъ не преслѣдуетъ. Но Герма-

нія, однако, параллельно съ экономическими предпріятіями расширяла въ Турціи и свое политическое вліяніе. Еще въ 1883 году она предоставила Турціи своихъ инструкторовъ съ генераломъ Гольцемъ, ставшимъ извѣстнымъ подъ именемъ Гольца паши. Во время войны Турціи съ Греціею Германія стала на сторонѣ Турціи и помѣшала другимъ державамъ заставить Турцію возвратить Греціи Ѳессалію. Вовлеченіе Турціи въ сферу нѣмецкаго политическаго вліянія соотвѣтствовало задачамъ германской торговой политики. Послѣдняя признавала насиліе, какъ одно изъ средствъ преуспѣянія на міровомъ рынкѣ. Монополизированіе рынка внутри Германіи должно было итти рядомъ съ насильственнымъ проведеніемъ экономическаго господства Германіи на внѣшнихъ рынкахъ. Какъ выразился секретарь общества нѣмецкихъ желѣзозаводчиковъ, „всякій, идущій на иностранные рынки, долженъ нападать, и, только нападая, можно побѣдить". Одинъ изъ нѣмецкихъ экономистовъ Сарторіусъ возвелъ въ теорію систему насилія и именно на Востокѣ. „Такъ какъ народы Востока, говорилъ онъ, нуждаются въ европейскихъ деньгахъ, въ европейскихъ товарахъ, въ европейскомъ умѣ и энергіи, то ихъ можно принудить къ строгому исполненію ихъ долга по отношенію къ европейцамъ и показать имъ, что существуетъ европейскій капиталъ. Въ этомъ капиталѣ заложена сильная воля къ власти, и носителемъ ея (т. е. этого стремленія къ власти) является прежде всего капиталъ германскій" *). Это стремленіе къ власти и осуществлялось постепеннымъ подчиненіемъ Турціи германской политикѣ. Въ 1898 году Вильгельмъ предпринялъ путешествіе въ Іерусалимъ и при этомъ случаѣ сдѣлалъ визитъ султану. Это былъ первый случай посѣщенія султана христіанскимъ государемъ. Императору и сопровождавшей его императрицѣ былъ оказанъ султаномъ Абдулъ Гамидомъ торжественный и пышный пріемъ. Съ своей стороны Вильгельмъ сдѣлалъ все, чтобы показать величіе Германіи. Изъ Константинополя онъ проѣхалъ въ

---

*) Sartorius. Das volkwirtschaftliche Sistem der Capitalanlage im Auslande. 1907. См. „Вѣстн. Европы" 1914 г. Октябрь, стр. 169—170.

Палестину. Здѣсь онъ произвелъ закладку храма на мѣстѣ успенія Пресвятой Богородицы. Это мѣсто было ему уступлено султаномъ. Болѣе важнымъ дѣломъ было объявленіе германскаго императора единственнымъ покровителемъ всѣхъ нѣмецкихъ католиковъ въ Турціи. Съ давнихъ поръ всѣ католики Ближняго Востока безъ различія ихъ подданства находились подъ покровительствомъ Франціи. Это право послѣдней этимъ актомъ ограничивалось. Турція признала право Германіи на покровительство германскимъ католикамъ, и заинтересованныя стороны были извѣщены о состоявшемся соглашеніи. Пріѣхавъ въ Дамаскъ, Вильгельмъ принялъ банкетъ, устроенный ему нѣмцами, и посѣтилъ могилу султана Саладина и сказалъ при этомъ слѣдующія слова: „преисполненный глубокаго волненія, находясь на томъ мѣстѣ, гдѣ пребывалъ одинъ изъ благороднѣйшихъ государей, великій султанъ Саладинъ, рыцарь безъ страха и упрека, нерѣдко даже своимъ врагамъ дававшій уроки истиннаго рыцарскаго духа, я пользуюсь прежде всего случаемъ, чтобы поблагодарить султана Абдулъ Гамида за его гостепріимство. Пусть султанъ и триста милліоновъ магометанъ, разсѣянныхъ по всей землѣ и почитающихъ въ немъ халифа, будутъ увѣрены, что германскій императоръ всегда и при всякихъ случаяхъ будетъ ихъ другомъ“.

Вся торжественная поѣздка Вильгельма и его романтическія мечтанія тѣсно связаны были съ политическими цѣлями. Онъ оказалъ свое вліяніе въ пользу того, чтобы утвержденіе устава Императорскаго Оттоманскаго Общества желѣзной дороги было ускорено, и этому обществу предоставлено было право продолжить Багдадскую дорогу до Персидскаго залива. Рѣчи Вильгельма съ обѣщаніемъ всегдашней дружбы съ 300 милл. магометанъ, разсѣянныхъ по всей землѣ, направлены были противъ Англіи и Россіи, на территоріи которыхъ находится много мусульманъ, а также и Франціи съ ея мусульманскими подданными Алжира и Туниса. Устройство же желѣзной дороги до Персидскаго залива, осуществляя планъ пути „Берлинъ-Багдадъ“, не могло не возбудить заботъ Англіи, интересы коей въ Индіи затрагивались этимъ планомъ. Впечатлѣніе поѣздки Вильгельма на Ближній Востокъ и всей совокупности мѣръ Германіи,

направленныхъ на завладѣніе имъ въ экономическомъ и политическомъ отношеніи, усилилось вскорѣ новыми выступленіями германскаго императора по поводу замѣшательствъ, начавшихся на Дальнемъ Востокѣ. Договоромъ 5-го января 1898 года Китай отдалъ Германіи въ аренду на 99 лѣтъ Кьяо-Чоу съ его бухтой и прилегающею территоріею. Провожая туда своего брата Генриха съ эскадрою, Вильгельмъ сказалъ ему, что онъ посылаетъ его „съ бронированнымъ кулакомъ туда, гдѣ захотятъ вредить интересамъ Германіи". На пожеланіе, высказанное императоромъ, увѣнчать лаврами его юное чело Генрихъ отвѣчалъ: „меня не прельщаютъ слава и лавры, меня привлекаетъ задача возвѣстить на чужбинѣ евангеліе священной особы Вашего Величества какъ тѣмъ, которые хотятъ ему внимать, такъ и тѣмъ, которые не хотятъ". Немного позже, по поводу посылки экспедиціоннаго корпуса въ Китай для усмиренія движенія боксеровъ, Вильгельмъ обратился къ фельдмаршалу Вальдерзее со слѣдующими словами: „пардону не давать, плѣнныхъ не брать... Какъ за тысячу лѣтъ тому назадъ гунны со своимъ королемъ Этцелемъ прославили свое имя, и еще теперь въ преданіяхъ о нихъ даетъ о себѣ знать ихъ мощь, такъ пусть и германское имя черезъ ваши подвиги получитъ въ Китаѣ такое значеніе, чтобы и черезъ тысячу лѣтъ ни одинъ китаецъ не дерзнулъ хотя бы только бросить косой взглядъ на нѣмца".

Это возведеніе культа силы и жестокости въ идеалъ политики ярко иллюстрировало выступленія Вильгельма на Ближнемъ Востокѣ и могло только усиливать безпокойство, возбужденное его политикой. Канцлеръ Бюловъ, объясняя вмѣшательство Германіи въ китайскія дѣла, выражался въ гораздо болѣе мягкой формѣ, лишенной угрожающаго характера. Въ своемъ обращеніи къ рейхстагу онъ говорилъ: „мы вовсе не намѣрены совать свои пальцы въ каждый горшокъ. Тѣмъ не менѣе мы держимся того мнѣнія, что вовсе не нужно исключать Германію изъ соперничества другихъ націй въ странахъ съ богатымъ будущимъ. Прошли тѣ времена, когда нѣмецъ оставлялъ въ распоряженіе однихъ своихъ сосѣдей землю, другихъ—море, а себѣ самому оставлялъ только небо, гдѣ царитъ чистая доктрина... Мы съ большою охо-

тою готовы принимать въ расчетъ интересы другихъ великихъ державъ въ восточной Азіи, никого не хотимъ оставлять въ тѣни, но и сами, однако, себѣ требуемъ мѣста на солнышкѣ". Это скромное желаніе мало гармонировало съ вызывающими и насильническими выраженіями императора и мало кого успокаивало.

Если вообще политика Германіи относительно Турціи производила впечатлѣніе среди державъ Европы, то особенно сильно оно было въ Англіи. Политика Англіи на Босфорѣ заключалась въ томъ, чтобы защищать Турцію отъ подавленія ея Россіею. Защита Турціи и антагонизмъ съ Россіею на Балканскомъ полуостровѣ были краеугольными камнями англійской политики. Со времени попытки Россіи договоромъ въ Ункіаръ Искелесси (1833 г.) установить надъ Турціею родъ протектората Россіи, Англія употребляла всѣ усилія, чтобы парализовать вліяніе Россіи и даже ослаблять ее на Черномъ морѣ. Крымская война имѣла этотъ смыслъ и въ значительной степени достигла этой цѣли. Когда въ 1878 году русскія войска подошли къ Константинополю, англійскій флотъ бросилъ якорь у Принцевыхъ островов; когда Россія заключила Санъ-Стефанскій договоръ, создавшій великую Болгарію, Англія создала коалицію противъ нея, и на Берлинскомъ конгрессѣ Дизраэли разрушилъ дѣло Россіи. Борясь противъ созданія гегемоніи Россіи на Балканскомъ полуостровѣ, Англія въ восьмидесятыхъ годахъ должна была увидѣть усиленіе вліянія въ Турціи Германіи, что оказывалось еще болѣе опаснымъ. Подъ вліяніемъ впечатлѣнія, производимаго этимъ фактомъ, ослабѣвалъ предразсудокъ относительно опасности домогательствъ Россіи къ вліянію на проливахъ. Не предубѣжденные люди не могли не замѣтить того факта, что Россія, освобождая балканскіе народы, не подчиняла ихъ себѣ, а создала изъ нихъ рядъ свободныхъ государствъ. Бороться далѣе противъ вліянія Россіи на Балканскомъ полуостровѣ значило играть въ руку другому вліянію, которое шло гораздо далѣе Балканскаго полуострова и проливовъ, простираясь на всю Малую Азію, вліянію болѣе опасному для интересовъ Великобританіи. Интересно отмѣтить тутъ, что представители либеральнаго и радикальнаго лагеря въ

Англіи и прежде не были друзьями Турціи и не видѣли опасности въ политикѣ Россіи. Таково было отношеніе къ ней Кобдена, Уайта и Гладстона. Но съ того момента, какъ Англія утвердилась въ Египтѣ, проливы потеряли прежнее значеніе для Англіи: путь въ Индію былъ обезпеченъ господствомъ надъ Суэцскимъ каналомъ. Поэтому и для англійскихъ консерваторовъ Россія переставала быть пугаломъ, всякое движеніе котораго вызывало страхъ. Напротивъ, растущее политическое вліяніе Германіи въ Турціи, усиливавшееся въ ущербъ вліянію Англіи, становилось прямо таки опаснымъ именно для безопасности путей въ Индію. Разъ Германіи удалось бы устроиться прочно въ Турціи и обосноваться на берегахъ Персидскаго залива, опасность для путей въ Индію становилась куда болѣе близкою, чѣмъ она была бы отъ упроченія Россіи на Босфорѣ. Вотъ почему по мѣрѣ того, какъ обозначалась политика Германіи въ Турціи, выражавшаяся фразой „Берлинъ-Багдадъ", измѣняется и отношеніе Англіи къ Россіи, и въ средѣ ся государственныхъ людей растетъ сознаніе, что у нея съ Россіею меньше поводовъ для спора, чѣмъ интересовъ, ихъ сближающихъ. Ихъ интересъ въ Турціи становится общимъ, имъ обоимъ ихъ интересы повелѣвали бороться противъ господства тамъ Германіи. Отсюда начинается сближеніе между Англіею и Россіею. Въ 1895 году между ними состоялось соглашеніе о Памирахъ. Обѣ стороны обязались признавать ихъ настолько нейтральными, что даже отказались посылать туда даже научныя экспедиціи. Затѣмъ нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1907 году происходитъ соглашеніе относительно Персіи. Обѣ державы признали, что сфера вліянія Россіи простирается на сѣверную Персію, а сферу вліянія Англіи составляетъ южная Персія, а между ними остается полоса, захватывающая среднюю часть Иранскаго плоскогорія, которую обѣ стороны признаютъ находящеюся внѣ ихъ исключительнаго вліянія. Такимъ образомъ подъ вліяніемъ агрессивной міровой политики Германіи, которая заявляла свою претензію имѣть руководящее вліяніе во всѣхъ вопросахъ міровой политики, гдѣ бы они ни возникали, въ стремленіи ея, вопреки заявленію Бюлова, совать свои пальцы во всякій горшокъ, да еще съ насиліемъ и съ угрозою, произошло сначала сближеніе

Англіи съ Франціею съ одной стороны, а потомъ и съ Россіею съ другой. Такъ создалось тройственное соглашеніе, которое, по словамъ министра Сазонова, хотя и не вылилось въ опредѣленный договоръ, но оказалось очень крѣпкимъ въ силу естественнаго сочетанія интересовъ. Это соглашеніе направлено было противъ тройственнаго союза, въ которомъ положеніе Италіи, послѣ соглашенія съ Франціею, стало болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Послѣднія же событія, совершившіяся у насъ на глазахъ, показали, что Италія не только не союзникъ, но даже не нейтральная держава. Уже въ Алжезирасѣ вскрылась противоположность этихъ двухъ политическихъ группировокъ, въ Агадирскомъ случаѣ, какъ мы сказали, раздались первые раскаты грома еще отдаленной грозы. Это было въ 1911 году, а въ концѣ 1912 года разразилась балканская война, освѣтившая неминуемость столкновенія Австріи и Германіи съ Россіею и съ Франціею.

Выше мы видѣли, какое значеніе имѣетъ для Россіи такъ называемый Восточный вопросъ. Мы сказали, что въ теченіе вѣковъ Россія боролась за подступъ къ Черному морю и что, ставъ на берегахъ его, она пріобрѣла жизненные интересы, толкавшіе ее къ тому, чтобы не допускать возможности запирать проливы при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Вся восточная политика Россіи можетъ быть сведена къ обезпеченію своего господства на проливахъ, составляющихъ ворота Чернаго моря. Она не могла допустить, чтобы Германія въ союзѣ съ Австріею подчинили себѣ Турцію и, превративъ ее въ свой правый флангъ, не только заперли бы Россію въ Черномъ морѣ, ставъ твердой ногой на проливахъ, но и угрожали бы ея азіатской границѣ путемъ укрѣпленія своего политическаго господства надъ Турціею и ея азіатскими владѣніями. Если мы сравнимъ интересы Россіи на Балканскомъ полуостровѣ и въ Малой Азіи съ интересами Англіи, то безъ труда увидимъ, что интересы Россіи, можетъ быть, еще болѣе значительны, чѣмъ интересы Англіи, въ особенности если рѣчь идетъ о Черномъ морѣ и проливахъ. Поэтому неудивительно было бы, если-бы мы узнали, что нѣмецкая политика на Ближнемъ Востокѣ, выразившаяся въ фразѣ „Берлинъ-Баг-

дадъ", встревожила Россію не въ меньшей степени, чѣмъ Англію.

Въ послѣдніе годы XIX столѣтія она продолжала на Балканахъ свою прежнюю политику и потому употребляла всѣ усилія, чтобы такъ или иначе разрѣшить вопросъ о Македоніи, которая, несмотря на торжественное обѣщаніе Турціи на Берлинскомъ конгрессѣ провести тамъ реформу управленія и на рѣшимость державъ настоять на этой реформѣ, оставалась попрежнему въ хаотическомъ состояніи и время отъ времени подвергалась разоренію со стороны турокъ, которые къ тому же сознательно истребляли ея славянское и греческое населеніе, желая тѣмъ самымъ упразднить вопросъ о Македоніи и ея автономіи. Усилія Россіи разрѣшить македонскій вопросъ въ согласіи съ Австріею не привели къ желаннымъ результатамъ, и Мюрцштегское соглашеніе было послѣднимъ разочарованіемъ на этомъ пути. Между тѣмъ на Балканскомъ полуостровѣ образовалась сила изъ тѣхъ государствъ, которыя нѣкогда были освобождены и созданы усиліями Россіи, сила, способная создать препятствіе вожделѣніямъ Австро-Германіи на Востокѣ. Но эта сила была только возможностью, пока между балканскими государствами не образовался союзъ съ цѣлью совокупнаго дѣйствія противъ Турціи. Этотъ союзъ состоялся въ февралѣ 1912 года. По договору, заключенному между Сербіею, Болгаріею, Греціею и Черногоріею, эти державы поставили себѣ задачею либо добиться автономіи Македоніи, либо пріобрѣсти ее и подѣлить между Болгаріею и Сербіею по рѣкѣ Вардару; Сербія кромѣ того должна была добиться выхода къ Адріатическому морю, Греція возвратить себѣ Ѳессалію и получить Эпиръ, а Черногорія расширить свои владѣнія за счетъ округа Скутари. Европейская пресса приписывала образованіе этого союза Россіи. Насколько вѣрно такое предположеніе, мы сказать не можемъ, но ничего невѣроятнаго въ этомъ предположеніи нѣтъ, а если-бы было доказано, что балканскій союзъ образовался дѣйствительно подъ вліяніемъ русской дипломатіи, то слѣдуетъ признать, что въ этомъ случаѣ русская политика стала на вѣрный путь и сумѣла найти хорошую дорогу для защиты жизненныхъ интересовъ Россіи и можетъ поставить себѣ въ заслугу это

дѣло. Политическое значеніе этого союза могло быть довольно значительно. Онъ составилъ затворъ австро-германскому стремленію на Ближній Востокъ или во всякомъ случаѣ могъ составить серьезное препятствіе политикѣ „Берлинъ-Багдадъ“. Съ другой стороны въ лицѣ этого союза создавалась сила, могущая замѣстить Турцію на Балканскомъ полуостровѣ и тѣмъ самымъ приблизить разрѣшеніе вопроса о проливахъ.

Но серьезность этой силы сначала не была видна. Когда союзники обратились къ Турціи съ ультиматумомъ, въ которомъ требовали отъ нея осуществленія автономіи Македоніи, европейскія державы ожидали не пораженія Турціи, а ея побѣды и предупредили союзниковъ, что онѣ не будутъ защищать ихъ и во всякомъ случаѣ не допустятъ никакихъ территоріальныхъ измѣненій на Балканскомъ полуостровѣ. Но скоро произошли событія, которыя поразили Европу, какъ громомъ. 11 октября сербы при Кумановѣ наголову разгромили турецкую армію, и въ тотъ же день болгары при Киркъ-Килиссе нанесли рѣшительное пораженіе туркамъ, несмотря на численный перевѣсъ послѣднихъ, а десять дней спустя разгромили турецкую ѳракійскую армію между Лозенградомъ (Люлебургасъ) и Визою и заставили ее въ безпорядкѣ отступить къ Константинополю, къ Чаталджѣ. Такимъ образомъ, вся Ѳракія оказалась въ рукахъ болгаръ, а въ то же время сербы овладѣли Македоніей и вышли къ Адріатическому морю, а греки побѣдоносно подвигались въ Эпирѣ, уже овладѣвъ всею Ѳессаліею. Впечатлѣніе этихъ побѣдъ въ Европѣ было громадно. Тамъ не только забыли о сохраненіи неприкосновенности турецкой территоріи, но думали только о томъ, какъ бы спасти отъ полнаго уничтоженія ея владычество въ Европѣ. Это впечатлѣніе еще болѣе усилилось, когда послѣ перемирія, во второй половинѣ войны были взяты штурмомъ такія твердыни, какъ Адріанополь, Янина и наконецъ Скутари. Всѣ эти событія свалились, какъ снопъ на голову, и такъ поразили старушку Европу, что она совершенно растерялась. И въ самомъ дѣлѣ торжество союзниковъ надъ Турціею было настолько полно, что оно переворачивало вверхъ дномъ политическое положеніе на Балканахъ. Тамъ оказалась сила, которая по-

чти вывела изъ строя Турцію и способна была разрѣшить вопросы, которые оказались не подъ силу европейскимъ державамъ, преслѣдовавшимъ на Балканахъ односторонне свои интересы, не считаясь съ интересами тамошняго населенія. Россія стояла въ этомъ отношеніи въ особомъ положеніи, и для нея торжество балканскаго союза было несомнѣнно выгодно. Какъ мы выше говорили, ея политика на Балканахъ совпадала съ интересами сербовъ, болгаръ и грековъ. Она не искала ни ихъ подчиненія, ни ихъ эксплуатаціи. Теперь побѣды союзниковъ надъ Турціею разбили правый стратегическій флангъ Германіи, ибо для всѣхъ было очевиднымъ, что Германія, втягивая Турцію въ сферу своего вліянія, преслѣдовала не только экономическіе интересы свои, но и политическіе и, организуя при помощи своихъ инструкторовъ турецкую армію, она подготовляла себѣ вассала для будущей борьбы съ славянскимъ міромъ, о которой говорилъ откровенно въ 1912 году въ рейхстагѣ имперскій канцлеръ. Нечего и говорить, что этотъ результатъ балканской войны могъ быть только выгоденъ для Россіи. Съ другой стороны ослабленіе Турціи при равнодушномъ отношеніи къ судьбѣ ея Англіи и Франціи приближало Россію къ рѣшенію вопроса о проливахъ, къ тому рѣшенію, которое составляло предметъ ея завѣтныхъ стремленій: она приближалась къ тому, чтобы у воротъ своего двора поставить своего дворника. Наоборотъ, Австріи и Германіи особенно были невыгодны тѣ перемѣны, которыя произошли на Балканскомъ полуостровѣ и готовились еще произойти тамъ. Союзники, захвативъ Новобазарскій санджакъ, закрыли намѣченный Австріею путь въ Салоники и этимъ наносили ударъ не только ея интересамъ, но и германскимъ въ неменьшей степени. Вожделѣнный путь къ Эгейскому морю, открытіе котораго казалось такъ близкимъ, уходилъ теперь въ неопредѣленную даль. Турція, какъ вѣроятный будущій союзникъ, теперь въ значительной степени была ослаблена и теряла значительную часть своей политической цѣнности. Это значеніе балканской войны было понято какъ австрійцами, такъ и германцами и вызывало естественную тревогу. Но особенно волновало Австрію то, что Сербія вышла къ Адріатикѣ. Этотъ шагъ создавалъ новое побережное государ-

ство рядомъ съ Австріею. Это само по себѣ непріятное обстоятельство осложнялось еще тѣмъ, что теперь Сербія, запертая до тѣхъ поръ для непосредственныхъ торговыхъ сношеній помимо Австріи, выходитъ изъ ея экономической зависимости и перестанетъ быть предметомъ ея торговой политики. Вотъ причина энергичнаго вмѣшательства Австріи въ дѣла балканской политики.

Еще во время перваго періода балканской войны Австрія энергично запротестовала противъ овладѣнія Сербіею портомъ Дураццо на Адріатическомъ морѣ и, какъ водится, выставила на первый планъ не свой политическій интересъ, а заботу объ албанскомъ народѣ, который почему-то сталъ такъ близокъ сердцу австрійскихъ политиковъ. Они указали на необходимость автономіи Албаніи и выставили вопросъ объ образованіи албанскаго государства и такъ громко и энергично кричали о правахъ албанцевъ, что имъ удалось добиться признанія со стороны державъ этого новорожденнаго государства и его намѣченнаго государя, принца Вида, и доказать, что для жизнеспособности Албаніи ей необходимы Дураццо и Скутари. Эти крики Австріи сопровождались соотвѣтствующимъ бряцаніемъ оружія, такимъ бряцаніемъ, которое сулило войну между Австріею и Россіею. Обѣ державы стали дѣлать соотвѣтственныя военныя приготовленія. Высокія ноты крика Австріи были въ нужный моментъ поддержаны вѣскимъ заявленіемъ Германіи о поддержкѣ ею своей союзницы. Это открывало перспективу европейской войны, къ которой державы не были готовы да и боялись ея. Вслѣдствіе этого на конференціи произошелъ компромиссъ, въ силу котораго Сербія должна была отказаться отъ выхода къ морю, Черногорія отъ Скутари, Греція отъ южной части Албаніи. Послѣдняя поступала подъ покровительство не одной Австріи, но и Италіи, которая въ этомъ дѣлѣ выступила не какъ союзникъ первой, а скорѣе, какъ ея конкурентъ, что и понятно: она не могла допустить овладѣнія Австріею восточнымъ побережьемъ Адріатики. Этотъ компромиссъ разрѣшилъ натянутыя отношенія Австріи и Россіи. Обѣ державы въ февралѣ 1913 года опубликовали совершенно тождественныя деклараціи,

изъ которыхъ Европа офиціально узнала какъ о томъ, что между ними возникли несогласія, такъ и о томъ, что теперь миновала опасность готовившагося столкновенія, и что военныя приготовленія обѣихъ державъ отмѣнены.

Албанское государство, созданное Австріею, было фантастическимъ созданіемъ. Это понимали всѣ тѣ, кто имѣлъ хотя небольшое понятіе объ Албаніи и ея населеніи. Нашъ путешественникъ А. А. Башмаковъ, побывавшій въ этой странѣ и притомъ въ такихъ мѣстахъ, куда еще не заглядывалъ ни одинъ европеецъ, сообщаетъ о бытѣ албанцевъ. Оказывается, что они живутъ въ тѣхъ условіяхъ феодальныхъ отношеній, которыя напоминаютъ десятый вѣкъ въ жизни западной Европы. Говорить объ образованіи изъ Албаніи государства въ теперешнемъ смыслѣ слова значило намѣренно пускать пыль въ глаза. Австріи нужна была автономная Албанія для ея интересовъ, и она серьезно говорила и писала объ албанскомъ національномъ собраніи, котораго совсѣмъ не было, и о томъ, какъ единодушно оно выбрало своимъ главою Кемаль-бея. Когда этотъ авантюристъ исчезъ съ поля зрѣнія, о немъ забыли и на его мѣсто выбрали или скорѣе назначили принца Вида изъ склада нѣмецкихъ принцевъ, являющихся всегда кандидатами на разные престолы. Событія показали, что и этому главѣ государства Албаніи не удалось усидѣть на мѣстѣ. Но образованіемъ албанскаго государства цѣль Австріи была достигнута, а цѣль эта была удалить Сербію отъ Адріатики. Но, помимо этого, Австрія пріобрѣтала въ Албаніи новую землю для будущей оккупаціи, а затѣмъ и присоединенія. Въ самомъ дѣлѣ, Албанія не могла выйти изъ состоянія анархіи оттого, что ее провозгласили государствомъ самостоятельнымъ. Для водворенія въ ней порядка потребуется ея занятіе иностранной силой, и таковою будетъ, конечно, Австрія. Такимъ образомъ отрѣзанная отъ пути въ Салоники усиленіемъ Сербіи и Греціи, Австрія подготовляла себѣ обходное движеніе туда черезъ Албанію. Таково отдаленное значеніе албанской фантасмагоріи. Ближайшее же значеніе ея, какъ мы упоминали, заключается въ томъ, что у Сербіи и Черногоріи отняли ихъ завоеванія—Скутари и Дураццо съ ихъ округами. Это измѣняло отношенія между союзниками, ставя во-

просъ о пересмотрѣ ихъ договора. Лишившись тѣхъ земель, которыя Сербія должна была получить по февральскому договору 1912 г., Сербія возбудила вопросъ о томъ, чтобы Болгарія предоставила ей компенсацію въ Македоніи. Болгарія рѣшительно и рѣзко отказалась войти въ разсмотрѣніе этого требованія. Такъ какъ сербскіе государственные люди поспѣшили разгласить свои требованія, адресованныя къ Болгаріи, то имъ нельзя уже было отступить отъ нихъ. Такъ какъ съ другой стороны и по отношенію къ Греціи Болгарія стала въ недружелюбныя отношенія, то балканскій союзъ распался, распался вслѣдствіе осуществленія албанской фантасмагоріи. Это было на руку Австріи и, можетъ быть, и было предвидѣно ею, когда она подняла вопросъ объ автономной Албаніи. Россія думала предупредить сваду между союзниками; эта попытка не удалась, произошла война, кончившаяся разгромомъ Болгаріи и, что едва-ли входило въ предвидѣнія и планы Австріи, значительнымъ усиленіемъ Сербіи. Этотъ результатъ былъ неудобенъ для ея плановъ и интересовъ на Балканахъ, и примириться съ нимъ она не могла, какъ не могла оставить это положеніе вещей и Германія, которой не меньше, чѣмъ Австріи, мѣшало созданіе сильной Сербіи.

Балканская война показала Австріи и Германіи значительность вліянія, которымъ пользуется Россія на Балканскомъ полуостровѣ. Ссора балканскихъ союзниковъ показала, правда, что это вліяніе подвергается порою ограниченію, но въ наличности его сомнѣваться нельзя. Усиленіе Сербіи, ставшее къ тому же результатомъ второй балканской войны, побуждало принять мѣры противъ вліянія Россіи. Между Австріею и Германіею начались въ томъ же 1913 году переговоры о вытѣсненіи Россіи съ Балканскаго полуострова. Между Вильгельмомъ и эрцгерцогомъ Францемъ-Фердинандомъ состоялось тогда свиданіе въ Конопиштахъ, на которомъ рѣшено было нападеніе на Сербію. Какъ мы увидимъ ниже, тогда же двѣ союзницы приглашали третью (Италію) примкнуть къ этому нападенію. Это нападеніе не состоялось, но мысль о немъ не была оставлена. Поводомъ къ нему послужило совершившееся 15-го іюня убіеніе въ

Сараевѣ Франца-Фердинанда и его супруги. Это преступленіе, совершенное къ тому же австрійскимъ подданнымъ, не должно было бы, повидимому, повлечь за собою международныхъ осложненій, но оно могло послужить для нихъ хотя бы и плохо оправданнымъ поводомъ. Уже вскорѣ послѣ него въ австрійскихъ газетахъ начались обвиненія Сербіи въ соучастіи въ Сараевскомъ покушеніи, и стала обсуждаться мысль о томъ, что Австріи должно быть предоставлено произвести слѣдствіе на сербской территоріи. Оказалось, несмотря на дикость такихъ разсужденій, что они исходятъ изъ высшихъ австрійскихъ сферъ. Не прошло и мѣсяца послѣ покушенія, какъ 10 іюля Австрія адресовала Сербіи ультиматумъ, въ которомъ Сербія обвинялась въ томъ, что, несмотря на то, что въ 1909 году она отказалась отъ протеста противъ присоединенія Босніи и Герцоговины и тогда же обязалась измѣнить курсъ своей политики по отношенію къ Австрійской монархіи, „исторія послѣднихъ лѣтъ и въ частности прискорбное событіе 15 іюня доказали существованіе въ Сербіи революціоннаго движенія, имѣющаго цѣлью отторгнуть отъ Австро-Венгерской монархіи нѣкоторыя части ея территоріи“. Вслѣдствіе этого ультиматумъ требовалъ отъ сербскаго правительства, чтобы оно торжественно опубликовало осужденіе пропаганды противъ Австріи, которое должно быть напечатано на первой страницѣ офиціальнаго органа 13/26 іюля и должно быть выражено слѣдующими словами: „Королевское сербское правительство осуждаетъ пропаганду, направленную противъ Австро-Венгріи, то есть совокупность тенденцій, имѣющихъ конечной цѣлью отторженіе земель отъ Австро-Венгерской монархіи, и искренно сожалѣетъ о прискорбныхъ послѣдствіяхъ этихъ преступныхъ дѣйствій“. Онъ требовалъ далѣе, чтобы сербское правительство обязалось не допускать никакихъ публикацій, возбуждающихъ вражду и презрѣніе къ Австро-Венгерской монархіи, и чтобы оно обязалось „незамедлительно исключить изъ дѣйствующихъ въ Сербіи программъ учебныхъ заведеній какъ въ отношеніи личнаго состава, такъ и въ отношеніи способовъ обученія все то, что служитъ или могло бы служить къ распространенію пропаганды противъ Австро-Венгріи“. „Удалить съ военной и административной

службы всѣхъ офицеровъ и чиновниковъ, виновныхъ по отношенію къ Австро-Венгерской монархіи, имена которыхъ Австро-Венгерское правительство оставляетъ за собою право сообщить сербскому правительству вмѣстѣ съ указаніемъ совершенныхъ ими дѣяній". Не довольствуясь правомъ приказать сербскому правительству удалить со службы непріятныхъ Австріи чиновниковъ и офицеровъ, ультиматумъ въ 5, 6 и 7-ой статьяхъ требовалъ: § 5. „Допустить сотрудничество въ Сербіи австро-венгерскихъ органовъ въ дѣлѣ подавленія революціоннаго движенія, направленнаго противъ территоріальной неприкосновенности монархіи".

§ 6. „Произвести судебное разслѣдованіе противъ участниковъ заговора 15 іюня, находящихся на сербской территоріи, при чемъ лица, командированныя Австро-Венгерскимъ правительствомъ, примутъ участіе въ розыскахъ, вызываемыхъ этимъ разслѣдованіемъ".

§ 7. „Срочно арестовать коменданта (полковника) Воя Танкосича и нѣкоего Милана Дигановича, чиновника сербской государственной службы, скомпрометированныхъ результатами Сараевскаго разслѣдованія".

Ультиматумъ Австріи по всему своему тону имѣлъ недопустимый характеръ, и требованія его вообще переходили границы приличія; требованія о предоставленіи Австріи права производить судебныя дѣйствія на сербской территоріи имѣли характеръ посягательства на верховныя права Сербіи. Судебная власть есть одна изъ существенныхъ прерогативъ верховной власти; отказъ отъ нея равнозначителенъ отказу отъ политической самостоятельности и уступкѣ верховныхъ правъ тому, въ чью пользу идетъ отказъ отъ независимости въ судебной области. Такъ и былъ понятъ австрійскій ультиматумъ всѣми въ Европѣ, и потому онъ былъ признанъ равнозначущимъ требованію, обращенному къ Сербіи, отказаться отъ своей политической независимости.

Сербія не дожидалась истеченія 48 часовъ, предоставленныхъ ей для отвѣта. Она дала его на другой день, 11/24 іюля. Противъ всякаго ожиданія, она согласилась почти на всѣ требованія Австріи. Она соглашалась на опубликованіе торжественнаго осужденія пропаганды противъ Австріи и въ тѣхъ именно выраженіяхъ, которыя были указа-

ны послѣднею, она соглашалась, правда, не удалить по требованію и указанію Австріи, а „предать суду всякаго сербскаго подданнаго, не взирая на его положеніе и рангъ, въ соучастіи котораго въ Сараевскомъ преступленіи ему были бы предъявлены доказательства..... Королевское правительство обязывается, кромѣ того, внести въ первый же нормальный созывъ скупщины въ законъ о печати постановленіе, согласно которому возбужденіе ненависти и презрѣнія къ Австро-Венгерской монархіи, а равно всѣ публикаціи, общая тенденція которыхъ была бы направлена противъ территоріальной неприкосновенности Австро-Венгріи, будутъ подвергаться суровымъ карамъ".

Къ этому прибавлялось, что „правительство обязуется при предстоящемъ въ близкомъ будущемъ пересмотрѣ конституціи внести въ ст. 22 конституціи измѣненія, предоставляющія возможность конфискаціи вышеупомянутыхъ печатныхъ произведеній, что нынѣ, согласно точному смыслу ст. 22 конституціи, не представляется возможнымъ". Сербское правительство соглашалось и на удаленіе со службы офицеровъ и чиновниковъ, но только тѣхъ, виновность которыхъ будетъ доказана судебнымъ слѣдствіемъ. Словомъ, Сербія соглашалась на всѣ существенныя требованія австрійскаго ультиматума, но относительно предоставленія австрійскимъ судебнымъ чиновникамъ производить свои разслѣдованія на сербской территоріи, она отвѣчала отказомъ. Въ § 5 своего отвѣта Сербія говорила: „Королевское правительство съ своей стороны должно признаться, что оно не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ смыслѣ и значеніи просьбы императорскаго и королевскаго правительства о томъ, чтобы Сербія обязалась допустить на своей территоріи сотрудничество органовъ императорскаго и королевскаго правительства, но заявляетъ, что оно допуститъ сотрудничество, соотвѣтствующее нормамъ международнаго права и уголовнаго производства, равно какъ и добрососѣдскимъ отношеніямъ между обоими государствами".

§ 6. „Королевское правительство, разумѣется, считаетъ своею обязанностью произвести разслѣдованіе относительно тѣхъ лицъ, которыя могли быть замѣшаны въ заговорѣ 15-го іюня и находящихся на территоріи королевства; что ка-

сается участія въ этомъ разслѣдованіи агентовъ австро-венгерскихъ властей, которые были бы откомандированы съ этой цѣлью императорскимъ и королевскимъ правительствомъ, то королевское правительство не можетъ на это согласиться, такъ какъ это было бы нарушеніемъ конституціи и закона объ уголовномъ судопроизводствѣ".

Въ своемъ отвѣтѣ Сербія, упоминая обвиненіе Австріи въ томъ, что, несмотря на принятое на себя обязательство въ 1909 году не протестовать противъ аннексіи Босніи и Герцоговины, она продолжаетъ снисходительно относиться къ революціонному движенію, направленному противъ Австріи, говорила, что со времени 1909 г. ни при какихъ обстоятельствахъ ни сербское правительство, ни его органы не сдѣлали ничего, направленнаго противъ Австріи, и что со стороны Австріи за все это время не было никакихъ представленій по поводу подобныхъ дѣйствій.

Отвѣтъ Сербіи настолько былъ уступчивъ и направленъ къ соглашенію, что даже люди заинтересованные признавали его пріемлемымъ. Такъ, австрійскій посолъ въ Парижѣ въ бесѣдѣ съ директоромъ политическаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ, когда тотъ прочиталъ ему отвѣтъ Сербіи, выразилъ удивленіе, что его коллега въ Бѣлградѣ не удовлетворился этимъ отвѣтомъ. Это впечатлѣніе настолько было ясно, что австрійское и германское правительства не опубликовали этого отвѣта цѣликомъ, а только въ такомъ извлеченіи, которое производило впечатлѣніе, что Сербія отказалась удовлетворить вполнѣ справедливыя требованія Австріи. Какъ бы то ни было, Австрія признала отвѣтъ Сербіи неудовлетворительнымъ и вслѣдъ за тѣмъ объявила ей войну. 15/28 іюля произошла первая бомбардировка Бѣлграда.

Съ момента объявленія ультиматума Сербіи австро-германская дипломатія преслѣдуетъ двѣ задачи: 1) воздѣйствовать на общественное мнѣніе и на политическія сферы Европы въ томъ смыслѣ, чтобы объяснить нападеніе на Сербію непозволительнымъ поведеніемъ послѣдней по отношенію къ Австріи и тѣмъ самымъ расположить Европу въ свою пользу. 2) Локализовать войну и тѣмъ обезпечить успѣхъ

нападенія. Австрійскіе и германскіе послы являются въ министерства иностранныхъ дѣлъ Парижа, Петербурга и Лондона и въ выраженіяхъ, приноровленныхъ къ настроенію этихъ дворовъ, объясняютъ, что нападеніе на Сербію имѣетъ цѣлью только наказать ее за то, что она принимала участіе въ Сараевскомъ убійствѣ и за постоянное нарушеніе спокойствія Австро-Венгерской монархіи путемъ агитаціи среди ея сербскихъ подданныхъ. При этомъ заявлялось, что территоріальная неприкосновенность Сербіи не будетъ нарушена. Но когда германскій посолъ въ Парижѣ фонъ-Шенъ былъ спрошенъ о томъ, будетъ ли также уважаться и суверенитетъ Сербіи, онъ на этотъ вопросъ не могъ дать отвѣта и тѣмъ обнаружилъ передъ французскимъ дипломатомъ, что независимость Сербіи поставлена на карту. Наиболѣе яркое объясненіе войны виною Сербіи дано было самимъ Вильгельмомъ II въ его депешѣ къ нашему Государю отъ 15/28 іюля. Вотъ какъ онъ объяснялъ дѣло: „Безсовѣстная агитація, которая ведется уже столько лѣтъ въ Сербіи, закончилась отвратительнымъ преступленіемъ, жертвой котораго сдѣлался эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ. Духъ, который заставилъ сербовъ убить ихъ собственнаго короля и его супругу, еще и сегодня господствуетъ въ этой странѣ. Безъ сомнѣнія ты согласишься со мною, что мы оба, Ты и Я, какъ всѣ суверены, имѣемъ общій интересъ въ томъ, чтобы всѣ тѣ, которые несутъ отвѣтственность за убійство, потерпѣли наказаніе“. Эта точка зрѣнія, выставленная въ оправданіе австрійскаго ультиматума, была завѣдомо ложною. Это въ настоящее время совершенно ясно доказано сообщеніемъ бывшаго предсѣдателя совѣта министровъ Италіи Джіолити. Въ засѣданіи итальянскаго парламента 23-го ноября 1914 года онъ прочиталъ депешу бывшаго министра Санъ-Джуліано, которую онъ послалъ ему изъ Рима 27-го іюля 1913 г. Въ этой депешѣ Санъ-Джуліано извѣщалъ Джіолити. „Австрія сообщаетъ намъ и Германія о своемъ намѣреніи выступить противъ Сербіи и придать своему выступленію оборонительный характеръ въ надеждѣ примѣнить къ нему casus foederis тройственнаго союза, по моему мнѣнію непримѣнимый. Я намѣренъ согласовать съ Германіей всѣ усилія, чтобы помѣшать высту-

пленію Австріи“*). Эта попытка Австріи падаетъ на то время, когда заканчивалась вторая балканская война. 17/30 іюля было заключено перемиріе между Сербіею, Румыніею, Греціею и Черногоріею съ одной стороны и Болгаріею съ другой. Изъ этой депеши видно, что графъ Санъ-Джуліано не былъ освѣдомленъ тогда объ отношеніи Германіи къ этому дѣлу и о томъ, что между нею и Австріею было рѣшено на свиданіи въ Конопиштахъ Вильгельма съ эрцгерцогомъ Францемъ-Фердинандомъ. Какъ бы то ни было, однако, изъ этой депеши совершенно ясно, что нападеніе на Сербію предположено было еще въ іюлѣ 1913 г., когда покушенія на Франца-Фердинанда еще и въ поминѣ не было, когда этотъ принцъ былъ живъ и здоровъ и, конечно, принималъ дѣятельное участіе въ приготовлявшемся нападеніи на Сербію. Къ изложенному слѣдуетъ еще прибавить, что какъ только былъ объявленъ ультиматумъ Австріи Сербіи англійскій посолъ въ Константинополѣ доносилъ своему правительству (12 іюля 1914 г.), что изъ бесѣды съ тамошнимъ австрійскимъ посломъ онъ пришелъ къ заключенію, что намѣренія Австріи идутъ гораздо дальше Сербіи и простираются до Салоникъ. Едва-ли нужно доказывать, что все это предпріятіе, имѣвшее цѣлью подчинить Сербію Австріи, направлено было съ одной стороны именно къ осуществленію завѣтной мечты Австріи и Германіи открыть себѣ дорогу къ Эгейскому морю, дорогу, загороженную послѣ балканской войны присоединеніемъ къ Сербіи Ново-Базарскаго санджака. Съ другой стороны подчиненіе Сербіи Австріи должно было вытѣснить съ Балканскаго полуострова вліяніе Россіи. Для успѣха этого плана, конечно, надо было осуществить локализацію войны, т. е. чтобы никакая другая держава не вмѣшивалась въ возникшую борьбу. Такой державой могла быть только Россія, которая ни въ коемъ случаѣ не могла допустить осуществленія цѣли австро-германской политики на Балканахъ. Это противорѣчило ея жизненнымъ интересамъ на Черномъ морѣ и въ проливахъ. Съ самаго начала кризиса она заявила въ „Правит. Вѣстникѣ“, что русское правительство не можетъ остаться равно-

*) „Русс. Вѣдом.“ 1914 г. № 275 отъ 29 ноября.

душнымъ къ австро-сербскому столкновенію (12/25 іюля). Наканунѣ министръ иностранныхъ дѣлъ Сазоновъ въ бесѣдѣ съ германскимъ посломъ Пурталесомъ заявилъ ему рѣшительно, что „Россія не можетъ допустить, чтобы австросербскій споръ разрѣшился между одними его участниками“.

Вмѣшательство же Россіи при наличности другихъ европейскихъ отношеній знаменовало бы общеевропейскую войну. Поэтому, параллельно съ благовидными объясненіями ультиматума, Австрія и Германія предприняли рядъ шаговъ предъ европейскими дворами съ цѣлью убѣдить ихъ въ опасности вмѣшательства какой либо другой державы въ отношенія Австріи къ Сербіи. Сначала Германія попыталась побудить Францію сдѣлать дружественныя представленія Россіи объ опасности для европейскаго мира ея вмѣшательства въ австро-сербскій споръ. Когда же французское правительство, понявъ, что Германія вызываетъ его на этотъ шагъ съ цѣлью посѣять въ эту серьезную минуту разногласіе между Франціею и Россіею, отказалось отъ подобнаго шага, германскій посолъ въ Парижѣ пустилъ въ дѣло угрозы по адресу Франціи и ея будущей судьбы. Въ Лондонѣ тоже Германія настойчиво заявляла, что существенно необходимо, чтобы война была локализована, и чтобы Россія не вмѣшивалась, во избѣжаніе общеевропейскаго пожара. Но съ Англіею австрійскіе и нѣмецкіе послы говорили языкомъ мягкимъ, стараясь поставить на видъ убѣжденіе Германіи въ томъ, что съ Англіею у нея общіе интересы, и что обѣ страны пойдутъ рука объ руку. Всѣ настоянія и угрозы были направлены главнымъ образомъ противъ Россіи, въ расчетѣ на то, что она не рѣшится выступить активно на защиту своихъ интересовъ. Этотъ расчетъ покоился на убѣжденіи Германіи въ томъ, что русское правительство не захочетъ выступить, и что Россія и не можетъ воевать въ силу своей неподготовленности и въ силу того, что ей грозитъ революція. Что такое убѣжденіе существовало въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ доказывается донесеніями англійскихъ пословъ Бунгена въ Вѣнѣ и Гошена въ Берлинѣ. И тотъ и другой доносятъ своему правительству, что въ обѣихъ союзныхъ столицахъ твердо убѣждены въ томъ, что Россія не двинется, и что она и не можетъ двинуться. Убѣжденіе

это очевидно основывалось на недостаточной освѣдомленности австрійскихъ и германскихъ государственныхъ людей о положеніи Россіи. Они думали, что единственная партія въ Россіи, которая могла бы волновать общественное мнѣніе въ Россіи въ пользу Сербіи—славянофильская,—потеряла свое значеніе, а что консервативные круги высшаго русскаго общества дружественны Германіи и не допустятъ до войны съ нею. Эти представленія о Россіи, можетъ быть, и годились бы для конца XIX столѣтія, но совсѣмъ не были вѣрны для 1914 года. Нѣмцы, повидимому, совершенно не учли того измѣненія въ русской общественной жизни, которое произошло съ начала XX вѣка и въ особенности со времени манифеста 17 октября 1905 года; равнымъ образомъ они не имѣли въ виду той большой работы, которую исполнило военное вѣдомство послѣ японской войны. Отсюда ихъ убѣжденіе въ томъ, что Россія не двинется и что она слаба. А между тѣмъ въ этомъ убѣжденіи Вѣны и Берлина и крылась опасность войны. По словамъ итальянскаго министра графа Санъ-Джуліано, главная опасность войны заключается въ томъ, что государственныхъ людей Австріи и Германіи нельзя убѣдить въ серьезности намѣреній Россіи.

Въ Италіи и въ Англіи понимали серьезность заявленій Россіи и потому чувствовали опасность. Поэтому правительства этихъ странъ выступили съ попыткою посредничества между Россіею и Австріею. Эта попытка (13 іюля) встрѣтила сочувствіе въ Россіи и во Франціи; но Австрія и въ особенности Германія отвѣтили на нее отказомъ. Однако къ утру 14-го іюля въ Берлинѣ возобладало болѣе мирное настроеніе. Оно выразилось въ томъ, что германскій посолъ Лихновскій явился къ министру иностранныхъ дѣлъ Грею и заявилъ ему о согласіи на обсужденіе австрійскаго ультиматума сообща четырьмя державами. Это было утромъ; а вечеромъ онъ снова явился къ Грею и заявилъ объ отказѣ Германіи отъ посредничества*).

Что же случилось въ политическихъ отношеніяхъ, что такъ рѣзко повернуло политику Берлина? Ничего не произо-

*) Всѣ эти и послѣдующія данныя подробно изложены проф. бар. Б. Э. Нольде. „Начало Войны". „Русск. Мысль", Октябрь 1914 г.

шло, кромѣ того, что изъ своего путешествія по фіордамъ Норвегіи въ этотъ день вернулся Вильгельмъ II. Съ этого момента дѣла быстро поворачиваются въ сторону войны. Отказавшись отъ посредническихъ услугъ Англіи и Италіи, онъ послалъ депешу нашему Государю, о которой мы говорили выше (15-го числа). Онъ направляетъ свою политику къ тому, чтобы побудить Россію капитулировать передъ Германіей. Вѣдь 12-го іюля русское правительство объявило въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", что Россія не можетъ оставаться равнодушною къ австро-сербскому столкновенію. Наканунѣ этого дня министръ иностранныхъ дѣлъ Сазоновъ категорически заявилъ германскому послу Пурталесу, что „Россія не можетъ допустить, чтобы австро-сербскій споръ разрѣшился между одними его участниками". Послѣ такихъ заявленій депеша Вильгельма къ Государю отъ 15 іюля была только повтореніемъ тѣхъ настояній, которыя дѣлали послы Австріи и Германіи передъ другими европейскими дворами, заявляя, что вмѣшательство третьей державы не можетъ быть допущено, и уступка была невозможною безъ ея униженія. На депешу Вильгельма отъ 15 числа Государь отвѣтилъ 16-го числа (29-го) депешей слѣдующаго содержанія: „Я радъ, что Ты возвратился въ Германію. Въ этотъ серьезный моментъ настоятельно прошу тебя мнѣ помочь. Постыдная война объявлена слабой сторонѣ. Возмущеніе по этому поводу, которое я всецѣло раздѣляю, въ Россіи неслыхано. Я предвижу, что вскорѣ я не въ состояніи буду противостоять давленію, которое на меня оказывается, и вынужденъ буду принять мѣры, которыя поведутъ къ войнѣ. Чтобы избѣжать бѣдствія, которымъ будетъ европейская война, прошу тебя во имя нашей старой дружбы сдѣлать все, что можешь, чтобы удержать твоего союзника отъ слишкомъ далеко идущихъ шаговъ". Въ отвѣтной депешѣ отъ того же 16 числа Вильгельмъ повторяетъ опять таки то, что говорили уже нѣмецкіе дипломаты и противъ чего протестовала уже Россія, а именно, что Россія должна остаться въ сторонѣ отъ австро-сербскаго конфликта. „По моему мнѣнію, говоритъ Вильгельмъ въ этой депешѣ, на выступленіе Австро-Венгріи надо смотрѣть, какъ на попытку добиться полной гарантіи, что обѣщанія Сербіи будутъ превраще-

ны въ дѣйствія. Въ этомъ мнѣніи меня укрѣпляетъ объявленіе австрійскаго кабинета, что Австро-Венгрія не замышляетъ никакихъ территоріальныхъ завоеваній за счетъ Сербіи. Я думаю поэтому, что Россія вполнѣ можетъ сохранить роль зрителя въ австро-сербской войнѣ, не вовлекая Европу въ ужаснѣйшую войну, когда либо ею переживавшуюся. Я думаю, что прямое соглашеніе между Твоимъ правительствомъ и Вѣною возможно и желательно, соглашеніе, которое, какъ я уже тебѣ телеграфировалъ, мое правительство старается облегчить всѣми силами. Естественно, военныя мѣры Россіи, въ которыхъ Австро-Венгрія могла бы усмотрѣть угрозу, ускорятъ несчастіе, котораго мы оба хотимъ избѣжать, и похоронятъ мое положеніе, какъ посредника, которое я, въ виду твоего призыва къ моей дружбѣ и помощи, съ готовностью принялъ". Въ тотъ же день Государь депешею благодарилъ Вильгельма за его депешу „примирительную и дружескую", но указалъ на ея противорѣчіе съ тономъ офиціальнаго обращенія къ Россіи германскаго правительства и въ заключеніе заявлялъ, что было бы правильнѣе передать австро-сербскій споръ на гаагскую конференцію" *). Вильгельмъ, конечно, оставилъ безъ послѣдствій это указаніе, ибо онъ уже два дня назадъ отказался отъ мирнаго посредничества Англіи и Италіи.

Въ депешѣ Вильгельма отъ 16/29 іюля сквозитъ угроза, что посредничество, которое принялъ на себя германскій императоръ, не можетъ увѣнчаться успѣхомъ, такъ какъ Россія готовится къ возможности войны съ Австріею, и въ то же время еще разъ повторяется, что это выступленіе Россіи неминуемо связано будетъ съ европейскою войною. Но само то посредничество Вильгельма, какъ будто, остается безъ содержанія. Въ нѣмецкой дипломатической перепискѣ остались не опубликованными сношенія его съ Вѣной въ видахъ предотвращенія войны. Напротивъ, какъ сейчасъ

---

*) Депеша Государя Императора къ Вильгельму отъ 16/29 іюля напечатана въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" отъ 17-го января 1915 г. по уполномочію министерства иностранныхъ дѣлъ, такъ какъ германское правительство, говорится въ газетѣ, опубликовавъ нѣсколько депешъ, которыми обмѣнялся Государь Императоръ предъ началомъ войны, не опубликовало этой депеши.

увидимъ, Германія рѣшительно выступила противъ возможнаго шага Австріи къ соглашенію съ Россіей.

Сама Германія не сдѣлала ни одного шага, который бы похожъ былъ на желаніе войти въ переговоры, могущіе отвратить надвинувшуюся грозу. 17/30 іюля Пурталесъ по порученію своего правительства обратился къ Сазонову съ вопросомъ, не можетъ ли Россія удовлетвориться обѣщаніемъ, что Австрія не возьметъ сербской территоріи, и просилъ ее указать, на какихъ условіяхъ она готова пріостановить свои военныя приготовленія. На это Сазоновъ продиктовалъ ему отвѣтъ для передачи его въ Берлинъ по телеграфу: Если Австрія, признавая, что австро-сербскій вопросъ принялъ характеръ общеевропейскій, заявитъ о своей готовности исключить изъ своего ультиматума пункты, которые нарушаютъ суверенныя права Сербіи, Россія обязуется прекратить свои военныя приготовленія. Такимъ образомъ, черезъ пять дней переговоровъ Германія оставалась на той же позиціи, что и въ началѣ, считая возможнымъ заставить Россію удовольствоваться обѣщаніемъ Австріи не брать сербской территоріи. Но, какъ мы видѣли, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ на подобное же заявленіе Австріи и Германіи спросилъ, обѣщаютъ ли они не нарушать независимости Сербіи, но на этотъ вопросъ не получилъ удовлетворительнаго отвѣта. Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ Грей наканунѣ разговора Сазонова съ Пурталесомъ бесѣдовалъ съ кн. Лихновскимъ, германскимъ посломъ, и на заявленіе его, что Австрія не возьметъ сербской территоріи, замѣтилъ: „не захватывая территоріи и оставляя номинальную сербскую независимость, Австрія можетъ на дѣлѣ обратить Сербію въ вассальное государство, а это отразится на всемъ положеніи Россіи на Балканахъ“. Изъ этого видно, что государственные люди другихъ странъ, менѣе заинтересованныхъ въ судьбѣ Сербіи, чѣмъ Россія, тоже признавали невозможность удовлетвориться тѣмъ, что Австрія заявитъ о своей территоріальной незаинтересованности. Зная наканунѣ отвѣтъ Грея, Германія снова спрашиваетъ Сазонова о томъ же, а получивъ его отвѣтъ о томъ, на какихъ условіяхъ Россія могла бы остановить свои вооруженія, Вильгельмъ въ тотъ же день (17/30) рѣшительно

телеграфируетъ Государю: „мой посолъ получилъ приказаніе указать твоему правительству на опасность и тяжелыя послѣдствія мобилизаціи. То же я сказалъ тебѣ въ моей вчерашней депешѣ. Австрія мобилизовала только противъ Сербіи и только часть своей арміи. Если Россія, какъ явствуетъ изъ твоего сообщенія и сообщенія твоего правительства, мобилизуетъ противъ Австріи, то посредническая роль, которую Ты мнѣ дружественнымъ образомъ ввѣрилъ и которую я принялъ по твоей прямой просьбѣ, ставится въ опасность, если не сдѣлается невозможной. Вся тяжесть рѣшенія лежитъ теперь на Твоихъ плечахъ, и Ты отвѣчаешь за войну или миръ".

Послѣдняя фраза этой депеши имѣетъ уже ультимативный характеръ. Очевидно, что Россія не могла, не получивъ уступки со стороны Австріи, отказаться отъ своихъ вооруженій, не капитулируя передъ Германіею и не жертвуя своими интересами; но все же Государь не терялъ послѣдней надежды на сохраненіе мира и отвѣчалъ на эту депешу Вильгельма въ такомъ духѣ утромъ 18/31 іюля: „Сердечно благодарю тебя за твое посредничество, которое позволяетъ еще сохранить слабую надежду, что все можетъ еще кончиться мирно. Технически невозможно остановить военныя приготовленія, необходимость которыхъ вызвана австрійской мобилизаціей. Мы далеки отъ того, чтобы желать войны. Пока будутъ продолжаться переговоры съ Австріей о Сербіи, мои войска не предпримутъ наступательныхъ дѣйствій. Въ этомъ я даю тебѣ торжественное мое слово. Я всѣми силами надѣюсь на милость Божію и надѣюсь на успѣхъ твоего посредничества въ Вѣнѣ на благо нашихъ странъ и мира Европы".

Эта депеша встрѣтилась въ дорогѣ съ германскимъ ультиматумомъ, требовавшимъ въ теченіе 24 часовъ прекращенія мобилизаціи. Участь мира была рѣшена. 19 іюля (1 августа) въ 7 ч. 10 мин. вечера Пурталесъ явился въ министерство иностранныхъ дѣлъ и оставилъ тамъ объявленіе войны. Интересно то, что объявленіе войны исходило не отъ Австріи, а отъ Германіи. Вѣдь дѣло то шло объ Австріи, мобилизація шла противъ Австріи, а не противъ Германіи, а объявляетъ войну Германія. Интересъ и значеніе

этого факта увеличиваются еще тѣмъ, что въ тотъ день какъ Германія заговорила съ Россіею языкомъ, который мало оставлялъ надежды на сохраненіе мира, Австрія поколебалась. Она увидѣла теперь то, въ чемъ нѣсколько дней раньше, по словамъ итальянскаго министра иностранныхъ дѣлъ Санъ-Джуліано, ее нельзя было убѣдить, а именно, въ серьезности позиціи, занятой Россіею. Она увидѣла теперь, что ей воевать придется не только съ Сербіею, и сдѣлала попытку ликвидировать конфликтъ. Австрійскій посолъ обратился къ Сазонову утромъ 18 іюля съ заявленіемъ, что Австрія согласна на пересмотръ ультиматума и на сохраненіе неприкосновенными державныхъ правъ Сербіи. Это заявленіе австрійскаго посла встрѣчено было Сазоновымъ выраженіемъ живѣйшаго удовольствія; но оно не имѣло практическихъ результатовъ. Когда объ этомъ обращеніи Австріи сообщено было въ Берлинъ, тамошній министръ иностранныхъ дѣлъ фонъ-Яговъ заявилъ, что ни о какомъ суверенитетѣ Сербіи и рѣчи быть не можетъ, и оставилъ свой ультиматумъ въ силѣ. Такимъ образомъ, Германія въ послѣднюю минуту даже не считалась съ желаніемъ Австріи и дѣйствовала за нее и по своему усмотрѣнію. Получился такой съ перваго взгляда странный фактъ, что Австрія, изъ-за которой завязалось все дѣло, объявила войну Россіи только четыре дня спустя и не потому, чтобы у нея были свои мотивы для этого акта, а потому, какъ гласила австрійская нота, что „по сообщенію берлинскаго кабинета“ Россія сочла нужнымъ открыть военныя дѣйствія противъ Германіи. Все это перестаетъ быть страннымъ, если мы допустимъ мысль, что война была нужна Германіи и что она не хотѣла упустить подходящій случай для того, чтобы начать ее. Такъ смотрѣли на дѣло люди, стоявшіе близко къ дѣлу. Французскій консулъ въ эти дни сообщалъ своему правительству изъ Вѣны, что въ Австріи есть партія, которая считаетъ, что надо воспользоваться благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, заключающимся въ томъ, что Россія еще не закончила преобразованія своей арміи и желѣзнодорожныхъ сообщеній, и Франція не завершила своихъ военныхъ преобразованій. Эта партія не отступала и передъ перспективой европейской войны. Но правительство Австріи

не примыкало къ этому взгляду, и единства въ немъ не было по этому вопросу. Берхтольдъ и австрійское правительство, какъ видно отсюда, не имѣли твердо опредѣленнаго плана политики и склонялись къ невозможному пути: воевать съ Сербіей, не вызывая вмѣшательства Россіи*).

Одновременно съ ультиматумомъ, адресованнымъ Россіи, германскій канцлеръ приказалъ послу въ Парижѣ фонъ Шену потребовать отъ французскаго правительства объясненія его будущаго поведенія и дать срокъ на отвѣтъ. Это было 18-го числа, а на слѣдующій день онъ получилъ отъ Вивіани полный достоинства отвѣтъ, что Франція поступитъ такъ, какъ ей указываютъ ея интересы. Вслѣдъ за тѣмъ Германія объявила ей войну,

Болѣе всего интересовала Германію роль Англіи. Несмотря на то, что Грей въ бесѣдѣ съ германскимъ посломъ кн. Лихновскимъ не скрывалъ отъ него, что, если будетъ задѣта Бельгія или англійскіе интересы, Англія вступитъ въ войну и сдѣлаетъ это сразу, Вильгельмъ и его канцлеръ все-таки надѣялись на нейтралитетъ Англіи и въ послѣднюю минуту постарались сдѣлать ей предложенія, которыя, по ихъ мнѣнію, должны были удержать ее отъ вступленія въ конфликтъ. 16/29 іюля, вернувшись изъ Потсдама, Бетманъ Гольвегъ вызвалъ къ себѣ англійскаго посла Гошена и сталъ съ нимъ бесѣдовать на тему о сохраненіи Англіею нейтралитета, въ которомъ онъ, по его словамъ, не сомнѣвался. Онъ сказалъ ему, что понимаетъ, что разгромъ Франціи не можетъ не безпокоитъ Англію, но что Германія не думаетъ о немъ и не посягнетъ на французскую территорію. А колоніи? спросилъ Гошенъ. На это Бетманъ Голь-

---

*) Французскій посланникъ въ Берлинѣ Жюль Камбонъ телеграфировалъ правительству, что бельгійскій посланникъ въ Берлинѣ очень обезпокоенъ настоящими событіями. Онъ считаетъ, что Австрія и Германія хотятъ воспользоваться стеченіемъ обстоятельствъ, при которомъ Россіи и Англіи, на ихъ взглядъ, грозятъ внутренніе безпорядки, во Франціи же идутъ распри изъ-за военнаго закона... Ст. Сперанскаго въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ 1915 г. № 1, въ которой приведены выписки изъ французской желтой книги. Тамъ же и донесеніе французскаго консула въ Вѣнѣ.

вегъ отвѣтилъ, что не можетъ дать обѣщаній, но сейчасъ же прибавилъ, что нейтралитетъ Голландіи не будетъ нарушенъ, а бельгійская территорія останется неприкосновенной, если только населеніе этой страны не вызоветъ Германію своимъ враждебнымъ къ ней отношеніемъ. Къ этому онъ добавилъ, что онъ мечтаетъ объ общемъ и постоянномъ договорѣ съ Англіею относительно взаимнаго нейтралитета, каковой будетъ служить шагомъ къ ихъ прочному сближенію, обусловливаемому общностью интересовъ и національнымъ родствомъ. Въ концѣ концовъ онъ предложилъ Англіи сохранить нейтралитетъ взамѣнъ вышеприведенныхъ обѣщаній. Гошенъ отвѣтилъ на это, что онъ сомнѣвается, чтобы его правительство признало пріемлемыми сдѣланныя предложенія, но что онъ во всякомъ случаѣ передастъ ихъ. Онъ исполнилъ это. Отвѣтъ Грея пришелъ уже тогда, когда Россіи и Франціи была объявлена война. Изъ депеши германскаго посла въ Лондонѣ Бетманъ Гольвегъ предчувствовалъ этотъ отвѣтъ. Когда къ нему явился Гошенъ, онъ былъ въ такомъ волненіи, что едва понималъ, что тотъ говоритъ ему. Грей писалъ своему послу въ Берлинѣ: „То, что онъ намъ предлагаетъ, на дѣлѣ значитъ обязаться стоять въ сторонѣ, пока будутъ захватываться французскія колоніи, а Франція будетъ разбита, поскольку только Германія не присоединитъ къ себѣ французской территоріи, не считая притомъ колоній. По существу это предложеніе не пріемлемо, такъ какъ Франція, даже если ея европейская территорія не будетъ отъ нея отнята, можетъ быть до того раздавлена, что потеряетъ свое значеніе великой державы и сдѣлается подвластною германской политикѣ. Помимо того вообще было бы позоромъ для насъ учинить такой торгъ съ Германіей за счетъ Франціи,—позоромъ, послѣ котораго наше доброе имя никогда не было бы возстановлено. Канцлеръ предлагаетъ намъ вступить въ торгъ относительно нашихъ обязательствъ и интересовъ въ отношеніи бельгійскаго нейтралитета. И на этотъ торгъ мы согласиться не можемъ“.

Этотъ отвѣтъ привелъ Бетмана Гольвега въ сильнѣйшее волненіе. Какъ говоритъ въ своемъ донесеніи отъ 22 іюля (3 августа) Гошенъ: „Его Превосходительство сразу же началъ рѣчь, которая длилась около 20 минутъ. Онъ сказалъ, что

поступокъ правительства Его Величества до послѣдней степени ужасенъ; только изъ-за слова „нейтралитетъ“, слова, которое такъ часто нарушалось, только изъ-за листка бумаги Великобританія готова вести войну съ родственнымъ народомъ, который больше ничего не желалъ, какъ быть ея другомъ... То, что мы сдѣлали, невообразимо; это было ударомъ сзади въ человѣка въ ту минуту, какъ онъ борется за свою жизнь противъ двухъ нападающихъ. Онъ считаетъ Великобританію отвѣтственною за всѣ ужасныя событія, которыя могутъ случиться“. Канцлеръ былъ такъ взволнованъ, что Гошенъ не счелъ возможнымъ ему возражать и, выслушавъ его монологъ, удалился. Отвѣтомъ Англіи былъ рѣшенъ вопросъ объ ея нейтралитетѣ: какъ только нѣмецкія войска вступили въ Бельгію, Англія вмѣшалась въ войну. Такъ закрылась сцена вооруженнаго мира, долженствовавшаго будто бы обезпечить покойствіе Европы, а на самомъ дѣлѣ державшаго ее въ постоянной тревогѣ. Началась война, передъ которой наполеоновскія войны представляются дѣтской игрушкой.

Изъ всего вышеизложеннаго можно сдѣлать выводъ, что Германія въ теченіе послѣднихъ лѣтъ готовилась къ войнѣ, хотя можетъ быть размѣры послѣдней и не представлялись ей въ своей настоящей величинѣ. Военный заемъ, который ею былъ совершенъ, показываетъ, что она предвидѣла возможность столкновенія въ ближайшемъ будущемъ. Нельзя не признать, что въ военномъ отношеніи она хорошо приготовилась къ войнѣ. Но успѣхъ дѣла зависитъ не только отъ одной военной подготовки. Значительную роль играетъ въ успѣхѣ политическая подготовка войны, т. е. созданіе такихъ взаимоотношеній государствъ, при которыхъ война протекаетъ при наиболѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, когда число вмѣшивающихся въ войну противниковъ низводится до минимума. Мы видѣли, что Германія въ послѣдніе дни передъ войною дѣлала усилія, чтобы локализировать войну Австріи съ Сербіею, но мы видѣли также и то, что усилія ея въ этомъ направленіи по существу своему не могли не быть безплодными. Но если съ 14/27 іюля императоръ Вильгельмъ поворачиваетъ дѣло такъ, чтобы прижать

Россію къ стѣнкѣ и заставить ее или капитулировать предъ волей Германіи, или же воевать, когда онъ въ послѣднюю минуту, когда Австрія готова была возобновить переговоры, отбрасываетъ эту послѣднюю взможность избѣжанія столкновенія, то была ли создана такая обстановка, при которой можно было бы вести войну при содѣйствіи Италіи и при нейтралитетѣ Англіи? Напротивъ, мы видимъ, что этого не было сдѣлано. Содѣйствіе Италіи уже въ 1913 году стало болѣе, чѣмъ сомнительнымъ. Германскіе государственные люди не могли не знать этого послѣ того, какъ графъ Санъ-Джуліано отвѣтилъ, что онъ не признаетъ за Италіею обязанности помогать союзникамъ въ случаѣ нападенія Австріи на Сербію. Да не только въ 1913 году, а уже послѣ соглашенія Италіи съ Франціею въ 1902 году содѣйствіе Италіи противъ Франціи должно быть признано болѣе, чѣмъ сомнительнымъ. Далѣе мы видимъ, что съ начала кризиса былъ силенъ расчетъ на невмѣшательство Россіи. Въ этомъ были убѣждены, какъ мы видѣли, въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ. Конечно, если бы этотъ расчетъ былъ вѣренъ, то балканская задача съ точки зрѣнія Германіи была бы разрѣшена благополучно; но въ томъ то и дѣло, что расчетъ невмѣшательства Россіи былъ просто наивенъ. Если бы германскіе политики знали исторію Восточнаго вопроса, они бы знали его значеніе для Россіи. Но если оставить въ сторонѣ необходимость этихъ историческихъ познаній, то нельзя не признать, что освѣдомленность германскихъ и австрійскихъ государственныхъ людей относительно внутреннихъ отношеній Россіи и ея военной силы была очень слаба и повела къ большому разочарованію.

Если можно и слѣдовало предвидѣть выступленіе Россіи въ защиту Сербіи, то слѣдовало также предвидѣть и вмѣшательство Англіи. Уже во время агадирскаго столкновенія Германіи съ Франціею стало ясно, какъ связана Англія съ этою страною, и однако до послѣдней минуты нѣмецкіе политики разсчитывали на нейтралитетъ Англіи и старались, хотя и очень неловко, его обезпечить. Но, стараясь объ этомъ, они дѣлали грубую ошибку, ведя походъ черезъ Бельгію. Если бы германскій канцлеръ и его императоръ хоть немного помнили исторію политики Англіи от-

носительно Нидерландъ, они имѣли бы въ виду, что еще со времени Елизаветы и ея канцлера Борлея Англія сдѣлала краеугольнымъ камнемъ своей политики, что Нидерланды не должны быть въ рукахъ какой либо сильной державы. Не забираясь такъ далеко, они должны были знать, что во время образованія бельгійскаго государства послѣ революціи 1830 года Англія совершенно ясно поддерживала ту же политику въ этомъ вопросѣ и протестовала противъ того, чтобы какой нибудь изъ членовъ орлеанскаго дома сталъ бельгійскимъ королемъ. Все это говорило бы имъ совершенно ясно, что всякій расчетъ на нейтралитетъ Англіи при нарушеніи нейтралитета Бельгіи былъ лишенъ подъ собою всякой почвы. Если имперскій канцлеръ самъ говорилъ о нейтралитетѣ Бельгіи какъ о вещи вздорной и подписанный договоръ считалъ только бумажкой, на которую не стоитъ обращать вниманія, то онъ не могъ понять отношенія Англіи къ этимъ бумажкамъ и черезчуръ низко оцѣнивалъ ея вѣрность договорамъ. Выходитъ, что и по отношенію къ Англіи германскіе политики просчитались въ силу своей недостаточной освѣдомленности и непониманія чужой психологіи и очень большого самомнѣнія. Въ результатѣ и получилось то, что Германія осталась наединѣ съ Австріею и вызвала противъ себя больше противниковъ, чѣмъ можно было. Хуже трудно было политически подготовить войну. Если бы Бисмаркъ всталъ изъ гроба и увидѣлъ, какъ его преемники подготовили войну, онъ, вѣроятно, въ ужасъ пришелъ бы отъ этой картины. Если тѣмъ не менѣе Германія поспѣшила ринуться въ такую войну, то это слѣдуетъ приписать высокому самомнѣнію и преувеличенному представленію о страхѣ, который внушается самимъ именемъ нѣмца всѣмъ другимъ народамъ.

Неудовлетворительная политическая подготовка войны составляетъ отрицательный шансъ для ея успѣха. Какъ ни великъ былъ военный геній Наполеона, какъ ни были опытны въ дѣлѣ его генералы и закалены въ бояхъ солдаты, но онъ не могъ справиться съ той политической обстановкой, которая создалась въ силу его стремленія къ господству надъ Европой. Съ этой стороны нельзя не признать, что

Германія и ея императоръ значительно понизили свои шансы на успѣхъ въ завязавшейся борьбѣ тѣмъ, что поставили противъ себя такія державы, какъ Россія, Англія и Франція. Этотъ недочетъ въ значительной степени восполняется высокой подготовкой арміи въ смыслѣ ея величины и оборудованія всѣмъ тѣмъ, что даетъ высоко развитая техника. Въ этомъ отношеніи быстрое и высокое развитіе германской промышленности создало богатую почву для оборудованія военнаго дѣла на землѣ, на воздухѣ, на водѣ и подъ водою. Серьезная выучка, дисциплина и стойкость нѣмецкихъ солдатъ представляютъ собою тоже значительный положительный шансъ для успѣха нѣмцевъ; но нельзя сказать того же о военной опытности арміи. Въ ея рядахъ едва-ли найдется много штабъ-офицеровъ и генераловъ, которые бы видѣли войну 1870 года, а послѣ того у нѣмцевъ войны не было. Это, конечно, составляетъ извѣстный минусъ сравнительно, напримѣръ, съ русскою арміею, которая такъ недавно вела войну и притомъ войну несчастную, дающую гораздо больше уроковъ, чѣмъ война счастливая. Кромѣ высокой подготовки военнаго дѣла слѣдуетъ причислить къ выгодамъ Германіи ея высоко развитую желѣзнодорожную сѣть, дающую возможность быстраго передвиженія большихъ массъ войска съ цѣлью использованія ихъ тамъ, гдѣ въ данную минуту требуется усиленіе фронта. Кромѣ этого, слѣдуетъ причислить сюда и сосредоточенность населенія на сравнительно небольшомъ пространствѣ. Въ самомъ дѣлѣ: Германія заключаетъ въ себѣ 540.519 кв. килом., на которыхъ сосредоточено 64 милл. жителей, что составляетъ по 118 человѣкъ на километръ. Австрія заключаетъ въ себѣ 622.269 кв. килом. съ населеніемъ въ 39 милліоновъ, что даетъ въ среднемъ по 61 жит. на килом. Оба государства вмѣстѣ занимаютъ, значитъ, пространство въ 1.162.788 кв. килом. съ населеніемъ въ 103 милліона душъ, что даетъ въ среднемъ 89 человѣкъ на километръ. Значеніе этихъ цифръ станетъ рельефнѣе изъ сравненія ихъ съ соотвѣтственными цифрами, относящимися къ двумъ континентальнымъ державамъ изъ тройственнаго согласія. Россія заключаетъ въ себѣ 19.709.294 кв. версты (или 22.430.004 кв. килом.) съ населеніемъ по переписи 1897 года въ 126.411 тыс. Общая густота ея населенія равняется 6 жит.

на кв. версту, при чемъ въ 50 губ. Европейской Россіи она достигаетъ 75 человѣкъ на версту. Франція занимаетъ въ Европѣ пространство въ 536.494 кв.килом. съ населеніемъ въ 38.517 тыс. жителей, что даетъ плотность населенія въ 71 жителя на километръ. Едва-ли нужно пояснять, что Германія и ея союзница поставлены въ отношеніи населенія къ пространству въ болѣе выгодныя условія, чѣмъ ихъ противники. Этимъ однако и кончается ихъ преимущество. Невыгода положенія Германіи заключается въ томъ, что ей приходится бороться на два фронта. Какъ ни велика подвижность ея арміи, создаваемая обиліемъ и оборудованностью дорогъ, все же необходимость бороться и тамъ и здѣсь представляетъ собою невыгоду въ ея положеніи.

До сихъ поръ мы говорили объ условіяхъ матеріальнаго характера, если не считать того, что сказано о военной опытности нѣмецкой арміи; но едва-ли не будетъ большою ошибкою принимать въ расчетъ только эту сторону дѣла. Въ борьбѣ играетъ большую роль тотъ энтузіазмъ, который одушевляетъ борцовъ и удесетеряетъ ихъ силы. Съ этой стороны Германія поставлена въ эту войну значительно хуже, чѣмъ это бывало съ нею прежде. Въ 1870 году все германское общество было воодушевлено въ высшей степени, потому что борьба началась изъ-за достиженія національнаго идеала, къ которому вся страна стремилась въ теченіе шестидесяти лѣтъ. Этимъ идеаломъ было національное объединеніе нѣмцевъ въ одномъ государствѣ. Необходимость этого сознавалась всѣми, и когда увидѣли во Франціи противника объединенія Германіи, то на защиту идеи національнаго единства поднялись всѣ съ одинаковымъ высоко напряженнымъ чувствомъ. Теперь не то: на мѣсто стремленія къ осуществленію идеала, стало стремленіе капитала удовлетворить свою жадность; вмѣсто защиты своего самостоятельнаго существованія, выдвинулась честолюбивая фантазія о міровомъ господствѣ, фантазія, подобная той, которая когда-то носилась предъ Наполеономъ.

Напротивъ, можно съ большою увѣренностью сказать, что энтузіазмъ находится на сторонѣ тройственнаго согласія. Давно уже одушевленіе русскихъ не доходило до такого высокаго предѣла, какъ это мы видимъ теперь, и это

одушевленіе охватываетъ всѣ слои населенія Россіи безъ различія народностей, ее составляющихъ. Всѣ почувствовали, что дѣло идетъ о защитѣ своего права и своего національнаго бытія. То же самое чувство и, можетъ быть, еще въ большей степени охватило французовъ. Они понимаютъ и чувствуютъ, что Германія спитъ и видитъ, какъ бы уничтожить своего вѣкового врага. Англичане находятся въ нѣсколько иномъ положеніи. Германія непосредственно не грозила имъ; но они, какъ народъ, болѣе всѣхъ политически развитой, поняли, что имъ грозитъ бѣда въ будущемъ отъ той же Германіи, какъ когда то грозила отъ Наполеона и Франціи, и они примкнули къ борьбѣ съ нею. Къ этому присоединилось еще уваженіе къ праву, которое было попрано нѣмцами съ цинизмомъ, до сихъ поръ, кажется, не встрѣчавшимся. У англичанъ уваженіе къ праву, скажу болѣе, привязанность къ нему достигаетъ такой степени, которая другимъ народамъ даже мало понятна. Много вѣковъ борьбы за право и за свободу личности создали и развили эту привязанность, присущую каждому англичанину. Это то сознаніе, что они борятся на право и за британскіе интересы, которымъ грозятъ въ будущемъ, сдѣлало то, что энтузіазмъ въ Англіи поднялся настолько, что безъ обязательной воинской повинности она собрала болѣе двухъ милліоновъ добровольцевъ. Германское правительство само сознавало, что мотивы войны не могутъ поднять народнаго энтузіазма; оно поэтому старалось представить дѣло такъ, что Германія должна обороняться отъ сосѣдей, стремящихся почему то къ ея уничтоженію. Оно скрыло поэтому отъ общества все то, что могло выставить причины войны въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, ибо какъ ни великъ милитаризмъ въ Германіи и какъ ни глубоко отравленіе національнымъ самомнѣніемъ, все же эти свойства не таковы, чтобы возбудить энтузіазмъ къ такой войнѣ, какая вызвана была Вильгельмомъ.

Такимъ образомъ, изложеніе шансовъ той и другой стороны приводитъ насъ къ выводу, что шансовъ благопріятныхъ на сторонѣ „Согласія“ больше, чѣмъ на сторонѣ нѣмцевъ. Но, конечно, отъ вѣроятности нельзя заключить къ дѣйствительности. Это только вѣроятности, которыя могутъ и не превратиться въ счастливый исходъ борьбы, такъ такъ

возможно вмѣшательство разныхъ случайностей и такихъ факторовъ, при которыхъ побѣда превращается въ пораженіе или же кончается въ ничью. Таковыми факторами могутъ быть: малодушіе въ неудачѣ, политическія симпатіи или антипатіи правящихъ сферъ и т. п. Примѣромъ можетъ служить Семилѣтняя война, кончившаяся торжествомъ Фридриха II послѣ того, какъ онъ былъ почти раздавленъ. Какъ бы то ни было, какъ бы потомъ ни сложились обстоятельства начавшейся борьбы, несомнѣнно то, что никогда въ восточной политикѣ Россіи условія не складывались для нея такъ благопріятно, какъ они сложились въ эту войну. Тѣ самыя державы, которыя когда то были не разъ въ теченіе XIX вѣка ея соперницами, идутъ съ нею рука объ руку. Никогда Россія не была такъ благопріятно поставлена въ достиженіи ея, вѣками созданной, цѣли, заключающейся въ обезпеченіи свободы проливовъ для ея хозяйственной дѣятельности, никогда она не была такъ близка къ тому, чтобы обезпечить свое положеніе на своемъ Русскомъ морѣ. Та задача, на которую когда то указывалъ Наполеонъ Александру I въ ихъ полночныхъ бесѣдахъ въ Тильзитѣ, готова, повидимому, осуществиться. Вопросъ стоитъ такъ: Aut nunc, aut nunquam. Теперь, или никогда. Поэтому то для нея обязательна напряженность всѣхъ силъ; эта обязательность диктуется ей всею ея исторіей.

Изъ изложенныхъ событій становится ясно, какъ постепенно европейскія государства пришли къ тому сочетанію отношеній, которое мы наблюдаемъ въ настоящее время. Противники становятся друзьями, а тѣ, которые считались друзьями, становятся врагами. Мы видѣли, какъ измѣнялись отношенія Германіи къ Россіи подъ вліяніемъ стремленія первой сокрушить Францію и въ то же время не давать ходу политикѣ Россіи на Балканскомъ полуостровѣ. Эти событія, отдаляя Россію отъ Германіи, сближали ее съ Франціею, пока не привели къ прочному союзу. Съ другой стороны мы видѣли, какъ политика Германіи въ разныхъ частяхъ свѣта и въ особенности на Ближнемъ Востокѣ создала опасеніе Англіи и Россіи за ихъ кровные интересы, и какъ она привела эти державы, когда то стоявшія другъ

противъ друга въ Восточномъ вопросѣ, къ сближенію и обусловила соглашеніе между ними, приведшее къ совмѣстной борьбѣ ихъ противъ Германіи. Завязавшаяся теперь борьба имѣетъ однако гораздо болѣе широкій смыслъ, чѣмъ отстаиваніе своихъ интересовъ на Ближнемъ Востокѣ. Германія не разъ устами своихъ правителей и представителей общественной мысли заявляла, что никакой вопросъ въ міровой политикѣ не долженъ разрѣшаться безъ ея руководящаго вліянія. Такое притязаніе не можетъ быть осуществлено безъ того, чтобы такія державы, какъ Россія, Франція и Англія не вошли въ сферу ея вліянія. Франція и Россія являются представителями двухъ міровъ—славянскаго и романскаго, которые издавна находились въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ германскому міру. Издавна Германію тянуло къ обладанію Италіею, которая была раздроблена и представляла собою, какъ выражался Меттернихъ, лишь географическое понятіе. На пути къ осуществленію этого стремленія она встрѣтилась съ Франціею, болѣе мощнымъ и раньше другихъ объединившимся представителемъ романскаго міра. Отсюда войны между ними въ концѣ XV и въ началѣ XVI столѣтій. Тридцатилѣтняя война ослабила Германію и, такъ сказать, вывела ее изъ строя политическихъ единицъ замѣтнаго значенія, а раздробленность ея мѣшала возстановленію ея былого вліянія. Напротивъ, она стала предметомъ вожделѣнія Франціи при Ришелье, Людовикѣ XVI и во второй половинѣ XVIII вѣка. Эти войны не только питали стародавнюю вражду, но усиливали ее. Семилѣтняя война служитъ нагляднымъ образцомъ установившихся отношеній. Во время французской революціи 1789 года Пруссія и Австрія попытались поживиться на счетъ Франціи, полагая, что уничтоженное самодержавіе ослабило эту страну; но эта попытка была неудачна. Франція вышла изъ революціи болѣе сильною, чѣмъ была при послѣднихъ Бурбонахъ и жестоко отплатила Пруссіи и Австріи за ихъ коварную попытку поживиться на счетъ Франціи подъ покровомъ политики отстаиванія законнаго порядка. Наполеоновскія войны въ высшей степени усилили страхъ нѣмцевъ передъ Франціею. Онъ ихъ преслѣдовалъ въ теченіе всего времени до объединенія, вражда же ихъ къ Франціи усиливалась въ

той же степени. Они привыкли смотрѣть на нее, какъ на исконнаго врага, при наличности котораго объединенная Германія существовать спокойно не можетъ. Отсюда стремленіе не только ослабить ее, но довести до такого положенія, при которомъ она могла бы существовать только подъ владычествомъ Германіи. Стремленіе вовлечь Италію въ сферу германскаго вліянія свидѣтельствуетъ о томъ, что съ осуществленіемъ предпріятія по отношенію къ Франціи послѣдовало бы подчиненіе Германіи всего романскаго міра, наиболѣе сильнымъ представителемъ котораго является Франція. Таковъ смыслъ завязавшейся борьбы Германіи съ Франціей. Мы видимъ изъ событій 1875, 1905 и 1911 годовъ, что настоящая борьба не вызвана случайностью, что Германія стремилась втянуть Францію въ войну уже давно, и что только случайныя обстоятельства мѣшали осуществленію ея помысловъ.

Отношенія нѣмцевъ къ славянскому міру не менѣе древни, чѣмъ отношенія къ романскому, и отношенія эти направлены были всегда къ подчиненію славянъ и къ претворенію ихъ въ нѣмецкую національность. Подчиненіе было актомъ силы, а претвореніе въ началѣ шло естественнымъ путемъ ассимиляціи. Цѣлыя племена полабскихъ славянъ стали жертвой этого процесса, и только по мѣстнымъ названіямъ и еще по нѣкоторымъ особенностямъ въ построеніи рѣчи можно замѣтить слѣды бывшаго въ Саксоніи по Эльбѣ славянскаго населенія, ставшаго нѣмецкимъ. Таковы же отношенія нѣмцевъ къ польскому племени. Но, тутъ, кромѣ борьбы съ цѣлью подчиненія, выступаетъ и систематическая борьба съ помощью такъ называемыхъ культурныхъ пріемовъ, имѣющая цѣлью лишить поляковъ ихъ національности. Это продуктъ политики XIX столѣтія, когда выступилъ на сцену національмъ со всѣми его атрибутами. Запрещеніе родного языка въ школѣ и даже преподаванія Закона Божія на польскомъ языкѣ, таковъ первый этапъ въ дѣлѣ борьбы съ польскою національностью. Затѣмъ слѣдуетъ поощреніе въ Познани нѣмецкой колонизаціи съ образованіемъ спеціальнаго банка для скупки польскихъ земель и передачи ихъ въ руки нѣмецкихъ колонистовъ. Когда же оказалось, что поляки не только не поддаются на выгодныя условія покупки ихъ земель, но еще ихъ землевла-

дѣніе выигрываетъ въ ростѣ, сравнительно съ нѣмецкимъ, наступаетъ третій этапъ въ развитіи политики уничтоженія польской національности, это принудительное отчужденіе польскихъ земель. Къ чему приведетъ эта варварская политика, это другой вопросъ, который теперь не время разбирать, довольно только замѣтить тутъ, что подобная политика англичанъ въ Ирландіи на пространствѣ трехъ вѣковъ не привела ни къ чему, и англичане отъ нея отказались, убѣдившись въ ея безполезности и жестокости; но нельзя не обратить здѣсь наше вниманіе на то, что борьба съ польскимъ народомъ служитъ только ступенью, по которой нѣмцы идутъ къ борьбѣ съ славянскимъ міромъ вообще и съ главною представительницею этого міра Россіею. Что это именно такъ, свидѣтельствуетъ рѣчь теперешняго германскаго канцлера Бетмана Гольвега, сказанная имъ въ рейхстагѣ въ 1912 году. Въ ней онъ прямо заявилъ, что Германіи предстоитъ серьезная борьба съ славянскимъ міромъ. Не онъ только такъ смотритъ на дѣло, но и многіе, и многіе нѣмцы, которые всегда весьма враждебно относились къ всякому проявленію славянскаго самосознанія и ко всякой попыткѣ славянъ сблизиться между собою. Ихъ лица растворялись въ довольную улыбку, когда дѣло шло о торжествѣ германизма, какъ объединенія нѣмцевъ; но они покрывались ужасомъ при одномъ имени панславизма. Поэтому мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что теперешняя борьба наша съ Германіею и Австріею есть борьба за независимость славянскаго міра и за сохраненіе его самобытности. Эта борьба стоитъ въ цѣпи стародавнихъ отношеній германскаго и славянскаго міровъ, и теперь рѣшается вопросъ, возьметъ ли верхъ германскій міръ съ его пресловутою культурой, или же славяне остановятъ нѣмцевъ въ ихъ стремленіи къ господству и въ союзѣ съ французами и англичанами заставятъ ихъ стать на надлежащее мѣсто.

Въ этомъ столкновеніи національныхъ и политическихъ стремленій Англія занимаетъ особое мѣсто. Она переросла уже тотъ уровень, на которомъ національными интересами опредѣляется политика. Само населеніе Англіи не можетъ быть признано принадлежащимъ только къ германской расѣ, хотя германскій канцлеръ на этомъ германскомъ осно-

ваніи англійскаго національнаго естества строилъ свой расчетъ на томъ, что Англія можетъ и должна итти заодно съ Германіею. На самомъ дѣлѣ изъ смѣси кельтическаго, романскаго и, можетъ быть, отчасти и славянскаго (Англы) элементовъ составилась англійская національность. Но, высоко цѣня свое англійское достоинство, англичане совсѣмъ не претендуютъ на то, что ихъ національность должна претворить въ себя всѣ другія, ради прочности англійской имперіи. Напротивъ, какъ недавно еще заявилъ одинъ изъ англійскихъ министровъ, Англія поставляетъ себѣ въ заслугу то, что она признаетъ равноправіе всѣхъ народностей и религій, входящихъ въ составъ ея громадной имперіи. И это то признаніе не только равноправія, но и свободы самоопредѣленія этихъ народностей дѣлаетъ то, что національный вопросъ не играетъ роли въ отношеніяхъ Англіи къ другимъ народностямъ и другимъ государствамъ. Благодаря этому, мы видимъ ее теперь на сторонѣ романскаго и славянскаго міровъ. Ея интересы того потребовали, какъ только Германія выяснила свое стремленіе нарушить самостоятельность Бельгіи и низвести Францію на положеніе второстепенной державы. Но, что интересно, въ поведеніи Англіи играютъ роль не только матеріальные интересы, но и вопросы права. Это уваженіе къ праву и готовность защищать его, не справляясь съ требованіями минуты у англичанъ очень сильно, какъ оно оказалось сильнымъ также и у бельгійцевъ. Уваженіе къ праву связано у англичанъ съ привязанностью къ свободѣ и съ представленіемъ о томъ, что спаянность частей государства выигрываетъ отъ уваженія мѣстныхъ правъ и мѣстной свободы. Почти всѣ англійскія колоніи построены именно на этомъ признаніи ихъ права на самоуправленіе.

Наиболѣе яркимъ примѣромъ этого смѣлаго признанія права на самоуправленіе въ своихъ мѣстныхъ дѣлахъ является земля буровъ. Не успѣла Англія покорить ихъ своему владычеству, какъ она предоставила имъ свободу самоуправленія. Многіе въ самой Англіи считали это неосторожностью, а въ Германіи называли этотъ шагъ безуміемъ; но дѣйствительность оправдала этотъ смѣлый шагъ и эту вѣру въ силу и значеніе свободы для прочности государства.

Много ли лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Бота боролся противъ Англіи, а теперь тотъ же самый Бота и другіе буры защищаютъ Англію противъ Германіи и помогаютъ ей овладѣть германскими колоніями. Вотъ въ этомъ то умѣніи владычествовать безъ подавленія, въ умѣніи сочетать свободу съ единствомъ Англія переросла другія европейскія государства, не исключая и Франціи, какъ она переросла ихъ въ національномъ вопросѣ. Очень можетъ быть, что теперешняя война подвинетъ и другіе европейскіе народы къ убѣжденію, что въ національности только и не въ централизаціи лежитъ основаніе единства и мощи государства. Но это вопросъ будущаго, вопросъ, выходящій изъ области тѣхъ фактовъ и соображеній, которые составили предметъ настоящихъ бесѣдъ съ вами, милостивыя государыни и милостивые государи. Но трудно прекратить эту бесѣду, не поднявъ немного завѣсу будущаго и не остановившись на минуту на вопросѣ о томъ, каковы были бы послѣдствія побѣды той или иной борющихся группъ государствъ.

При постановкѣ теперешней борьбы едва-ли можно допустить, чтобы она кончилась безъ рѣшительной побѣды той или другой стороны. На этотъ счетъ довольно ясно высказывались государственные люди борящихся сторонъ. Итакъ, либо побѣда тройственнаго согласія, т. е. романо-славянскаго міра въ союзѣ съ Англіею, либо побѣда Германіи и установленіе ея владычества надъ Европой и превращеніе Россіи и Франціи въ вассальныя государства нѣмецкаго кайзера и нѣмецкой солдатчины. Другого выбора нѣтъ. Послѣдствія побѣды тройственнаго согласія опредѣляются характеромъ ихъ исторіи и культуры. Англія и Франція могутъ съ гордостью указать на свое прошлое и на тѣ услуги, которыя онѣ оказали цивилизаціи Европы. Россія можетъ съ неменьшею гордостью сказать, что она выдержала на своихъ плечахъ напоръ Азіи на Европу и, потерявъ многое изъ своей старой культуры, сохранила свое славянское естество, несмотря на то, что въ свое время надѣла нѣмецкій кафтанъ и пудреный парикъ, вмѣсто византійской рясы. Русскій народъ можетъ сказать, что онъ не мало народностей претворилъ въ себя, но не старался

уничтожить ихъ, а, напротивъ, кое кому создалъ условія самостоятельнаго и свободнаго существованія. Такимъ образомъ, торжество тройственнаго согласія будетъ только на пользу человѣчества и свободы Европы. Результатъ побѣды Германіи опредѣляется ея сорокалѣтнимъ реакціоннымъ вліяніемъ въ Европѣ, ея жестокостями въ колоніяхъ и ея неспособностью приспособиться къ туземцамъ и къ другимъ народамъ. На пространствѣ сорока лѣтъ ея гегемоніи въ Европѣ мы не видимъ ни одной животворной идеи, которую бы она воплотила въ жизнь, и видимъ только одно стремленіе: вытѣснить всѣхъ, поглотить, кого можно, чтобы занять ихъ мѣсто. Мы видимъ гигантское развитіе промышленности, высокое развитіе техники и пріобрѣтательной энергіи и рядомъ съ этимъ, въ противорѣчіи съ этими блестящими сторонами чисто матеріальной культуры, пониженіе идейной жизни и возложеніе всѣхъ надеждъ и упованій на кулачное право. Нравственное и правовое чувства отступили на второй планъ, и все подчинено военнымъ соображеніямъ и направлено на матеріальныя блага. Когда мы вспоминаемъ слова Бюлова о томъ, что нѣмцы прежде уступали однимъ землю, другимъ отдавали море, а себѣ оставляли только небо съ царящею тамъ чистой доктриной, а что теперь они и себѣ хотятъ получить мѣстечко на солнышкѣ, то намъ кажется, что слѣдовало бы эти слова понять такъ, что теперь нѣмцы совсѣмъ позабыли небо съ царящею тамъ чистой доктриной и стремятся захватить себѣ все на морѣ и на землѣ, не обращая никакого вниманія на чужое право и на свои обязанности.

Практика нѣмцевъ въ Бельгіи и во Франціи и у насъ въ Польшѣ съ разореніемъ городовъ и селеній, съ разрушеніемъ Лувена съ его университетомъ и библіотекою, съ разгромомъ Реймскаго собора, съ убійствами въ Калишѣ и множество другихъ фактовъ текущей войны свидѣтельствуютъ о презрѣніи къ божескимъ и человѣческимъ законамъ, которые и во время войны не должны терять своей силы. Всѣ эти дѣйствія не только результатъ дѣйствій зазнавшейся и разсвирѣпѣвшей солдатчины, приносящей все въ жертву Молоху, но и сознательной жестокости, которая и въ мирное время культивировалась. Вспомнимъ приведенныя

слова Вильгельма о славѣ гунновъ, къ которой онъ и призывалъ нѣмцевъ, и мы увидимъ, что въ Бельгіи и во Франціи они стремились достичь этой отвратительной славы. Когда же мы слышимъ, что выдающіеся нѣмецкіе ученые и писатели въ опубликованномъ ими документѣ стараются оправдать стратегическими соображеніями всѣ совершаемыя звѣрства и вандализмъ нѣмецкой арміи, то мы въ правѣ притти къ догадкѣ, что не только Вильгельмъ и военные опустились до забвенія неба съ его законами, но и лучшіе люди нѣмецкой земли, что произошло пониженіе нравственнаго уровня цѣлой націи. А отношеніе къ иностранцамъ, случайно захваченнымъ войною въ предѣлахъ Германіи. Все то, что мы читали и слышали о маловѣроятныхъ жестокостяхъ по отношенію къ этимъ, такъ называемымъ, военноплѣннымъ сначала вызвало недовѣріе, потому что въ насъ слишкомъ сильно было уваженіе къ высокой культурѣ нѣмцевъ; но показанія шли съ разныхъ сторонъ, показанія единодушныя, исходившія отъ лицъ, не сговаривавшихся между собою и бывшихъ въ разныхъ концахъ Германіи, и они убѣдили даже скептиковъ въ томъ, что нѣмцы одичали, что они дошли до того, чего даже дикари не дѣлаютъ: до оскорбленія лицъ, принадлежащихъ къ отъѣзжающему посольству. Приходится признать, что высокая матеріальная культура можетъ уживаться съ низкой духовной культурой, съ забвеніемъ неба и его законовъ.

Отъ этихъ сценъ звѣрства, дикости и злобы съ облегченіемъ сердца переносишь свой взоръ на наше населеніе. Въ теченіе своей исторіи русскій народъ терпимо относился къ живущимъ съ нимъ, рядомъ народностямъ. Если въ теченіе послѣдняго полувѣка мы видимъ какъ будто противорѣчіе этому въ обрусительной политикѣ нашей власти, то, не обинуясь, можно утверждать, что практика эта есть слѣдствіе нѣмецкаго вліянія, которое сильно въ нашей бюрократіи. Эта теорія обрусѣнія навѣяна извнѣ, она не составляетъ плода русской почвы. Параллельно тому, что мы видимъ въ отношеніяхъ нѣмцевъ къ нашимъ соотечественникамъ, мы видимъ совершенно противоположное отношеніе нашего народа къ плѣннымъ. Стоитъ только пойти на Бессарабку въ то время, какъ по этой площади про-

водятъ плѣнныхъ, настоящихъ плѣнныхъ, а не мирныхъ гражданъ, стоитъ увидѣть тамъ, какъ простые люди, чуждые какихъ либо теорій, выносятъ хлѣбъ, пироги, яблоки и прочую живность и раздаютъ ее своимъ бывшимъ врагамъ, признавая въ нихъ несчастныхъ людей, чтобы признать, что русскій народъ стоитъ выше этихъ культуртрегеровъ, которые съ высоты своей образованности смотрятъ на насъ, какъ на варваровъ, подлежащихъ подчиненію германцамъ и онѣмеченію. Можно сказать, что въ поведеніи нашего солдата, въ поведеніи русскаго народа, оставшагося пока дома, въ его сильномъ душевномъ движеніи, вызванномъ завязавшеюся борьбою, мы какъ бы въ увеличенномъ зеркалѣ увидѣли ясно его нравственный обликъ, познали насъ самихъ и исполнились восторга предъ нашимъ народомъ и отрезвились отъ нашего преклоненія предъ германцами. Русскій народъ бѣденъ, не велики его успѣхи въ образованіи, не высока его матеріальная культура, но велика душа его, и онъ не забылъ неба съ царящей на немъ вѣчной правдой жизни, и въ этомъ источникъ его силы и величія.

По этому поводу мнѣ вспоминается разсказъ нашего великаго сатирика М. Е. Салтыкова (Щедрина), написанный имъ еще 35 лѣтъ тому назадъ и изданный въ очеркахъ подъ общимъ названіемъ „За Рубежемъ“. Въ разсказѣ въ драматической формѣ, названномъ „Мальчикъ въ штанахъ и мальчикъ безъ штановъ“, авторъ передаетъ картину, приснившуюся ему въ вагонѣ во время поѣздки за границу. Въ этомъ сновидѣніи ему рисуются русскій мальчикъ безъ штановъ и культурный нѣмецкій мальчикъ, конечно, въ штанахъ и прочихъ атрибутахъ культуры. Въ ихъ фантастическомъ разговорѣ авторъ вкладываетъ между прочимъ мальчику безъ штановъ въ уста такую оцѣнку нѣмецкой культуры: „Правду ты сказалъ: есть у васъ и культура, и наука, и искусство, и свободныя учрежденія, да вотъ что худо: къ намъ то вы приходите не съ этимъ, а только чтобы пакостничать. Кто самый безсердечный притѣснитель русскаго рабочаго человѣка?—Нѣмецъ! Кто самый безжалостный педагогъ?—Нѣмецъ! Кто вдохновляетъ произволъ, кто служитъ для него самымъ неумолимымъ и всегда готовымъ орудіемъ?—Нѣмецъ! И замѣть, что, сравнительно, ваша наука все таки

второго сорта, ваше искусство тоже, а ваши учрежденія и подавно. Только зависть и жадность у васъ перваго сорта, и такъ какъ вы эту жадность произвольно смѣшали съ правомъ, то и думаете, что вамъ предстоитъ слопать міръ. Вотъ почему васъ вездѣ ненавидятъ, не только у насъ, но именно вездѣ". Авторъ оговаривается, что такія слова, совершенно несоотвѣтствующія интеллекту мальчика безъ штановъ, автору приснились; но они характерны. Изъ нихъ видно, что еще въ 1880 году Щедринъ провидѣлъ тѣ свойства нѣмецкой культуры, которыя расцвѣли роскошнымъ букетомъ лѣтъ на двадцать позднѣе и тогда были только въ зародышѣ. Мальчикъ безъ штановъ не отрицаетъ недочетовъ своей культуры, какъ и своего костюма, но онъ не только не хочетъ отказаться отъ своего я, но даже находитъ въ этихъ недочетахъ нѣчто занятное.

Мальчикъ въ штанахъ: Рѣшительно ничего не понимаю.

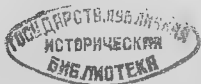
Мальчикъ безъ штановъ: Гдѣ тебѣ понять,—сказывалъ ужъ я тебѣ, что ты за грошъ чорту душу продалъ—вотъ онъ тебѣ теперь и засвѣтитъ свѣтъ.

Мальчикъ въ штанахъ: Сказывалъ. Но вѣдь и я вамъ говорилъ, что вы тому же чорту задаромъ душу отдали... Кажется, что и эта афера не особенно лестная...

Мальчикъ безъ штановъ: Такъ то задаромъ, а не за грошъ. Задаромъ то я отдалъ,—стало быть, и опять могу назадъ взять... Ахъ, колбаса, колбаса!..

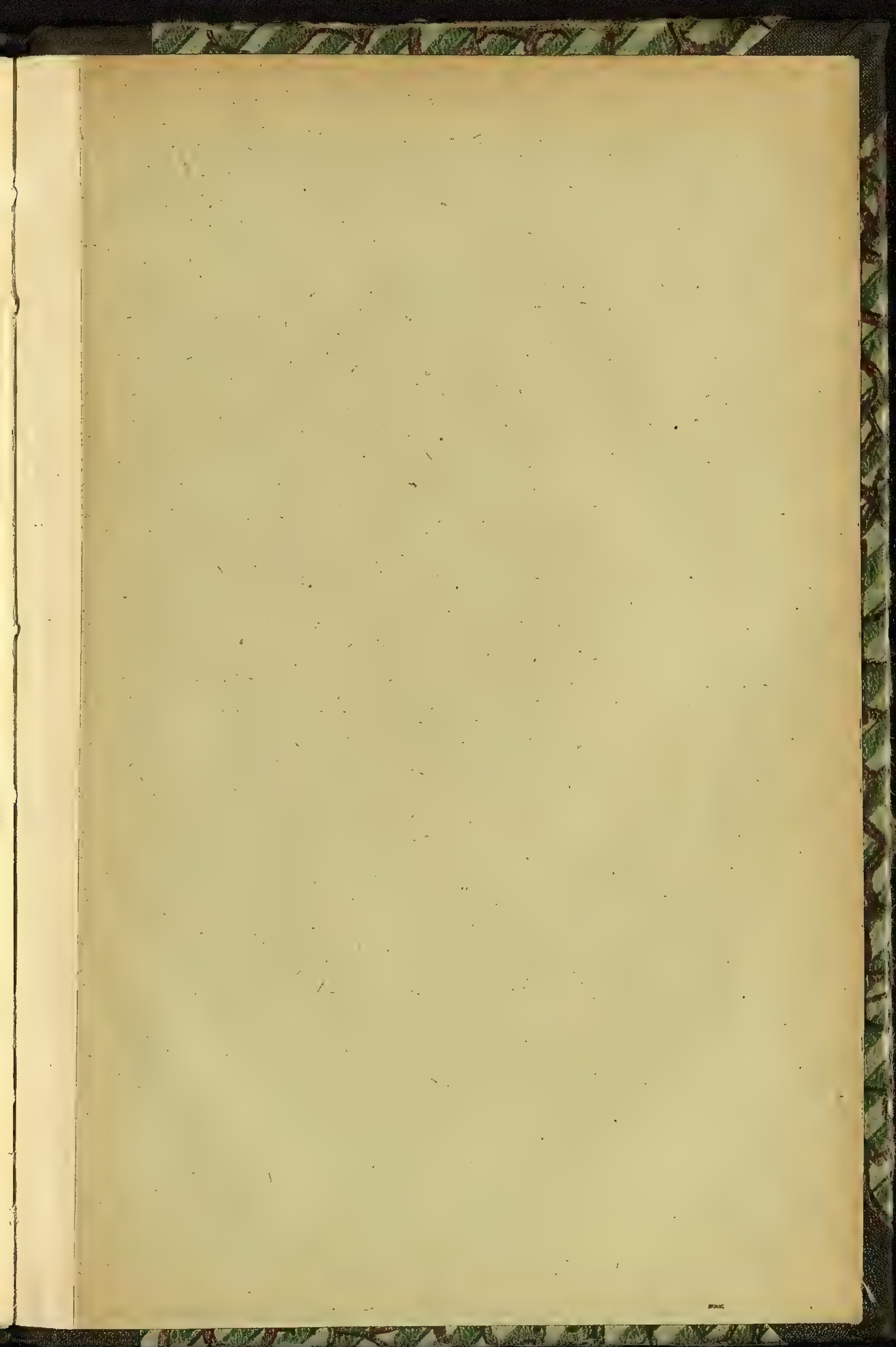
Когда сравнишь культуру нѣмецкую „второго сорта", пропитанную жадностью „перваго сорта", съ культурою народовъ тройственнаго согласія, то невольно признаешь благостность побѣды этого послѣдняго надъ нѣмцами. Человѣчество въ своихъ лучшихъ сторонахъ существованія только выиграетъ отъ этой побѣды, да и нѣмцы сами, можетъ быть, выиграютъ, познавъ вредъ милитаризма и алчнаго національма съ забвеніемъ неба и его завѣтовъ. Но, когда чувствуешь свое родство съ душою русскаго народа, это признаніе благостности побѣды тройственнаго согласія въ интересахъ всего человѣчества переходитъ въ страстное желаніе побѣды во имя сохраненія независимости благороднаго и человѣчнаго русскаго народа. Какой просторъ открывается развитію хорошихъ качествъ его души въ случаѣ

побѣды! Далеки перспективы, открываемыя чаяніемъ этой побѣды! Въ радужныхъ смутныхъ очертаніяхъ онѣ представляются моему сердцу, смущаемому сознаніемъ, что старому человѣку не дойти до этой обѣтованной земли. Но многіе изъ Васъ молоды. Вамъ дана надежда увидѣть воочію это будущее русской земли и потрудиться для него. Вѣрьте, что та народная сила, которая одержитъ побѣду надъ нѣмцемъ съ его стремленіемъ проглотить міръ, эта народная сила, которую мы чувствуемъ теперь въ этой гигантской борьбѣ, преобразитъ и русскую государственность на болѣе широкихъ и гуманныхъ началахъ; чтобы всѣмъ народамъ, населяющимъ Россію, жилось удобно и покойно въ этомъ большомъ домѣ и дышалось въ немъ легко. Тогда настанетъ на землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе!

Сочиненія Г. Е. Аѳанасьева:

1. Воспоминанія о В. И. Григоровичѣ.
2. Главные моменты министерской дѣятельности Тюрго. Одесса. 1884 г.
3. Два момента конституціонной исторіи Англіи XIX вѣка. Одесса. 1882 г.
4. Внѣшняя политика Наполеона III. Одесса. 1885 г.
5. Судьбы Ирландіи. Одесса. 1887 г.
6. Двѣ публичныхъ лекціи о Маріи Стюартъ. Одесса. 1888 г.
7. Очеркъ дѣятельности Тюрго. Одесса. 1886 г.
8. Les sociètés de credit mutuel en Russie. Paris. 1890 г.
9. Условія хлѣбной торговли во Франціи въ концѣ XVIII вѣка. Петербургъ. 1891 г.
10. Les Artels Russes. Paris. 1891 г. (Reforme sociale).
11. Tableau des mesures pour les grains... au XVIII siècle en France. Paris. 1891 г.
12. Le Pacte de Famine. Paris. 1890 г.
13. Общество Голодовки. Петербургъ. 1891 г.
14. Le Commerce des céréales en France au XVIII siècle. Paris. 1894 г.
15. Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII вѣкѣ. Одесса. 1892 г.
16. Наши конкуренты. Одесса. 1893 г.
17. Капиталъ, спекуляція и банкиры. Одесса. 1893 г.
18. Гугеноты при Людовикѣ XIV. Одесса. 1895 г.
19. Наполеонъ I. Кіевъ. 1898 г.
20. Лалли Толандаль и его процессъ о государственной измѣнѣ. Кіевъ. 1900 г.
21. Денежный кризисъ. Одесса. 1900 г.
22. La Crise actuel des capitaux en Russie. Paris. 1900 г.
23. Мирабо. Кіевъ. 1902 г.
24. Исторія Ирландіи. Петербургъ. 1907 г.
25. Историческія и экономическія статьи. 2 тома. Кіевъ. 1909 г.
26. Условія разложенія крѣпостного права. Кіевъ. 1911 г.
27. Историческое значеніе Франко-Германской войны. Кіевъ. 1911 г.
28. Наполеонъ и Александръ. Причины войны 1812 года. Кіевъ. 1912 г.
29. 1812 годъ въ его дѣятеляхъ. Кіевъ. 1914 г.
30. Происхожденіе теперешней войны. (Лекціи для учащихся). Кіевъ. 1915 г.

ц. 60 коп.

